

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т.В. ЧАПЛЯ

АКСИОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ответственный редактор профессор *В.З.Коган*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА» 2006

УДК 316.77

ББК 88.52

Ч-19

Рецензенты

кандидат социологических наук, доцент *Н. Н. Киселёв*

кандидат культурологии *СП. Сторожена*

Утверждено к печати Учёным советом Новосибирского государственного педагогического университета

Чапля Т.В.

Аксиология информационного взаимодействия: теоретико-методологический анализ / Т.В. Чапля. - Новосибирск: Наука, 2006 - 243 с. ISBN 5-02-030406-9.

Книга посвящена одной из актуальных в современной науке проблем - проблеме информационного взаимодействия. Автор проводит различие между такими понятиями, как «социальное взаимодействие», «социальная коммуникация», «информационное взаимодействие», доказывая, что они не исключают друг друга, а являются отдельными элементами существующих в обществе и культуре процессов. Пристальное внимание уделяется исследованию аксиологии информационного взаимодействия, которая играет определяющую роль в жизни человеческого общества на протяжении всей его истории.

Для философов, социологов, культурологов и всех, кто интересуется проблемами коммуникации.

УДК 316.77

ББК 88.52

Без объявления

©Т.В. Чапля. 2006

©Новосибирский

государственный

педагогический

университет, 2006

ISBN5-02-03006-9

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЦЕННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ	10
1.1. Понятие «ценность» в современном гуманитарном знании	10
1.2. Структура ценностного отношения	51
1.3. Информация как ценность	74
ГЛАВА 2. ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ», «СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ», «ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ . 95	
2.1. Понятие «социальное взаимодействие» в современной науке	95
2.2. Социальная коммуникация и информационное взаимодействие: к постановке проблемы	132
ГЛАВА 3. ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	165
3.1. Ценностные аспекты внешних форм протекания информационного взаимодействия	165
3.2. Ценностные характеристики различных видов и форм информационного взаимодействия	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230
ПРИМЕЧАНИЯ	236

ВВЕДЕНИЕ

Ценности во всем их многообразии пронизывают духовную жизнь индивида, социальных групп, глобального социума. Вне анализа ценностей исследование динамики духовных процессов невозможно. Система ценностей занимает фундаментальное положение в структуре человеческого сознания, так как именно она формирует самосознание, ориентирует индивидов на избирательность действий и поведения.

Хотя человек как существо социальное не может прожить вне связи с себе подобными, ценностные основания, благодаря которым выбирают себе партнеров по общению, все еще изучены недостаточно. Также мало изучены способы и аксиологические функции различных видов общения, их зависимость от множества других социальных факторов.

Наиболее актуальные вопросы, связанные с социально-ценностными аспектами инфовзаимодействия в современных условиях, когда человечество вступает в информационную цивилизацию, проблемы взаимосвязи в условиях новейших способов взаимодействия (имеются в виду мультимедийные компьютерные сети и т.п.) не привлекли пока еще должного внимания представителей гуманитарного знания - философов, психологов, социологов, антропологов, филологов и культурологов.

В отечественной научной литературе обсуждение проблем взаимодействия шло в основном в рамках семиотики и психологии, вращаясь вокруг исследования различных видов коммуникации, позиций партнеров, функций их взаимодействия. При этом весьма редко ставился акцент на ценностных характеристиках коммуникации и роли других факторов (пространства, времени и т.п.) в процессе социального взаимодействия.

Только сейчас в связи со становлением новой интегративной науки - информологии - появляются работы, подробно анализирующие структуру и

деятельность каждого из участников инфовзаимодействия. Но и в этих немногочисленных исследованиях практически не затрагиваются ценностные аспекты, на основе которых и происходят взаимодействия людей. Освещение данной проблемы было в основном связано с разработкой концепции информационных потребностей.

Актуальность обращения к ценностным аспектам информационного взаимодействия обусловлена тем, что и потребности, и мотивы, и интересы имеют своим истоком ценностные установки, а именно ими руководствуются в своей деятельности участники инфовзаимодействия.

В социально-практическом плане необходимость изучения ценностных аспектов инфовзаимодействия связана с конкретно-исторической ситуацией: XX век принес человечеству компьютерную революцию, которая кардинальным образом изменила всю сеть человеческих взаимоотношений и взаимосвязей. Возникновение электронных сетей связи порождает новый язык, новый контекст, в котором протекает человеческое общение, происходят изменения в социальной структуре общества, ускоряется и видоизменяется процесс размывания границ между социальными слоями и группами; информация, заложенная в компьютер, теряет свою конфиденциальность. Это влечет за собой необходимость изучения, сравнения и сопоставления различных способов взаимодействия и их ценностных аспектов.

Осмысление ценностных аспектов инфовзаимодействия может оказаться весьма полезным для выявления характера взаимосвязи личности и социальных групп, личности и общества в целом. Развитие социума невозможно без взаимодействия различных его частей, чтобы увеличить степень продуктивности таких взаимодействий, необходимо учитывать системы ценностей их участников, с опорой на которые достигаются желаемые цели коммуникации или максимально удобные соглашения для всех сторон.

Постановка проблемы ценностей и формирование

ценностного подхода к тем или иным проблемам относятся к XIX веку. Первым шагом на этом пути принято считать разграничение сферы должного и сущего в работах И. Канта. Последователи И.Канта углубили и конкретизировали это разграничение. Категория ценности была изначально сформулирована в политэкономии. Р. Г. Лотце вывел определение ценностей, исходя из противопоставления бытия и значимости. Он преодолел онтологическое представление просветителей об однородности реальности, предстоящей человеку, так и не создав определенной философской системы для изучения ценностей. Г. Риккерт и В. Виндельбанд связали ценность с миром долженствования, который не находит своего воплощения в реальном мире, но всеми признается. Тем самым, было признано, что ценности предшествуют существованию.

Занималась проблемами ценностей с точки зрения феноменологии другая, не менее известная школа. Э. Гуссерль, Н. Гартман, М. Шелер доказывали, что ценности пронизывают собой всю существующую реальность, имеют свое основание в объективном духе и образуют определенную иерархию. Они также связали категорию ценности с познающим и деятельным субъектом. Основным источником познания мира ценностей они называли интуицию, но не признавали необходимость интернализации ценностей действующим субъектом.

Экзистенциалисты противопоставляли ценности и факты, при этом решающее значение придавалось индивидуальности процесса познания ценностей, которому приписывался тотально субъективный характер.

Неопозитивисты (Р. Карнап, Б. Рассел) рассматривали ценность как субъективное отношение человека к внешнему предмету, формирующееся в результате чувственного (эмоционального) восприятия. Они не разводили понятия - «ценность», «ценностное отношение», «оценка».

Марксизм изучал ценность как объективную реальность, выполняющую роль главного ориентира человеческой деятельности. Для этой концепции характерен приоритет объективных факторов, акцент на общественных интересах и потребностях при недостаточном внимании к субъективному фактору.

В рамках современной науки проблема ценностей наиболее активно стала обсуждаться в 60-70-е гг. XX в. Ценности стали предметом изучения социологии, психологии, социальной психологии, истории, культурологии и т.д.

Изучение ценностей в рамках психологии в начале XX в. было связано с категориями удовольствия, желания, чувства ценности. Современная психология связывает изучение ценностей с анализом мотивационных структур жизнедеятельности.

Культурология рассматривает ценности как результат человеческой деятельности, ее внутреннее содержание, которое определяет стремление человека воссоздать всю реальность через самого себя.

Современная социология основывает свое определение ценностей на системе общесоциальных регулятивных механизмов, включая ценности общества в структуру общественного сознания и культуры.

Под ценностями в данной работе понимается процесс надления мира и себя (как его части) смыслом, который проявляется во взаимодействии и взаимосвязи человека с миром и с себе подобными и находит свое окончательное выражение в стойком предпочтении личностью и обществом определенного способа поведения.

В современной научной литературе существует большой спектр мнений по поводу статуса ценностей, проблемы их возникновения и роли в человеческом обществе.

В основе ценностей В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Ю. А. Левада, И. В. Бестужев-Лада, Ю. Д. Гранин, Н. С. Кузнецов, Л. П. Фомина, Г. Л. Головных,

О. Г. Дробницкий, В. П. Тугаринов, А. М. Коршунов, В. В. Мантатов, Е. А. Подольская, Е. В. Боголюбова, С. Ф. Анисимов, С. И. Попов видят способность того или иного предмета, вещи, явления и т.п. удовлетворять человеческие потребности. Они выделяют две стороны, характеризующие ценность: во-первых, взаимосвязь ценностей и человеческой деятельности, так как удовлетворение потребности происходит путем включения ценностей в деятельность; во-вторых, выбор предметов или явлений в качестве ценного происходит на основе ценностных представлений, которые могут выступать как цели, идеалы и т.д.

В. Сагатовский, И. Зеленкова, Н. Чавчавадзе подходят к определению ценностей с точки зрения их функциональных особенностей. И.О. Нарский, В.А. Василенко и др. усматривают в ценности момент отношений между субъектом и объектом.

Анализ литературы, посвященной изучению феномена ценностей, показывает очень широкий разброс мнений, концепций как по вопросам определения понятия, сущности, путей возникновения, так и по проблемам взаимосвязи ценностей с жизнью человека и общества. Изучение ценностей в итоге происходит по двум направлениям: онтологическому и прагматическому. В первом случае на ценность лишь указывается, во втором - определяется сам предмет.

В нашем исследовании, рассматривая проблему ценностей и ценностных аспектов инфовзаимодействия, мы будем исходить из следующих положений:

- ценность является средством выражения отношения к действительности;
- ценности и ценностные отношения формируются и проявляются в ходе социальной деятельности;
- в основе ценности лежит личностное знание.

Исследование ценностных аспектов инфовзаимодействия до сих пор почти не проводилось. Предприняты отдельные попытки анализа ценности

информации, дан анализ самого инфовзаимодействия (В. А. Василенко, И. А. Полетаев, Л. К. Ведмедева и др.), но все это - работы, затрагивающие вопросы ценностных аспектов лишь косвенно.

Проблема информационного взаимодействия была поставлена и начала разрабатываться в рамках кибернетики, которая выявила, что в основе устойчивости межэлементных связей лежит производство, передача и получение информации, а взаимодействие элементов может рассматриваться как информационное. Именно кибернетика указывает на то, что производство, преобразование, передача и принятие информации есть процесс, протекающий во времени и пространстве.

Существенное значение имеют труды В. З. Когана, в которых определены основы теории инфовзаимодействия, место и роль данного процесса в социальных системах, дан подробный анализ структуры инфовзаимодействия на основе соотнесенности информации и характера реализации субъектно-объектных отношений участников инфопроцессов в координатах пространства и времени. Под информационным взаимодействием мы будем понимать вид социального взаимодействия, возникающий к связи и по поводу производства, передачи и потребления информации субъектом и объектом коммуникации.

Основу изучения ценностных аспектов

информационного взаимодействия составляют следующие положения:

- любой акт инфовзаимодействия основан на субъектно-объектных отношениях;
- инфовзаимодействие, его формы и виды есть результат отражения многих факторов социального общения;
- любое инфовзаимодействие основывается на ценностных отношениях и оценках его участников;
- инфовзаимодействие есть процесс взаимонаправленной демонстрации ценностей участников взаимодействия.

В основе книги лежат представления автора о том, что ценностные аспекты информационного взаимодействия находят свое выражение в его внешних формах - это язык, который в данном случае обладает абсолютной ценностью, так как выполняет роль «упаковки» любой информации, циркулирующей в любом человеческом сообществе. И он же обладает относительной ценностью, так как при достаточно ограниченном наборе знаковых единиц каждый говорящий на данном языке получает возможность кодирования, декодирования и хранения в памяти неисчислимо большого количества информации, сохраняя при этом свою индивидуальность. Говорить о ценностных характеристиках инфовзаимодействия можно и с точки зрения его участников, то есть субъектно-объектных отношений. Здесь главным критерием являются цели, намерения участников взаимодействия, особенно возможность и степень их реализации.

В связи с этим логика исследования выстраивается следующим образом: в первой главе рассматриваются понятия «ценность», механизмы его возникновения и реализации (ценностное отношение, оценка),

определяются особенности наполнения данного понятия в информологии в соотнесении с понятием «ценность информации». Вторая глава книги посвящена анализу таких категорий, как «социальное взаимодействие», «социальная коммуникация», «информационное взаимодействие», прослеживается их взаимосвязь и особенности содержания каждой по отношению друг к другу. В третьей главе идет непосредственное изучение ценностных аспектов информационного взаимодействия в рамках двух описанных точек зрения.

Автор книги выражает искреннюю благодарность своим родителям и своим учителям, которые сыграли определяющую роль в его жизни - Людмиле Ивановне Дремовой и Владимиру Зиновьевичу Когану.

ГЛАВА 1. ЦЕННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

1.1. Понятие «ценность» в современном гуманитарном знании

Для изучения проблемы «ценность» в истории философии, мы обращаемся в основном к школам и направлениям XIX в., так как само понятие «аксиология» формируется на рубеже XIX XX веков. Именно в XIX веке впервые была поставлена проблема ценности как таковой. В античной и средневековой философии интересующая нас проблема обсуждалась внутри анализа других понятий и проблем (добро, истина, красота и т.п.). Только в XIX в. зазвучало понятие «ценность», и начал формироваться ценностный подход к изучению тех или иных сторон человеческого бытия.

Термин «аксиология» был введен в научный оборот в начале XX века. В 1902 году его впервые предложил французский философ П. Лапи, а в 1908 году использовал П. Гартман. Сегодня в науке иногда различают ценностный и аксиологический подходы. Под ценностным подходом понимают непосредственное эмоционально- субъективное освоение ценностного значения какого-либо явления, а под аксиологическим рационально-теоретическое, по возможности, беспристрастное осмысление ценностного отношения в его объективной и субъективной сторонах¹.

Уже давно началось изучение того, в чем заключается сущность ценностей или что есть ценность, каков способ существования ценностей или каков бытийный онтологический статус ценностей, что является источником ценностей или как возможны ценности, если нигде в мире нет хотя бы одного примера совершенного воплощения ценностей.

Во многих языках слово «ценность» встречается наряду со словами «достоинство», «оценка». В русском

языке слово «ценность» связано со словом «цена», которое первоначально означало - «возмездие», «воздаяние», позднее - «вира», «штраф», которым искуплялся ущерб, затем слово «цена» стало употребляться в значении «стоимость чего-либо», а «ценить» - в значении «высоко ставить, придавать достоинство». «Достоинство» в других славянских языках (чешском, польском, украинском, словацком, болгарском) означает - «приличие», «соответствие», «соразмерность».

Все эти слова выражают свойство, принадлежащее вещам, которое делает их полезными или приятными для человека, выражая природное отношение между вещами и людьми, факт бытия «вещей для человека»².

В языке закреплено два значения слова «ценность»: с одной стороны, как представление о материальном, реальном или идеальном, отражающем положение, статус человека в обществе, с другой стороны, понятие о том, что доставляет удовольствие индивиду, которым движут не только непосредственная выгода и физическое удовлетворение, но и духовные запросы и потребности. Эта полисемантическая находит свое воплощение и в философских спорах, ведущихся до сих пор в научной среде.

Наиболее подробно категория ценности изучалась в конце XIX - начале XX вв., когда сформировались школы и направления, которые всесторонне проанализировали понятие ценности.

И. Кант первым разграничил сферы сущего и должного, то есть сферы того, что имеется в эмпирической действительности, и того, что составляет противостоящие ей ценности. Причину такого разграничения он видел в специфичности бытия и познания человека.

Неокантианцы (Г. Лотце, В. Виндельбанд, Г. Риккерт) далее углубили и конкретизировали это разграничение. Г. Лотце выделил категорию ценности из политэкономии, обособив ее от категории стоимости и, таким образом, подверг сомнению ее эмпирическое значение. Он

противопоставил ценности бытию и вывел ценности из сопоставления двух категорий: бытия и значимости. В. Виндельбанд и Г. Риккерт описали особый класс объектов, имеющих своеобразную форму бытия, которые были названы ценностями. Своеобразие этих объектов заключается в том, что они реально не существуют, но признаются всеми как абсолютные принципы, обладающие всеобщей значимостью. Поэтому, с точки зрения В. Виндельбанда и Г. Риккерта, ценности имеют смысл только потому, что они реально не существуют, а принадлежат миру долженствования, который стоит выше реального бытия. В соответствии с этим В. Виндельбанд и Г. Риккерт делят действительность на мир данный и мир ценностей. Ценности в их понимании (или нормы, абсолютные оценки) есть своеобразные объекты, составляющие собственный предмет философии. Благодаря им философия становится мировоззрением, «учением об идеалах человечества» (В. Виндельбанд), которое помогает понять «смысл жизни и значение нашего "Я" в мире» (Г. Риккерт). Смысл и значение ценностей определяется тем, насколько они (ценности) индивидуальны, неповторимы и обладают общей значимостью.

Тем самым ценности были выделены в особую сферу бытия. Введением их в сферу должного фактически и логически предшествующего существованию им было отказано в реальном существовании.

Феноменологи (Э. Гуссерль, Н. Гартман, М. Шелер) считают, что ценностные структуры пронизывают всю реальность, имея основание в объективном духе и образуя иерархию в соответствии с иерархией форм органической жизни. И если воплощение духа в действительность становится возможным благодаря жизни, то актуализация ценностей осуществляется через познающего и субъекта деятельности. Для Н. Гартмана *ценность* - «мир в миниатюре», имеющий свою структуру

и отображающий структуру мира в целом. Представители этого направления понимают под ценностью феномен царства трансцендентных, внепространственных и вневременных сущностей, которые находятся вне предметной реальности как абсолютное должествование, задающее человеку извне нормы оценки и поведения. «Подлинное место всякого ценностного Аргіогі (как и нравственного) - это *познание*, соответственно - *усмотрение ценностей*, которое выстраивается в чувствовании, предпочтении, в конечном счете - в любви и ненависти; равным образом - и познание связей ценностей как более высоких и более низких, то есть "*нравственное познание*" ...доступ к миру ценностей. В самом чувственном, живом контакте с *миром*, в предпочтении и в пренебрежении, в *самих* любви и ненависти, т.е. в ходе осуществления этих интенциональных функций и актов вспыхивают ценности и их порядки. И в том, что дано таким образом, имеется также и априорное содержание»³.

Феноменологи рассматривают ценности как таковые, существующие вне зависимости от предметного бытия, тем самым разграничивая ценности и их носителей. Постигание самоотжественного мира ценностей для них возможно только через интуицию. Это приводит к провозглашению независимости мира ценностей от человека, отрицанию необходимости интернализации ценностей действующим субъектом.

Однако может возникнуть сомнение в том, что мир ценностей диктует нормы оценки и поведения, если он не освоен или не усвоен человеком в качестве нормы, образца или идеала.

Экзистенциалисты противопоставляют ценности и факты. Сознание, по мнению Ж.-П. Сартра, есть причина своего собственного способа бытия. Это внутреннее самоосуществление, свободное самотворчество - его существенное свойство. Единственным основанием ценностей является свобода. Л. Полен, вслед за Ж.-

П. Сартром, утверждает, что ценности как готовые продукты бессмысленно познавать в силу их индивидуального характера (ценности, принятые от других, неполноценны и являются символом подавления личности).

Уязвимость позиции Л. Пола заключается в том, что процесс усвоения ценностей и сами ценности не разграничены. В этом случае можно возразить, что выбор и освоение ценностей в большей мере, действительно, происходит индивидуально, но при этом на человека влияет масса других факторов (например, ближайшее окружение). Тем не менее, проблема выбора актуальна для жизни каждого человека, в этом смысле индивидуальный характер ценностей не вызывает сомнения.

Неопозитивисты (Р. Карнап, Б. Рассел) считают, что ценностные суждения — это не формы отражения социального бытия, а фиксация эмоциональных состояний оценивающего субъекта, то есть ценность - это чисто субъективное отношение человека к внешнему предмету, это проекция на мир эмоционального расположения, это продукт человеческого произвола, не поддающийся рациональному анализу.

В работах И. О. Царского и В. Л. Василенко развернута картина тех проблем, которые послужили основой для критики неопозитивистов. Прежде всего они связаны с тем, что неопозитивизм не разводит понятий ценности, ценностного отношения и оценки. Характер самих ценностей объективен, они поддаются рациональному анализу, но выявление ценностей невозможно вне оценки, а оценка всегда субъективно окрашена. Давая оценку явлению, событию, человек вступает с ним в ценностное отношение. Результат оценивания предмета включает в таком случае два аспекта: эмоциональный (когда оценивание происходит на уровне «нравится / не нравится», «красиво / некрасиво» и т.п.) и рациональный (когда в предмете вычленяются те или иные качества, делающие его полезным или бесполезным).

С позиции марксизма, «ценность представляет собой объективную значимость явлений (вещей, идей, процессов, отношений) в качестве ориентиров человеческой деятельности, содержание которых обусловлено общественными потребностями и интересами», ценность - «предметное содержание общественных отношений»⁴. Основа марксистского учения о ценностях состоит в органическом соединении сущего и должного, необходимого и желаемого.

В настоящий момент постулаты марксистской позиции стали предметом многих дискуссий. Критика касается того, что марксизм не учитывает индивидуальных запросов личности, с помощью которых она реализует себя не только в обществе, коллективе или социальной группе, но и ощущает себя как некой «самости», со своими личными запросами и потребностями, со своим особым способом освоения окружающего мира, со своим способом бытия в этом мире.

В зависимости от того, *что* является основой для определения ценностей, можно выделить три подхода.

1. **Натуралистический.** Ценность определяется как атрибут предметов реальности, независимо от того социально-исторического окружения, в который они погружены. Наиболее яркий представитель этого направления - Г. Л. Парсонс. Он формулирует понятие ценности как «желательность или пригодность чего-либо, имеющего отношение к человеку»⁵, считая, что «ценности - это процессы, которые сопрягают человека с природой, с тем, чтобы обеспечивать и удовлетворять потребности его существования и развития»⁶.

2. **Дуалистический подход.** Признается существование особого «царства» ценностей. С этой точки зрения трансцендентный мир ценностей со своим самостоятельным онтологическим статусом является невозникающим и неуничтожимым, а общение человека с ним происходит через интуицию особого рода.

3. **Субъективный подход.** Под ценностями понимается

выражение индивидуальной воли человека. Субъект творит ценности сам и для себя, выбор ценностей ничем не детерминирован. Ценности практически тождественны эмоционально-психическим состояниям человека, его потребностям и интересам и целиком обусловлены произволом личности.

Натуралистический подход ставит акцент на объективной стороне существования ценностей, следовательно, связь ценностей с субъектом игнорируется. Аналогичный разрыв между миром ценностей и человеком свойственен и для дуалистического подхода. Субъективный подход также не касается вопроса об этой связи, так как субъект и его роль в создании ценностей практически абсолютизированы.

В современной литературе проблема ценностей наиболее широко начала обсуждаться в 60-70-е гг. XX столетия. Сегодня у каждой науки есть свое понимание ценности в зависимости от предмета той или иной дисциплины.

Психология еще на рубеже XIX-XX веков начала исследование понятия *ценность*. Подробный анализ таких работ можно найти у И. О. Лосского. Русский философ приходит к выводу, что психологи определяют ценность через удовольствие, желание и чувство ценности⁷. Современная психология связывает изучение ценностей с изучением мотивационных структур жизнедеятельности.

Социальная психология касается проблемы ценности в связи с исследованием сферы социализации индивида, его адаптации к групповым нормам и требованиям.

Культурология рассматривает ценности не только как результат человеческой деятельности, но как ее содержание, внутренний элемент, определяющий направленность, интенциональность, стремление человека воссоздать самого себя, всю реальность.

В современной социологии проблема ценностей связана с проблемой общесоциальных регулятивных механизмов, где ценности общества рассматриваются как

элементы общественного сознания и культуры, выполняющие по отношению к личности нормативные функции.

В социологии впервые системный анализ понятия ценности был дан в 1918 г. У. Томасом и Ф. Знанецким в книге «Польский крестьянин в Европе и Америке». Здесь ценности определялись в связи с психологическим понятием установки и в противопоставлении с ним. Для них ценностью является любой предмет, обладающий поддающимся определению содержанием и значением для членов какой-либо социальной группы. «Под социальной ценностью мы понимаем любую данность (любой факт), обладающую для членов некоторой социальной группы эмпирическим содержанием и значением, по отношению к которому она является или может являться объектом деятельности»⁸. При этом социальная ценность противоположна естественной вещи, которая имеет содержание, но как часть природы не имеет значения для человеческой деятельности и считается «бесценной», только приобретая значение, естественная вещь становится социальной ценностью. Социальные ценности находятся в тесной взаимосвязи с социальными установками, под которыми понимается «процесс индивидуального сознания, который определяет реальную или возможную активность индивида в социальном мире»⁹. Связующим звеном между ценностью и социальной установкой выступает деятельность. Именно своим отношением к деятельности и тем самым к индивидуальному сознанию ценность отличается от естественного предмета. Социальная установка представляет собой психологический процесс, который проявляется по отношению к социальному миру и связан с некоторой социальной ценностью.

В американской социологии главное внимание уделяется более или менее ясным и формальным правилам поведения, при помощи которых группа старается удерживать, регулировать, а также делать более общими и

частыми соответствующие виды действий ее членов. Эти правила и являются ценностями, так как выступают данными человеческого опыта, обладающего содержанием, поддающимся определению и обладающим значением.

В дальнейшем развитие понятия «ценность» в социологии происходило в связи понятием нормативности.

Социальные психологи Э. Фэрис и Дж. Мид осуществили переход от рассмотрения ситуационных элементов, характерных для всех акторов социальной группы, к их рассмотрению как социальных установок. При этом под установкой понимается субъективное отражение социальных правил. Э. Фэрис добавляет также, что существуют и индивидуальные, и групповые установки, которые тоже являются социальными.

Групповые установки - это коллективные явления, которые не представляют собой суммы индивидуальных установок. Старое противопоставление ценностей как объектов ориентации элементам ориентации заменяется противопоставлением коллективных установок «как объективной культуры» несколько дифференцированной «субъективной» установке отдельной личности или соответствующей групповой установке, отбирающейся в индивидууме - в итоге общественное мнение отражается в индивидуальном мнении, и личность тогда является субъективным аспектом культуры.

Э. Фэрис защищает ценности как установки, Дж. Мид сформулировал принципы, согласно которым

нормативные установки становятся центром человеческой личности.

Процесс создания «Я» при этом имеет две ступени:

1. «Я» состоит из организации конкретных установок других индивидуумов по отношению к нему и друг к другу в конкретных социальных действиях, в которых они совместно участвуют.

2. «Я» к уже существующему добавляет организацию социализированных установок, обобщенных социальной

группой как целым. Здесь социальные установки охватывают все: от частных нормативных установок в отношении конкретных действий в конкретных типах ситуаций до общих нормативных установок основной ориентации, составляющих общественный характер личности. Эти установки являются принципами данного лица и признанными общими ценностными ориентациями членов коллектива в отношении мира, самих себя и их общего дела.

В рамках системы Дж. Мида, актору ничего не мешает воспринимать эти нормативные установки как объекты ориентации и реагирования. Это особенно проявляется в разговорах, которые актер ведет сам с собой, обдумывая возможные действия. Но в работе Дж. Мида «Разум, я и общество» нет подробного анализа ценностей в их объективных аспектах, они рассматриваются лишь как установки, на которые реагирует актер.

Ф. Знанецкий исследует параметры взаимодействия, исходя из того, что установка, проявляемая во время действия, и установка актора в словесном заявлении - это совершенно различные явления. Первую можно изучать только в действиях агента в данной ситуации, а вторую - в ее словесной форме, это и есть те установки, которые люди выражают, общаясь друг с другом. Определения второго типа называются «идеациональными» установками, так как они воздействуют непосредственно не на действия, к которым они относятся, а на мышление об этих действиях и могут входить в опыт тех, кто их никогда не применяет.

Ф. Знанецкий считает, что понятие установки должно использоваться совместно с понятием «определение ситуации», под которым он понимает результат и процесс размышлений актора. Установка «определения ситуации» у него - психокультурное явление. Психологическое, так как содержит элементы аффективности, воли и познавательности, культурное, так как объекты ориентации являются данными, общими для всего человеческого опыта, и могут разделяться другими

актерами, согласно тому, как их организует актер.

Но определение ситуации, - это, прежде всего, система волевых, познавательных, аффективных и оценочных элементов, через которые актер ориентируется на ситуацию. Это не является определением ситуации. Если актер реагирует на свое определение ситуации, то оно становится объектом его опыта.

Ф. Знанецкий отрицает, что актер может вступать в ситуацию с уже сформулированным определением ситуации. Он считает, что реалистическое определение ситуации возникает, когда человек размышляет о ситуации, и она может быть исследована только как один из элементов действия.

Если опыт будет противоречить определению ситуации, то человек может сформулировать новое. Процесс создания нового определения ситуации может устранять некоторые из существующих элементов установок, порождать новые и реорганизовывать целое, но некоторые элементы первоначального определения все равно будут присутствовать.

Нормы, на которые актер ориентируется в определении ситуации, Ф. Знанецкий называет ценностями. Следовательно, поведению индивидов он дает чисто инструментальное объяснение: ценность (эффективность) норм приобретается в опыте. Но в реальных случаях, особенно в случае высших моральных норм, норма требует повиновения не как средство достижения цели, а повиновения ради него самого. Он не исследует установочные и функциональные основания для конформизма. Тем не менее взгляды Ф. Знанецкого способствовали сохранению в центре внимания того факта, что ценности являются не только установками, но и объектами.

Подводя итог, можно сказать, что У. Томас и Ф. Знанецкий считали ценности более или менее явными правилами поведения, при помощи которых группа сохраняет, регулирует, распространяет соответствующие

тины действия среди ее членов, то есть главное внимание при изучении ценностей они уделяли функции контроля.

Дальнейшее развитие социологии привело к увеличению интереса к понятию ценности, особенно в трудах Э. Дюркгейма. В понимании Э. Дюркгейма *conscience collective* содержится идея о разделяемых убеждениях и основных ценностях, но оно используется им при описании недифференцированного общества механической солидарности. В обществе, обладающем органической солидарностью, вследствие развития сложного разделения труда, источник обязательных правил обнаруживается в привычном образе действия.

С точки зрения Э. Дюркгейма, ценности являются внешними для всех членов общества и обладают свойством морального принуждения, так как зависят от реальности и являются ее частью, выходящей за пределы индивидуума. Существо, которое может вызвать эти взгляды, должно обладать более богатой и более сложной жизнью, чем отдельные люди. Только две сущности отвечают этому требованию - общество, рассматриваемое как реальность, трансцендентная по отношению к своим членам, и сверхъестественная сущность. Выбор лежит между Богом и обществом.

Э. Дюркгейм видит в божестве только общество, преобразованное и получившее символическое выражение. Таким образом, хотя актер не может переживать реальность, в которую помещены внешние ценности как неэмпирическая, сверхъестественная реальность, он фактически связан моральным авторитетом общества, которое внушает ему почтение.

Общество может добиваться морального уважения со стороны личности в том случае, если оно является для каждого актора чем-то большим, нежели организованная система частей, борющихся за то, чтобы сохранить себя. Одним словом, общество, для Э. Дюркгейма, - это природа, достигшая высшего пункта в своем развитии, сосредоточившая свою энергию, чтобы превзойти саму

себя.

В итоге можно сделать вывод, что изначально ценность рассматривалась как один из элементов теории общественного строя, а позднее - и теории социальной интеграции.

Вслед за Г. Риккертом М. Вебер полагал, что ценность есть установка той или иной эпохи, свойственное эпохе направление интереса. Таким образом, он перенес ценности в историю, тогда как Г. Риккерт рассматривал их как нечто надисторическое. Для М. Вебера, ценности - это выражения общих установок своего времени, поскольку у каждого времени есть свои «абсолюты». Абсолют в итоге становится историческим и, следовательно, относительным.

Т. Парсонс исследовал проблему влияния и функционирования ценностей в поведении при анализе социального взаимодействия и социального порядка. Большое внимание он уделил динамике социальных систем и соединению значимых ценностей со структурой потребностей личности.

Т. Парсонс разделял идею М. Вебера о смысловом характере и ценностной обусловленности социального действия, из которой следовало, что понимание людьми друг друга возможно только на основе общих ценностей. В этом случае условием сохранения социальной системы является интеграция ценностных ориентации всех ее участников. Связь между всеобщей системой ценностей и поведением отдельных индивидов осуществляется через социальные роли, или ожидаемое, «правильное» поведение. С его точки зрения, ценности в жизни каждого индивида выполняют функцию либо предписания, либо запрещения.

Сторонники функциональной теории исследуют ценности при анализе взаимодействия акторов в социальной системе, используя понятие *action frame of reference* (исход из действия). Актор ориентируется на эмпирические объекты собственной ситуации средствами,

мотивированными необходимостью удовлетворения потребностей, или связывая себя с ними. Процесс ориентирования включает два аспекта:

1. Познавательный, при помощи которого актер различает и познает качество и действия объекта, так как они относятся к его потребностям и интересам.

2. Тенденция реагирования на объект как источник удовлетворения или неудовлетворения, «катектическая», или желательная, тенденция.

В любой ситуации объекты предоставляют различные возможности удовлетворения и знания, так что ориентация включает элемент выбора или «оценки».

Все действия актера образуют цепи или системы, развивающиеся со временем. Если ценности должны быть упорядочены, то это делается с помощью оценочных ориентации со стороны того же актера. Если они упорядочиваются целью, которая должна быть достигнута этим набором действий (инструментальное упорядочивание), то актер использует свои познавательные идеи и стандарты правильного знания согласно норме эффективности. Если актер заинтересован в непрерывном удовлетворении, он может организовывать свои действия согласно шкале предпочтений, пользуясь оценочными ценностями как стандартами для своих суждений.

Также действия должны ориентироваться на моральные ценности, функция которых - приводить к единству личности. Мотивированное соблюдение моральных ценностей на уровне действия обеспечивается институционализацией ценностей.

Функционалисты обходят вопрос об источнике моральных ценностей. Единственное их утверждение заключается в том, что рождение и содержание систем ценностей связано с ориентацией человека на неэмпирический мир. Мирские интересы и функциональные предпосылки личности и общества ограничивают возможные способы интеграции и везде

такие интересы сталкиваются с процессом религиозного мышления, религиозным чувством, созданием ценностей и их институционализацией.

Т. Парсонс и Э. Шилз выделяют следующие варианты выбора из несовместимых альтернатив, которые может сделать любой актер в ситуации ориентации на другого актора:

1. *Аффективность аффективная нейтральность.* Стремление к удовлетворению без учета оценочных соображений, инструментальных или моральных. Ценность, обязывающая учитывать оценочные соображения, нейтральна в аффективном отношении, ценность, требующая от актора стремления к немедленному удовлетворению, является аффективной.

2. *Самоориентация - коллективная ориентация.* Конфликт между собственными интересами актора и интересами других в данной ситуации или интересами, разделяемыми и актором, и другими. Ценность позволяет преследовать определенные частные интересы, которые являются самоориентирующимися. Если нужно учитывать интересы группы, то ценность является коллективно- ориентационной.

3. *Универсализм партикуляризм.* Должен ли актер рассматривать социальный объект с точки зрения какого-то частного отношения или же как член какого-то универсально определенного класса объектов? Это не главное, так как для любой ситуации взаимодействия важно то, что другая личность связана с этим актором и в то же время является членом класса объектов.

4. *Приписывание достижение.* Должен ли актер ориентироваться на объект в связи с действием последнего или на основе какого-нибудь атрибута (возраст, пол, цвет или положение)? Моральная ценность, требующая учитывать атрибут, является приписывающей; если нужно ориентироваться на действия объекта - достижительной.

5. *Диффузность - конкретность.* В какой степени социальный актер затронут социальным объектом?

Моральная ценность, требующая или позволяющая, чтобы актер был связан многочисленными ожиданиями, правами и обязанностями по отношению к другим, является диффузной; допускающая ограниченный круг интересов - конкретной.

В качестве источника ценностей выступают исторические объекты, которые становятся объектами глубокого почитания, требующими жертвы мирских интересов (например, нация, государство).

Функциональная теория основывается на том, что существует врожденная тенденция к рационализации познавательных систем убеждений (культура) и, вероятно, также соответствующая тенденция в типах экспрессивного символизма. Общепринятая доктрина культуры: эмпирические познавательные системы убеждений (наука и техника) проявляют кумулятивную тенденцию. Тенденция к рационализации и введению их новшеств в системы убеждений - это процесс действия, для которого характерно доминирование познавательных и оценочных ориентаций.

Г. Беккер понимает под ценностью результат сложного процесса, протекающего по схеме: знания - желания - нормирование. Для него ценность может быть осязаемой и неосязаемой, привлекательной или отталкивающей, частной или общественной, реальной или воображаемой, смутной или ясной и т. д. Ее характер как объекта заключается в том, что она определяется как объект организмом, ощущающим связанную с ней потребность. Потребности не всегда приносят организму пользу и иногда могут привести к смерти. Когда мы достаточно уверены в том, что может произойти, мы обычно можем произвести какие-то действия, способствующие тому, чтобы это повторилось. Количество известных и желаемых ценностей шире того количества, которое находит выражение в фактическом поведении.

Теория ценностей Г. Беккера была применена при анализе возникновения, условий существования и развития

двух основных типов обществ: священного и светского. Любое общество или часть его, сообщающая или требующая от своих членов оценок, которые могут быть изменены только при наличии определенного эмоционального сопротивления, является священным. Любое общество или часть его, которая сообщает или требует от своих членов оценок, ведущих к ярко выраженной готовности к изменению, является светским.

В таком случае любое поведение можно рассматривать как зависящее от священных соображений, когда оно сопровождается характерным нежеланием изменить ценности или связанные с ними потребности. То есть нежелание или неспособность, (либо то и другое, связанное со страданием или же подобными признаками напряжения) изменить любой аспект образа жизни является священной оценкой. У лица, дающего такие оценки некоторые потребности настолько переплетены с определенными ценностями, что оно ощущает и действует ненормально, когда предполагает (не говоря уже о том, что требуется) изменение в этих потребностях и оценках.

Изменения в культуре должны передаваться по крайней мере одному поколению, чтобы не превратиться в просто частные вариации или отклонения. Передача во времени обязательна. Культурные изменения должны быть переданы, приобретены и разделены в такой же степени, как и любая непрерывность культуры. И священная, и светская системы ценностей, являются продуктами и создателями культуры, особенно когда их рассматривают как воплощение в оценочных действиях, заставляющих акторов производить подобные же оценки.

Таким образом, в рамках социологии ценность есть стойкое предпочтение личностью и обществом определенного образа поведения или конечного состояния в противоположность другому типу поведения или состоянию.

Обобщая опыт исследования аксиологических проблем в американской социологии, можно привести несколько

критериев и оснований, по которым определяются ценности: объект желания, ориентации и реагирования; установка личности; предпочтение одних мотивов и целей другим; аффективное качество в отношении желаемого, то, что влияет на выбор целей и имеющихся в распоряжении средств; «критерий» выбора целей, то, что имеет значение для субъекта, нормы, средства принуждения.

Т. Б. Любимова приводит несколько подходов к анализу ценности в социологии:

- все, что может быть желаемым или отвергаемым человеком;
- основание для выбора из имеющихся альтернатив действия;
- «обобщенная цель, которая делает поведение однообразным в различных ситуациях, с целью повторения определенного самодостаточного удовлетворения, то есть ценность - это организующая цель... это не то, за что человек платит, а то, чего он беспредельно хочет»¹⁰.

В отечественной литературе существует такое же разнообразие в понимании сущности ценностей. Ю. Д. Гранин, Н. С. Кузнецов, Л. П. Фомина, Г. Л. Головных, О. Г. Дробницкий, В. П. Тугаринов, А. М. Коршунов, В. В. Мантатов, Е. А. Подольская, Е. В. Боголюбова, С. Ф. Анисимов, С. И. Попов кладут в основу определения ценности способность той или иной вещи, предмета или явления удовлетворять человеческие потребности. «Понятие ценности раскрывает, на наш взгляд, то, что в результате практической деятельности выявлена, осознана способность определенных объектов природной и социальной предметности (как материальных, так и продуктов духовного производства идей, теоретических систем, а также социально фиксированных форм общественной жизни) быть необходимыми для существования и развития общества в целом или отдельной личности, то есть удовлетворять общественно - и личностно-необходимые потребности и интересы»¹¹; или: «Ценности - суть предметы, явления и их свойства,

которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также - идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала»¹²; или: «Ценность может быть лишь социальным свойством предметов и явлений объективного мира, служить удовлетворению человеческих потребностей»¹³; или: «Ценности - это предметы и явления (материального и духовного порядка), способные удовлетворять какие-либо потребности человека и общества, служить их интересам, это материальные и духовные блага»¹⁴.

Понимание ценности в русле удовлетворения потребности подразумевает взаимосвязь ценности и человеческой деятельности. В этом аспекте ценность можно рассматривать как характеристику предмета и как ценностное представление, в котором присутствует оценочный элемент. В первом случае актуализируется практическая сторона ценности, подразумевающая удовлетворение потребностей и интересов как следствие включения ценностей в деятельность. Таким образом, в качестве ценностей могут выступать предметы, явления, события, которые сквозь призму непосредственной цели рассматриваются в качестве ценных с точки зрения достижения цели. Во втором случае ценностные представления есть не только деятельность, но и ориентация человека в мире, направляющая деятельность. Таким образом, в качестве ценностей могут выступать цели, идеи, идеалы, достижение которых активизирует человеческую деятельность.

Ценность можно рассматривать и как внешнюю форму социальную отношения, так как всякая деятельность протекает во взаимодействии людей друг с другом, что предполагает использование определенных средств и форм ее организации. Если смотреть на ценность как на проявление отношений между человеком и предметом, то она предстает как то, что должно быть включено в сферу

долженствования. Если рассматривать ценность как идеал, то она выступает как нереализованная возможность, то, к чему нужно стремиться.

Предмет благодаря своей способности удовлетворять человеческую потребность (материальную или духовную) становится объектом направленного на него интереса, выступает как значимый для человека. Субъект, в свою очередь, рассматривает предмет с точки зрения имеющейся у него потребности. Так выражается заинтересованное отношение человека к предметной действительности в виде представлений о благе, добре и зле, прекрасном и безобразном, в виде нормативов, принципов, идеалов, оценок и их критериев, то есть ценность появляется и существует в аспекте субъектно-объектных отношений. Можно сказать, что в основе возникновения ценности лежит противоречивый характер практической деятельности человека как нереализованная, но уже требующая реализации возможность.

Некоторые авторы подходят к рассмотрению сущностной природы ценностей с позиции их функциональных особенностей, тогда под ценностями понимают «ключевые жизненные ориентиры» (В. Сагатовский), «важнейший механизм нравственной регуляции» (И. Зеленкова), которые «дают идеальные цели, силу воздействия на способ и характер деятельности, побудительную силу» (Н. Чавчавадзе). Такой подход изучает функции ценностей в обществе и в жизни каждой личности, но не определяет их сущности.

Другие ученые усматривают в сущности ценности момент отношения между субъектом и объектом (И. О. Нарский, В. А. Василенко и др.): «...категория ценности раскрывает один из существенных моментов универсальной взаимозависимости явлений, а именно момент значимости одного явления для бытия другого»¹⁵.

С этой точки зрения особое значение имеет знание границ бытия и небытия, предметов или явлений, тогда момент определения значимости или ценности

предполагает смещение этих границ в сторону бытия или небытия. Ценность определяется значимостью одного явления для другого или осмыслением их взаимосвязи. Но в качестве объекта ценности не всегда могут выступать внешние явления. Им может быть и внутренняя подсистема (процесс рефлексии, внутренней речи, отделения «я» от «я же внутри меня», попытки изучения себя как другого и т. п.). В таком случае следует говорить о ценности части и целого.

Подводя итог вышесказанному, необходимо заметить, что во всех вышеозначенных концепциях, изучающих проблему сущности ценности, выделяются те или иные ее аспекты: способность удовлетворения человеческих потребностей, способность управления и направления человеческой деятельности и т. д., что демонстрирует больше функциональный, нежели сущностный взгляд.

Всему перечисленному можно противопоставить идущую от Н. О. Лосского тенденцию изучения ценностей с точки зрения их онтологического статуса и особенностей бытия: «...ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка»¹⁶ и далее: «...ценность есть бытие в его самопереживаемом или переживаемом другими существами значении для осуществления абсолютной полноты жизни или удаления от нее»¹⁷. Ценность, по Н. О. Лосскому, есть нечто абсолютное, непреходящее, которое человек переживает в каждый момент своего бытия, постигая его значение.

Определение понятия ценности связано с другим вопросом - вопросом происхождения ценностей. Эта проблема представляется трудноразрешимой, поскольку не всегда легко объяснить, почему одни предметы, явления, события становятся ценными, а другие – нет, и на основе чего осуществляется такой выбор.

Неокантианцы и феноменологи признают, что мир ценностей предшествует реальному миру и человеку, а вся человеческая жизнь состоит тогда из познания этого мира

ценностей, существующего в форме долженствования. Познание мира ценностей на протяжении человеческой жизни осуществляется через систему деятельности, окрашенной морально-нравственными оценками.

Другие теории основывают определение ценностей на их способности быть необходимыми, полезными, удовлетворять те или иные человеческие потребности и интересы. Например, В. Вичев пишет о том, что в процессе своей жизнедеятельности человек научился отделять полезные предметы, явления, события от тех, которые приносят вред, затем закрепил полученные знания в процессе многократного повторения, после чего произошло своеобразное «оборачивание» предмета, явления, события и его свойства «быть полезным», и теперь уже это свойство, ставшее ценным, диктует и ценность самого предмета, явления, события.

В рамках вышеописанной теории определение ценностей правомерно лишь отчасти. Нельзя отрицать существование различных рангов ценностей. Выведение источника формирования ценности из категории полезности можно признать только по отношению к ценностям, которые напрямую связаны с человеческой деятельностью. Конечно, овладение теми или иными способами труда, поведения ценно, так как позволяет человеку жить и развиваться дальше. Тем не менее, нельзя сказать, что красота - полезна или любить - полезно, или делать добро - полезно. А система ценностей, в которую не включены добро, красота, любовь, не может состояться. Нельзя не учитывать тот факт, что среди ценностей существуют такие, которые не поддаются рациональному объяснению, ценности, которые стали таковыми, но не позволяют ответить на вопрос, *почему* человечество выбрало их в качестве ценностей, почему эти, а не другие.

Вопрос о том, почему любовь, красота, добро считаются ценностями, почему на протяжении своей истории человечество наполняет добродетель положительными смыслами, является риторическим.

Такие категории, как добро, красота, истина, любовь, носят вневременный характер, соотносятся с вечностью, поэтому речь может идти лишь о том или ином наполнении их в различные исторические эпохи.

В реальной жизни ценности могут существовать только в форме оценки. Когда мы начинаем объяснять, что мы понимаем под той или иной ценностью, мы вступаем в ценностное отношение с предметом, явлением, вещью и т.н., выражая это в языке с помощью оценочных суждений (об этом будет сказано ниже).

Возможно, такая двойственность в мире ценностей связана с особенностью человеческого существования: с одной стороны, человек является частью природы, телом, которое имеет свою физическую реальность, с другой - человек обладает духовной сущностью, которая связана с миром идеального, поэтому существование абсолютных ценностей может быть обусловлено стремлением человека к осуществлению своей духовной сущности и невозможностью его полную осуществления. Недостижимость связана с вневременным характером абсолютных ценностей, именно недостижимость есть путеводная нить человека в этом мире и мерило его поступков. Но здесь вновь наблюдается противоречие. В силу двойственности своей природы человек постоянно вынужден соизмерять свою жизнь с двумя рангами ценностей: с ценностями реальной, земной жизни, где царствует мораль как общественное представление о должном, и с ценностями идеального мира, которые приобщают человека к вечному, к Богу. Идеальной была бы ситуация, когда оба ранга ценностей совпадали бы. Ситуация равновесия возможна только гипотетически, но в своем гипотетическом существовании она является постоянно желаемой для человека.

В жизни каждого человека есть ряд моментов, в которые особенно значимы ценности идеального мира. Если прибегнуть к терминологии М. Мамардашвили, то такие моменты можно назвать «ангажированностью»¹⁸.

Причем для него ценностью является сам краткий момент «ангажированности», так как в этот момент происходит максимальное приближение к состоянию равновесия между двумя рангами ценностей. В дальнейшем «ангажированность» разрешается либо в сторону приоритета идеальных ценностей (редкий, стоящий на грани неосуществимого путь подвижничества), либо в сторону ценностей реальных. Последнее происходит не только в силу приверженности человека к необходимости вещного мира, но и «в силу психического устройства человека»¹⁹ («мы не можем долго оставаться в состоянии ангажированности»²⁰).

С древних времен жизнь с приоритетом духовных ценностей является предметом для агиографии. В XX в. в связи с уменьшением роли религии в жизни общества появились и получили широкое распространение произведения, похожие на агиографии. В качестве примера можно назвать «Письма из Ламбарене» Л. Швейцера. Как и любое житие, «Письма...» моделируют поведенческую стратегию в соответствии с аскетическими правилами, кроме того, как и в любом житии, в «Письмах...» повествуется не о вымышленных событиях, а о реальных событиях жизни реального человека, разница заключена в том, что на аскетическую жизнь святого подвигает Бог, присутствие которого в мире для самого святого и для читающего житие является самым объективным из всех фактов, а герой XX в. - А. Швейцер - вдохновляется исключительно гуманистическими идеалами. Пограничная ситуация выбора между духовными и реальными ценностями это один из самых распространенных сюжетов мировой литературы, отраженный в произведениях О. де Бальзака («Человеческая комедия»), Г. Флобера («Мадам Бовари»), Л. Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича» и др.) и пр.

Обратимся к вопросу о взаимодействии общества и индивида в процессе познания и освоения ценностей. Первые представления о ценностях в форме оценочных

суждений ребенок получает еще в детстве, когда он только начинает осваивать мир и получать первые сведения о своих поступках и о самих предметах, по реакции родителей (оценочность уже заложена в семантике слов «плохо», «хорошо», «молодец»). Далее представления ребенка постепенно расширяются в связи с процессом социализации в детском саду, школе и т. д. На этапе освоения/знакомства с ценностями человек получает лишь первые представления о том, что считается ценным в той или иной семье, социальной группе, обществе. Параллельно с процессом знакомства идет процесс освоения или отбора ценностей, формирования системы ценностей, которая станет основой личностной структуры индивида.

Традиционно процесс освоения ценностей имеет несколько ступеней:

1. Индивид может воспринять определенную семиотическую форму, не осознавая ее содержания.

2. Ценность осмысливается и познается разумом. Но это не означает, что данные ценности превратились в элементы внутренней структуры индивида и стали регуляторами его поведения.

3. Усвоение ценности психикой индивида. Этот процесс можно разделить на несколько уровней:

а) Усвоения гипотетических ценностей, которыми индивид не должен сразу руководствоваться в своих поступках, но может быть согласен с ними. Роль таких ценностей в поведении незначительна, и они усваиваются на более глубоком уровне или не усваиваются совсем;

б) отождествление своей ценности с ценностью другой социальной системы. Это может происходить в референтной группе. Индивид не осмысливает ценность, и данная ценность не интегрируется с другими ценностями, выступая в качестве стереотипа поведения;

в) полная интернализация. Ценность вступает во взаимосвязь с остальными ценностями и регуляторами в психике индивида и образует цельную систему.

Она

становится элементом единой внутренней структуры индивида.

Механизм усвоения ценностей индивидом включает определенную социальную информацию, которая превращается в элемент внутренней структуры индивида, вызывая в ней качественные изменения. Необходимо отметить, что в онтогенетическом плане ценности являются одними из наиболее поздно возникающих элементов внутренней структуры индивида.

Процесс усвоения ценностей носит индивидуальный характер. Не последнюю роль в нем играют особенности психики человека, которая характеризуется только ему присущим способом осмысления и взаимодействия с миром и социальными условиями существования, в которых происходит процесс усвоения ценностей. Будет ли он носить положительно или отрицательно окрашенный характер, зависит от источника информации о ценностях. Важен не только тот, *кто* передает информацию, но и то, *как* она передается. Авторитетность, значимость источника, доступность и понятность средств и способов передачи информации позитивно влияет на процесс усвоения ценностей.

На основе вышесказанного можно сформулировать ряд функций, которые выполняют ценности в жизни человека:

1. Смысловыявляющая: с ее помощью человек постигает мир и свое собственное бытие.

2. Целеполагающая (тесно связана с первой): в зависимости от смысла человек ставит перед собой цели и задачи, которые бы помогли его воплощению.

3. Ориентирующая: помогает человеку найти себя в мире и определить свое место в нем.

4. Регулятивно-поведенческая: благодаря ей человек может строить систему отношений с миром и жить в нем.

Споры вокруг определения феномена ценностей и источников их происхождения находят свое отражение в проблеме классификации ценностей.

Неокантианцы перечисляют несколько основных

категорий ценностей. В. Виндельбанд, например, называет следующие: истина, благо, красота, святость. Г. Риккерт приводит шесть классов ценностей: логические, воплощающиеся в науке, эстетические, воплощающиеся в искусстве, мистические, воплощающиеся в языческих культах, нравственные и социально-этические, личные и религиозные. Нетрудно заметить, что данная классификация не основывается на каком-то едином признаке, что не позволяет ей функционировать как целостной системе. Оба философа подчеркивают надвременный, надисторический, «надсубъективный» и «надбытийный» характер выделенных категорий и истолковывают их как принцип, задающий фундаментальную артикуляцию бытия, познания и человеческой деятельности. Заданное внутри этого направления философии жесткое разграничение между миром ценностей и миром природы не позволяет разработать целостную классификацию ценностей, включающую и природные ценности.

М. Шелер представил также систему ценностей как восхождение от «низших», гедонистических и витальных ценностей, касающихся телесной жизни человека, через духовные ценности культуры к высшим религиозным ценностям, дополнив эту систему различением ценностей по их сущностным носителям, но его концепция не получила должного признания в научной литературе.

Французский философ И. Гобри выделяет четыре ценности, каждая из которых проявляется двояко, потому что ценности, по его мнению, могут быть «спонтанно возникшими» и «установленными». К спонтанным он отнес витальные, эстетические, логические ценности, а к установленным - экономические, художественные, научные и моральные. При этом он считает, что всего существует четыре ценности - польза, красота, истина, добро. На наш взгляд, отнесение пользы и истины к сфере ценностей не совсем правомерно (а тем более постановка рядом с красотой и добром), поэтому его классификация

выглядит искусственно. В итоге это привело И. Гобри к противопоставлению этических и нравственных ценностей, а также к признанию однопорядковыми ценностей витальных и экономических, при этом он совсем исключает из своей классификации экзистенциальные, политические, религиозные ценности.

С. Л. Рубенштейн утверждает, что «иерархия» ценностей - это иерархия конкретных потребностей человека, выражение различных сторон, аспектов и уровня его природы. Природа человека включает в себя биологический, духовный, социальный аспекты. На этой основе можно определять различные группы ценностей. С учетом названного О. Г. Дробницкий предложил два ранга ценностей: предметные (объекты направленных на них потребностей, оценки) и ценности сознания или ценностные представления, служащие критериями для оценок. В этом русле можно вести разговор о механизмах возникновения ценностей, но не о видах ценностей.

Рассматривая ценности в социологическом аспекте, когда под ценностями понимают нормативы или регуляторы поведения, выделяют: ценности-нормы, ценности-идеалы, ценности-средства, ценности-цели и т.д. Несомненно, что ценности выполняют роль регуляторов поведения, но это их не единственная функция, следовательно, классификация не является полной.

В психологии в основу классификации ценностей кладут состояние модальностей диспозиций и на их основе получают: ценности активированные и «дремлющие», относящиеся к центральным потребностям личности и к периферийным. Эта классификация позволяет увидеть взаимосвязь ценностей с потребностями личности, а также проследить динамику ценностей той или иной личности в различных жизненных ситуациях, но не дает полного представления о самих ценностях и их видах.

Существует классификация ценностей по предмету или содержанию объектов, на которые они направлены. В этом случае выделяют социально-политические,

экономические, нравственные и т.п. ценности. Иногда их классифицируют по субъекту отношения (по модальности): ценности общества, класса, социальных групп, коллектива, индивидуальные.

В. А. Василенко делит ценности на непосредственные и опосредованные. Непосредственные ценности имеют объекты - предметы потребления в собственном смысле этого слова - и реализуются через акты потребления. Косвенную, или опосредованную ценность имеют объекты, которые являются фактором в образовании или разрушении носителей непосредственных ценностей. В классификации В.А. Василенко учтены двойственность человеческой природы и уровни усвоения ценностей. Показателем усвоения ценностей выступает процесс интернализации, реализующийся в ходе определения и познания косвенных ценностей, начинающихся затем «скрыто» управлять непосредственными ценностями.

Классификацию различных видов ценностей, отражающую и включающую в себя все уровни и ступени познания и действия человека в мире, дает Н. О. Лосский. Ученый выделяет абсолютные ценности, относительные и служебные. Абсолютные ценности - это «добро с любой точки зрения»²¹. На пути к Высшему, по Лосскому, происходит встреча с целым рядом других ценностей. Одни из них философ определяет как относительные - «добро лишь в каком-либо отношении или для определенного субъекта»²²; эта группа ценностей связана с субъектом деятельности, который не только определяет цели и задачи, но и оценивает их. Служебные ценности - «средства для осуществления какой-либо положительной ценности». На этой ступени происходит выбор путей и способов достижения той или иной цели. Значение ее со знаком «плюс» имеет субъективную оценку, она таковой и остается, если соответствует Абсолюту, но она может иметь и отрицательное значение, если ему не соответствует.

В научной литературе существует мнение, что

ценность не может быть отрицательной, она всегда положительна, отрицательной или положительной может быть только оценка. Это связано с тем, что ценность носит объективный характер, свою субъективность она получает, вступая во взаимодействие с субъектом, который вовлекает ценность в свою деятельность - начинает предписывать ей отрицательное или положительное значение (восхищение, отвращение, удовольствие, неудовольствие и т.п.).

Н. Гартман выделяет несколько классов ценностей:

1. Ценности блага, которые охватывают все ценности полезного для нас и служащего нам средством, а также много самостоятельных ценностей (поскольку они действительно имеют свою особую ценность); сюда относится широкий класс ценностей положения вещей.

2. Ценности удовольствия, называемые нами обычно «приятными».

3. Жизненные ценности. К ним относятся ценности, присущие всему живому и разделяющиеся внутри этого класса по высоте, развитию и силе жизни. Косвенным образом жизненные ценности связаны со всем, что полезно для жизни, напротив, то, что губительно для жизни, не представляет собой жизненной ценности.

4. Эстетические ценности, они охватываются понятием «прекрасное».

5. Нравственные ценности, их можно описать словом «добро».

6. Познавательные ценности. В этом классе Гартман выделяет только одну ценность - «истина».

В теории М. Шелера три последних класса ценностей рассматриваются как духовные ценности.

Уяснить различие между первыми тремя классами ценностей можно, если подойти к ценности удовольствия чисто с субъективной точки зрения, то есть рассматривать ее как ценность ощущаемого удовольствия, а не как ценность того, что вызывает удовольствие и что на быденном языке называется словом «приятное». Такое

разделение провести до конца довольно трудно, потому что в сознании почти всегда удовольствие воспринимается как признак определенного качества предмета и мы называем по удовольствию по имени того предмета, которым оно вызывается.

Н. Гартман прослеживает также отношения между различными классами ценностей. В основе отношений между ценностями блага и ценностями жизни лежит простое отношение обоснования: «...ценности блага имеют свою основу в жизненных ценностях, следовательно, низшие в высших»²³. Благо не является вещью в себе, а всегда есть вещь «для» кого-то. Все это находится в отношении целесообразности к какому-нибудь живому существу, именно ценность блага, полезная для него ценность, причем только «для» него, а не сама по себе.

Тем самым Н. Гартман обращает внимание на субъективный момент в определении и существовании ценности блага. При этом, по его мнению, это «для» не связано с какими-либо знаниями о существовании блага, оно не зависит от познания и в том случае, если является благом «для» живого существа, обладающего сознанием интеллектом, то есть способного осознавать и реагировать на благо ответным чувством ценности.

Ценностями блага для людей является, в первую очередь, то, что соответствует их потребностям и идет им на пользу, а не то, что доступно их пониманию. «Ценности блага играют определяющую роль по отношению к нравственным ценностям»²⁴. Из этого следует, что все ценности блага есть ценности только «для» живых существ или лиц и, стало быть, связаны с носителями жизненных и духовных ценностей, а это значит, что они имеют в качестве обоснования высший класс ценностей вообще, а не только ценности жизни.

Ценности удовольствия характеризуются тем же, но с еще большим акцентом на субъективность. Это означает, что имеется ценность ощущения как такового, но не

ценность объекта.

Класс ценностей блага начинается с низших ценностей полезности и поднимается до самых высоких духовных ценностей, которые присущи только людям и связаны с их личным поведением, к ним относятся такие ценности как дружба, любовь, благосклонность и т.п.

М. Шелер определял ценности блага через посредство вида (или напластования) бытия их носителей, считая, что носителями ценностей блага могут быть только предметы, вещи или родственные предметам природные связи.

Для более высоких ценностей блага этого недостаточно. Всякая совокупность событий, по И. Гартману, «...может иметь или не иметь ценность блага, равным образом это относится к оценке каждого поступка другого человека безотносительно к тому, может ли этот поступок быть оценен как моральный или нет, то же самое верно и в отношении к каждому "случайному", то есть к не подчиненному какой-либо цели происшествию, событию,

ко всякой ситуации, ко всякому обстоятельству»²⁵. Феноменологи называют это «ценностью положения вещей». Нравственные ценности относятся к ценностям блага именно как ценности положения вещей.

В области нравственных ценностей носителем ценности может быть человек как личность; он может быть «хорошим» или «дурным» в нравственном отношении, и только ему принадлежит право выбора в осуществлении того или другого.

Анализируя эстетические ценности, Н. Гартман считает, что для них определение «человека» как носителя ценности является узким. Так как носителем может быть все, что существует на свете: вещи, организмы, личности, мировые системы, отдельные кусочки реального мира, а также предметы, производимые человеком в качестве носителя художественной ценности. Хотелось бы заметить, что это невозможно, так как ценность не может существовать сама по себе, она существует только в

сознании человека, который вступает в определенные отношения с миром или его частями.

Эстетические ценности близки ценностям удовольствия, так как акт эстетического восприятия и эстетической оценки есть акт удовольствия. «Эстетическая ценность предмета зависит не от чувственно данного, как в приятном, а от отношения явлений, от всей их связи или от эквивалентного этим явлениям отношения формы»²⁶.

Если сравнивать ценности блага и духовные ценности по шкале осознанность неосознанность, то получится, что ценности блага предполагают реальное отношение к субъекту независимо от его осознания, а духовные ценности это отношение сознания. Это значит, что благо является для субъекта, если оно полезно ему или может быть полезным, даже независимо от того, знает ли он это, ценит ли он это благо. «Прекрасное» же значимо для субъекта тогда, когда «для» его восприятия и чувства наличествует отношение проявления, то есть духовные ценности можно наблюдать только когда они явлены или продемонстрированы. Это позволяет сделать вывод о том, что носителем нравственной ценности может быть только человек, его действия, поступки, убеждения. При этом нравственная ценность связана только с тем типом поведения, которое осуществляется без принуждения, это означает, что оно могло бы быть в данной ситуации и другим.

Нравственные ценности не носят относительного характера и не зависят от того, «для» кого они представляют собой ценность, как это свойственно ценностям блага. «Для» - основная характеристика ценностей блага. Эти ценности существуют лишь для тех, кто пользуется ими, этим они и отличаются от нравственных ценностей. Так, например, если честность человека является благом для другого человека, который должен жить вместе или рядом с первым человеком, то это благо для второго, но ценность честности сама по себе имеет своим источником первого. Ценность честности

В

данном случае существует независимо от того, оценит ее второй субъект или нет.

Отсюда вытекает, что положительные и отрицательные нравственные оценки подходят только к таким действиям, поступкам и убеждениям, которые касаются людей и их отношений. Здесь можно говорить о том, что они связаны с лицами не только как с субъектами, но и как с объектами, так как все то, что может быть оценено как нравственный поступок, это все поступки, совершаемые по отношению к людям, на которых тем самым оказывается воздействие.

В итоге Н. Гартман приходит к выводу, что «всякая нравственная ценность имеет в качестве своей предпосылки особый вид ценности блага... своеобразие нравственной ценности по отношению к лежащей в ее основе ценности блага остается вполне автономным»²⁷. Н. Гартман называет это «законом нравственной ценности», который состоит из двух частей: первая - закон обоснования, который звучит так: «нравственная ценность равно как и безнравственность, обусловлена наличием ценности блага в предмете, в вещи, то есть имеет в ней свою основу»²⁸.

Вторая часть закона посвящена анализу нравственных ценностей в соотношении с ценностями блага. Н. Гартман отмечает, что нравственная ценность имеет автономный характер, так как принадлежит субъекту и является его неотъемлемой частью, ею нельзя стремиться обладать как вещью. Она характеризует глубинные структуры личности субъекта. Уровень нравственной ценности, по мнению автора, не зависит от вида ценности блага, лежащего в основании нравственной ценности. И последнее, реализация нравственной ценности не зависит от реализации ценности блага, что в жизни можно наблюдать в противостоянии намерений субъекта и результата. Таким образом, зависимость ценности нравственной от ценности блага состоит только в стремлении делать благо, но при этом наличием ценности блага не определяется ни содержание, ни высота достоинства нравственной

ценности, ни ее реализация.

В каждом человеческом поступке содержится две различные ценности: ценности блага и этические ценности, которые тоже находятся в определенной связи и зависимости друг с другом. При этом в каждом поступке, желании, намерении, в каждом этическом действии нравственная ценность и безнравственность заключается только в ней самой, в интенции (поступке) как в своем носителе, и представляет собой, таким образом, ее интенциональную ценность.

Этот закон также был сформулирован М. Шелером: цель поступка не нравственная ценность, а ценность блага, точнее, ценность определенного положения вещей, и поэтому можно говорить о том, что нравственная ценность проявляется себя на «плечах действия». В таком случае интендируемая ценность является «обосновывающей», а ценность интенции - «обоснованной» (это и есть нравственная ценность). Выводя зависимость между этими двумя классами ценностей, можно сказать, что она выступает как зависимость между формой и содержанием, где интендируемая ценность играет роль формы, а интенциональная содержания.

Так, например, добродетель принадлежит тому, кто проявляет в этом отношении прямую интенцию. Но это лишь установка на ценность определенного положения вещей. Прямая интенция нравственной ценности ведет обычно к ее разрушению, поскольку мешает самой интенции, с которой она неразрывно связана; в своем крайнем проявлении она может привести к самолюбованию и фарисейству. Прямая интенция нравственной ценности сама по себе не является невозможной, к ней можно отнести прилежание, постоянство, любовь к порядку, самодисциплину и т.п.

Основу же ценностей блага составляет целесообразность «для» какого-то субъекта. Если за нею стоит сознательное действие человека, то целесообразность становится целенаправленностью.

Цели удовольствия - это чистые ценности чувства. Любое отношение может быть здесь только отношением к реальному источнику удовольствия или неудовольствия; при этом в зависимости от состояния или расположения чувствующего субъекта степень приятного или неприятного будет различной. При этом под состоянием следует понимать не только эмоциональное состояние чувствующего субъекта, но и его отношение к источнику приятного или неприятного, авторитетность данного источника для субъекта, а под расстоянием следует понимать не только физическую удаленность, но и психологическую, и социальную.

Ценности жизни (здоровье, сила, и т.п.) являются простым отношением к бытию и целесообразности. Вопрос заключается в полноценности жизни, в ее сравнении со смертью.

В конечном итоге все три класса ценностей противопоставляют себя бытию и говорят о должном, т.е. предъявляют к человеку требования абсолютного повиновения.

В отличие от них эстетические ценности являются ценностями не действия, а предмета. Хотя в предмете эстетики некоторые акты принадлежат носителям этических ценностей, например во всех видах драматического искусства, но все же действие здесь выступает составной частью какого-то целого и наличие или отсутствие нравственной ценности не означает наличия или отсутствия в нем эстетической ценности. Еще И. Кант говорил в свое время о том, что в качестве признаков своеобразия ценностей имеются только различные виды дающих оценку актов и на их основе делается вывод о ценностях.

Большое значение для определения ценностей блага имеет понятие «интерес», под которым Н. Гартман понимает любой вид полезности или употребительности. Для практических или теоретических целей, характерно отсутствие интереса к тому, что доставляет удовольствие,

устраняет любой вид ценностей блага и любой вид ценностей средств для достижения какой-нибудь цели, таким образом, устраняя целесообразность. Отсюда следует, что «ценность прекрасного - ценность "бесцельного", ценность "бесполезного в себе"»²⁹. Ф. Ницше называл это «дарящей добродетелью».

Прекрасное не является полезным ни для жизни организма, ни для жизни духа, но именно дух находит в нем свою вершину, придавая тем самым миру смысл»³⁰. Следовательно, «эстетическая ценность - ценность чего-то такого, что существует только в явлении, и, таким образом, она есть ценность чего-то для нас сущего. Эстетическая ценность есть ценность предметно-сущего как такового»³¹.

Если сравнивать эстетические ценности с другими классами ценностей, то для последних важна именно реализация, чего эстетическая ценность не предполагает. Главная ценность эстетических предметов заключается в уходе от действительности. В отличие от них нравственным ценностям присуще долженствование, но сами по себе они не могут реализовать это должное. Нравственные ценности проявляют себя в этике, так как определяют волю человека, но только в том случае, когда требования этики ясны человеку, и только тогда они выступают в виде принципов, лежащих в основе поведения.

В отличие от нравственных ценностей эстетические это ценности удаления от реального мира, т.е. «ценности некоего удаленного на большое расстояние от реальной действительности и на нее не претендующего бытия»³². Причем это «удаление», снимающее равновесие между возможностью и действительностью, но не в пользу необходимости, как в случае долженствования, а в пользу возможности. Это происходит потому, что бытие возможно не независимо от условий реального мира.³³

Возникновение и существование мира ценностей дает человеку, по всей видимости, главное - наполняет

смыслом как сам мир, так и жизнь каждого субъекта. Процесс наделения мира смыслом может происходить, по мнению Н. Гартмана, по двум направлениям: наделение мира смыслом как целого, а затем его распространение на отдельные части, и наоборот. «В жизни всякий нравственный поступок, всякая умная мысль, всякий адекватный ответ на ценность могут сами по себе быть осмысленными и придавать смысл другим. Быть самим по себе осмысленным - это значит не иметь смысла для другого»³⁴.

При таком подходе, когда человек своими силами, своим чувством ценности и случайным осуществлением ценности способен придавать всему смысл, даже и бессмысленность мира как единого целого приобретает для него смысл, т.е. человек должен придавать смысл всему, что имеется в мире. Это возможно только в том случае, когда мир сам по себе остается безразличным по отношению к этому смыслу. Во всем этом есть какая-то «приговоренность» человека к осмыслению мира, которая, возможно, и тотальна, но в таком случае следует учитывать не всегда осознанный подход человека к миру.

Способность человека придавать всему смысл составляет его этическую сущность, которая включает в себя: силу самоопределения, решимость (свободу), способность предугадывать (предвидение) и ставить цели (предопределение), а также сознание ценности - чувство ценности. «В мире смысл связан с ценностями, в сущности он заключается в отношении, в осуществлении и понимании ценностей»

В итоге можно сделать вывод, что «нравственные ценности действуют отягачающе, так как они ставят задачи, требуют ответственности; они всегда должны что-то «желать, требовать, навязывать», и если они могут привести человека к величию, то их дары будут обоюдоострыми»³⁵. Эстетические же ценности дают человеку то, что учит его созерцать и в чем-то принимать участие, именно через него человек учится ощущать и

воспринимать чистую радость.

Н. Гартман, исследуя взаимосвязь между различными классами ценностей, приходит к выводу, что ценность имеет двойную природу: она содержит в себе часть объективной реальности и субъективную оценку, в результате которой только и возможно, на наш взгляд, рождение ценности. Также он подчеркивает роль в жизни человека и всего общества, которую играют ценности наделяя мир в целом, отдельных его сторон и проявлений, субъективной жизни смыслом.

М. С. Каган дает, на наш взгляд, самую плодотворную классификацию ценностей, выстраивая ее на основе исторического развития человечества и подчеркивая постепенный характер формирования различных классов ценностей, как по их модальности, так и по отдельным сферам бытия. «В результате распада первобытного синкретичного ценностного сознания мы обнаруживаем самостоятельные его модификации: автономизированные ценности групповых субъектов - правовые, политические, религиозные; ценности индивидуального субъекта - эстетические и нравственные; ценности "частичных субъектов" - экзистенциальные; ценности синтетические - художественные»³⁶.

Причины развития именно этих классов ценностей М. С. Каган видит в тех социальных изменениях, которые происходили в обществе, например древнегреческом. Общественная жизнь греческого полиса регулировалась двумя силами - государством и правом. Первая возникла в результате расслоения общества, при этом место каждой группы (имущественной, профессиональной, культурной) было определено и зафиксировано законодательно реформами Солона, теоретически, научно - в произведениях Платона «Законы», «О государстве». Как только в неоднородном обществе формируется новая категория личность, отличающаяся сознанием, поведением, деятельностью, возникает потребность в

урегулировании ее отношений с государством как представителем общества, эту роль взяло на себя право. Итогом этого процесса М.С. Каган считает формирование двух родов ценностей: политические и правовые, которые провозглашали «ценность определенных форм деятельности государства для индивида и ценность определенных форм поведения индивида для государства»³⁷.

По мере усложнения социальной структуры общества формируется потребность и необходимость в урегулировании отношений между возникающими группами, и на этой почве формируется еще два рода ценностей: нравственные и религиозные. Нравственные регулировали отношения внутри одной контактной группы, а религиозные - отношения между выросшими из них большими неконтактными группами.

В дальнейшем процесс развития общества еще более усложняется, хотя средневековье и пыталось его упростить (в IX в. представляли общество состоящим из двух категорий: верующих и неверующих, с XI в. - из трех категорий: молящихся, воюющих, работающих), что привело к появлению еще двух родов ценностей -экзистенциальных, которые зафиксировали ядро самосознания личности, и художественных. Появление экзистенциальных ценностей стало возможным благодаря осознанию разницы между жизнью и смертью, начало этого процесса следует, видимо, искать в исчезновении безусловной веры в божественную предопределенность мироустройства. Источником художественной ценности можно считать появление теории греческого искусства, понимаемого как «уникального способа удвоения реальности».

А. П. Вардомацкий выделяет следующие механизмы возникновения и динамики ценностей:

1. Ассимилятивный: взаимоассимиляция ценностей различными формами общественного сознания - с одной стороны, и различными региональными культурами - с

другой.

2. Интеграция и дифференциация: формирование общего императива, осуществляющееся в результате объединения совокупности сходных по своему ценностному содержанию частных правил, установок. После этого начинается обратный процесс - попадая в конкретику жизненной практики, общее ценностное представление дробится на большие частные поля, т.е. идет перевод общечеловеческих ценностей в субъективно признаваемые.

3. Генерализация и локализация, которая проявляется в двух формах: смысловой и по масштабу распространения. В первом случае ценность приобретает более широкий смысл, а затем сужает свой логический объем, во втором - императивность ценности распространяется на более широкую или узкую социальную группу.

4. Аккумуляция: связана с тем, что новое поколение не может самостоятельно заново создать всю совокупность ценностных представлений, а социум должен обладать определенным набором ценностных ориентаций, из которых личность могла бы осуществлять выбор и формировать собственную ценностную картину мира.

5. Трансляция: проявляется в том, что, в отличие от других сфер общественной жизни, ценностную можно усваивать только при активном участии и действии, через психологическое переживание, примером являются обряды инициации.

Таким образом, при работе с понятием *ценность* необходимо учитывать следующие моменты:

- понятие ценности формируется в деятельности;
- ценность является средством выражения отношения к действительности;
- в основе ценности лежит личностное знание.

В итоге можно выделить два аспекта в изучении ценностей. Ценность с теоретической точки зрения, когда она рассматривается «как таковая», и ценность с практической точки зрения, когда она рассматривается

«как ценность чего-либо» или ценность (полезность) предмета. В первом случае на ценность лишь указывается, во втором определяется сам предмет, но не предмет как ценность. В первом случае ценность теряет свойство предиката и превращается в теоретический объект, во втором выступает в качестве «свойства» предмета.

Следовательно, ценность, несмотря на свой объективный характер существования, невозможна без субъекта, который бы ее признавал в качестве таковой. Это позволяет говорить о том, что ценности носят личностную окраску, являются средством выражения отношения личности к действительности, а также ориентирами поведения и деятельности.

Под ценностью в дальнейшем мы будем понимать процесс наделения мира и себя как его части смыслом, который осуществляется во взаимодействии и взаимосвязи человека с миром и с себе подобными и находит свое окончательное выражение в стойком предпочтении личностью и обществом определенного способа поведения. Дальнейший анализ будет посвящен видам, формам и способам взаимодействия (социальное взаимодействие, социальная коммуникация, информационное взаимодействие), которые строятся в основном на нравственных ценностях и тесным образом связаны с ними.

1.2. Структура ценностного отношения.

Ценность возникает только в процессе субъектно-объектных отношений, она не может существовать сама по себе. Ценность всегда подразумевает отношение между объектом и субъектом, это отношение и называется ценностным, а его результат - оценкой. Суть ценностного отношения заключается не только в «способности объекта удовлетворять ту или иную потребность субъекта»³⁸, но и, главным образом, в отнесении этого объекта к ценности или в отказе ему в этом.

Следует принимать во внимание тот факт, что ценность - это диспозиционное отношение, так как субъект и объект выступают в нем не как вещи, а как позиции вещей, которые проявляют себя в определенных ситуациях благодаря наличию особых свойств. Ценность не может быть просто предметом или явлением, так как они способны выступать только в роли носителей ценности, независимо от своей природы: материальной или духовной. Ценность также не может быть свойством вещи, потому что свойство только объясняет способность вещи обрести ту или иную ценность, став ее носителем. Следовательно, «ценность предстает перед нами именно как отношение, причем специфическое отношение. Поскольку она связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, то есть носителем социальных и культурных качеств, которые и определяют сверхиндивидуальное содержание его духовной деятельности; деятельность человека и является реальным отношением, в котором он выступает как субъект, хотя в другой ситуации деятельности он окажется объектом для другого субъекта»³⁹.

Таким образом, ценностное отношение можно изучать с двух сторон: внутренней и внешней. Рассматриваемое изнутри ценностное отношение «образуется связью двух контрагентов - некоего предмета, который становится носителем ценности, и человека (или группы), который оценивает данный предмет и придает ему определенный смысл... Таким образом, ценность - это значение объекта для субъекта (благо, добро, красота), а оценка эмоционально-интеллектуальное выявление этого значения субъектом - переживание блага, приговор совести, суждение вкуса и т.д.»⁴⁰.

Из этого можно сделать вывод, что ценностное отношение имеет форму и содержание. Содержанием является мировоззрение, которое зависит от социокультурного окружения, именно в нем рождается и проявляется ценностное значение, а формой - психический

процесс, в котором ценность осознается. Поэтому анализировать ценностное отношение нужно с двух сторон: со стороны влияния социокультурного контекста на содержание и функционирование ценностного отношения, а также со стороны влияния ценностного отношения на функционирование и развитие общества и культуры.

Объектом ценностного отношения может выступать все, что имеет ценность для субъекта, любые предметы и явления, которые способны удовлетворять его потребности, интересы, цели, идеалы и пр. В момент определения объекта ценностного отношения одновременно решается вопрос о сущности ценности, об отнесении ее к тому или иному разряду ценностей. Отметим объективный характер существования ценностей. Объективность заключается в том, что предмет ценностного отношения, рассматриваемый в качестве ценности, существует вне зависимости от субъекта. При этом объективность носит относительный характер, так как факт отнесения того или иного предмета или явления к ценности возможен только при наличии второй стороны - субъекта, рассматривающего этот предмет в качестве ценности и вступающего с ним в определенные отношения.

В качестве субъекта ценностного отношения могут выступать конкретный человек, небольшая контактная группа людей, связанная общими интересами, деятельностью, мирозерцанием (семья, авторский коллектив ученых, военный отряд, театральная труппа, оркестр и т.п.), большая неконтактная социокультурная группа, обладающая общими чертами психологии, установками, идеологией и единством практической деятельности (племя, нация, сословие, класс, поколение и т.п.), человечество в целом, частичный субъект (раздвоение личности, ситуация внутреннего диалога, процессы самопознания, самооценки, самовнушения).

Субъекты ценностного отношения характеризуются

следующими качествами: способностью свободного выбора цели, средствами деятельности, сознанием, самосознанием, потребностью взаимодействовать с другими субъектами. Способность субъекта познавать мир - означает рассмотрение смысла этого мира для себя как субъекта, что, собственно, и является ценностным осмыслением мира. Также субъект способен проектировать новые идеальные объекты в соответствии со своими потребностями и интересами, что уже предполагает общение с другими субъектами и, как следствие - художественную деятельность.

По структуре ценностное отношение трехмерно и включает в себя:

1. Онтологическое бытие системы «человек - мир».
2. Активность человека по отношению к этому миру.
3. Качественный результат взаимодействия человека с миром - освоенность мира человеком.

Активность и свое взаимодействие с миром человек реализует в деятельности, в основе которой лежит процесс развертывания социальной памяти в социальную программу. Принимая во внимание традицию, идущую от П. Флоренского и М. М. Бахтина, рассматривать культуру как социальную память человечества, необходимо отметить избирательность этой памяти, в основе которой находится представление о ценности того или иного явления, предмета, события, процесса как для всего человечества, так и для каждого в отдельности. Не всякий феномен и не всякое явление становятся составляющими социальной памяти культуры человечества. Этот процесс отбора включает в себя три этапа: фиксация ценностного опыта, его интерпретация и трансформация.

Формы фиксации ценностного опыта есть результат оценки в его атомарной целостности, они статичны и абстрактны. На этом этапе ценностный опыт предъявляется субъекту в своей внешней данности, в самой видимости предмета. Формы фиксации как бы схватывают простейшую суть оценки, не привязывая эту

суть к ценностному опыту общества, просто закрепляя отношение субъекта оценки к ее объекту.

Формы интерпретации «разворачивают» ценностный опыт, включая его с помощью имеющихся средств в ценностную сферу общественного сознания, привязывая к другим видам культурного опыта. В этих формах возникает различие между их предметным и смысловым планами. Формы интерпретации постоянно развиваются: меняют свою модальность, насыщенность, глубину, могут «свертывать» свое смысловое поле или актуализировать его в зависимости от смены доминанты исторического типа. Этот этап связан с осмыслением мира.

Можно сказать, что на первом этапе происходит количественное увеличение объема памяти, заполнение различных ячеек культуры информацией. На втором этапе идет перераспределение в структуре ячеек на основе полученной информации, в результате чего меняются само понятие «факт, подлежащий запоминанию» и иерархическая оценка записанного в памяти. Итогом такого процесса является забывание в результате отбора какого-то количества и смысла содержания социальной памяти, но такое забывание не есть разрушение, подразумевающее распад, а есть исключение как очищение и создание новых ценностей, смыслов и т.д.

И последний, третий этап - формы трансформации. Они обуславливают перевод ценностного опыта из объективированной специфической предметности в живую деятельность; содержат программозадающее начало, становясь (в единстве с подобными формами иных социокультурных подсистем) порождающими моделями деятельности; представляют объективированную сущность каждого оценочного варианта, реально общее, нашедшее свое место в предметном поле социальных вещей.

Упомянувшееся в начале этого параграфа ценностное отношение выполняет определенные функции: во-первых, выступает связующим звеном между человеком и внешней средой, вызывая через систему потребностей, интересов

и

целей внутренние побудительные механизмы деятельности; во-вторых, активизирует внутренние возможности человека, направляет познание, увязывая его с практическими задачами; в-третьих, способствует ценностному отбору при рассмотрении благ, выявлению наиболее эффективных путей и средств освоения и использования ценностей.

Как уже говорилось выше, ценностное отношение представляет собой осмысленное отношение субъекта к объекту, которое «отражает реальное жизненно-практическое отношение данного объекта к субъекту»⁴¹. При этом имеется в виду мировоззрение субъекта, потому что именно оно и является его системой субъекта, в отличие от миропонимания, как системы знаний и миромоделирования как системы идеалов.

Мировоззрение может рассматриваться как двухуровневая система ценностных отношений. Ее нижний уровень характеризуется тем, что он переживается, но не осознается, в таком случае имеется в виду уровень обыденного сознания (этим занимается теория повседневности), или социально-психологический уровень. Верхний уровень отличается осознанностью, его М.С. Каган называет «идеологическим». «Именно он превращает ценностное отношение в ценностное сознание, которое делает оценивающее переживание реальности ее

оценивающим осмыслением»⁴².

Одна из особенностей ценностного сознания - его направленность не только на мир вокруг человека, но и на самого человека, так как только он способен отличать себя как субъекта от объективной реальности, это находит свое выражение в осознании ценностного смысла собственной жизни.

Психологической формой проявления ценностного отношения является переживание, т.е. особый тип эмоционального процесса, который зарождается на уровне повседневной жизни и восходит до уровня духовной жизни. Это еще раз подтверждает субъективный характер

ценностного отношения, потому что объект вне его связи с субъектом может выступать только потенциальным носителем ценности, а актуализируется он в акте оценки. Поскольку переживание не относится к области физиологии, а связано с духовной жизнью, оно носит социально-психологический характер, а следовательно, определяется социокультурными потребностями и может быть доступным не только индивидуальному, но и совокупному субъекту, примером может служить национальная психология.

Думается, что в человеке постепенно сформировалась потребность в осознании своих ценностных позиций, и именно после этого ценностное отношение поднимается на второй уровень - рациональный. Инструментом этого осознания, с точки зрения М. С. Кагана, становится мыслительный диалог, под которым он понимает «результат раздвоения личности, но уже не на субъекта и объект, позволяющий ей осуществлять самооценку, подобную оценке поведения других людей, а на разных субъектов, в столкновении-сопряжении духовных позиций которых и осознается система ценностей данной целостной личности»⁴³. Именно на этом уровне возникает представление о собственном смысле жизни, который находит свое выражение в экзистенциальных ценностях и является главным ориентиром личностного поведения.

Но общество, культура не заинтересованы в том, чтобы эти ценности «замирали» в рамках отдельного субъекта, они всегда стремятся «вывести» их наружу, обнародовать, опредметить с помощью всех доступных средств и способов - через слово, музыку, изобразительное искусство и т.п. Итогом этих процессов является формирование единого социокультурного пространства, с общими для его обитателей представлениями о смысле мира и человеческого бытия.

Со стороны субъекта ценностное отношение реализуется двояко: как отнесение к ценности оцениваемого объекта и как его осмысление. Это

выражается в том, что при восприятии любого объекта субъект исходит из уже сложившихся у него представлений о ценности, тогда оценка становится лишь отношением к ценности, с другой стороны, ценностное отношение предполагает возможность, а чаще необходимость осмысления оцениваемого, т.е. выявление и понимание конкретного смысла, который объект имеет для субъекта. В самом широком понимании смысл можно рассматривать «как способ обнаружения субъектом значения объекта для своего субъективного бытия»⁴⁴. Необходимо развести понятия «смысл» и «значение». Значение в отличие от смысла характеризуется как нечто существующее вне субъективного сознания, мировоззрения, системы ценностей. Оно познается как нечто внешнее по отношению к субъекту. Смысл, напротив, предполагает значение объекта для субъекта и не существует вне сознания субъекта.

Объективность значения подчеркивал А. Леонтьев. Он рассматривал значение как отношение субъекта к объекту, но не различал «субъективный» и «личностный» характер смысла. На наш взгляд, это не соответствует действительности, потому что субъект, как уже говорилось, может быть совокупным, следовательно, и смысл может быть национальным, этническим, сословным, профессиональным и т.д.

Акт осмысления означает наделение смыслом, Ж.-П. Сартр называл этот процесс «изобретением смысла». Необходимо отметить, что чем большее значение тот или иной объект имеет в жизни человека, тем более широким спектром смыслов он наделяется (это хорошо можно проследить в истории различных символов: чем он древнее, тем большее количество смыслов имеет). Скорее всего, именно этим объясняются постоянные дискуссии об адекватности и искажении того или иного значения в процессах интерпретаций. Если признать, что объект сам по себе никакого смысла не имеет, а получает его только в ситуации оценивания со стороны субъекта, то стало быть

он может иметь столько смыслов, сколько субъектов будут его оценивать, особенно наглядно это можно увидеть в ситуациях интерпретаций произведений искусства. Тем не менее, при всей кажущейся бесконечности интерпретационных процессов, особенно свойственных культуре постмодерна, существуют все же определенные ограничения, связанные с внешними факторами (пространство и время, в границах которых производится оценка), а также индивидуальными возможностями - психологическими и интеллектуальными, моральными и нравственными и т.п.

История возникновения ценностного отношения описана у Ф. Ницше: «Ни один народ не мог бы жить, не сделав сперва оценки; если он хочет сохранить себя, он не должен оценивать так, как оценивает сосед... Скрижаль добра висит над каждым народом. Взгляни, это скрижаль преодолений его... Похвально то, что кажется ему грудным; все неизбежное и трудное называет он добром; а то, что еще освобождает его от величайшей нужды, - редкое и самое трудное - зовет он священным... Все, способствующее тому, что он господствует, побеждает и блещит на страх и зависть своему соседу, - все это означает для него высоту, мерило и смысл всех вещей... Многое, что у одного народа называется добром, у другого называется глумлением и позором...»⁴⁵. Далее Заратустра приводит ряд примеров, отличающих одни народы от других: «"Всегда ты должен быть первым и стоять впереди других; никого не должна любить твоя ревнивая душа, кроме друга" - слова эти заставляли дрожать душу грека; и шел он своей стезею величия.

"Говорить правду и хорошо владеть луком и стрелой" казалось в одно и то же время мило, и тяжело тому народу, от которого идет имя мое...

"Чтить отца и мать и до глубины души служить воле их" - эту скрижаль преодоления навесил на себя другой народ...

Поистине люди дали себе все добро и все зло свое... Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, - он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называл он себя "человеком", то есть оценивающим. Оценивать - значит созидать... Оценивать - это драгоценность и жемчужина всех оцененных вещей. Через оценку впервые является ценность; и без оценки был бы пуст орех бытия»⁴⁶.

Окружающий человека мир, данный ему как «мир значимостей», не тождественен «миру ценностей». Следует отличать действительные ценности (как результат отнесения к ценности) от субъективно признаваемых (наделяемых смыслом) в акте оценки. Взаимосвязь ценности и оценки обусловлена неразрывной связью функционального и оценочного отношений человека к миру. Будучи необходимой стороной в сфере объективных функциональных отношений человека, ценностное отношение тем самым опосредует процесс идеального отражения и определяет его в целом оценочный характер.

В акте оценки происходит осознание ценностных свойств деятельности, выясняется значение того или иного предмета, явления, свойства для субъекта ценностного отношения и определяется, в какой мере объект способен удовлетворить его потребности и интересы. В рамках общественной жизни ценности ориентируют на определенные эталоны общественного поведения. Необходимо заметить, что ориентация на ценности и ценностные ориентации это не одно и то же. В своем поведении человек может ориентироваться на очень широкий круг ценностей, но только те, которые осознаны являются ценностными ориентациями.

Вслед за И.Г. Афанасьевой под ценностными ориентациями мы будем понимать «зафиксированные в сознании социальные установки, мотивирующие действия субъекта в соответствии со значимыми целями и идеалами, формирование которых зависит от степени развития

общества и его общественных отношений, воспитания индивида и его личностных особенностей»⁴⁷. Механизм реализации ценностной ориентации включает в себя следующую цепочку: интерес - установка - ценностная ориентация. При этом интерес предстает как осознанная потребность, а установка - как предрасположенность субъекта к определенной оценке на основе существующего социального опыта, используемого личностью по отношению к тем или иным социальным явлениям, а также ее готовность поступать в соответствии с данной оценкой. Таким образом, ценностная ориентация включает в себя три составляющие:

1. Когнитивную, или смысловую. Сюда входит социальный опыт личности, на основе которого происходит научное познание действительности, способствующее становлению ценностного отношения.

2. Эмоциональную. Здесь происходит переживание индивидом своего отношения к данным ценностям и определение их личностного смысла путем оценивания.

3. Поведенческую, т.е. готовность субъекта к определенного рода действиям.

Следовательно, направленность сознания и поведения человека на определенные ценности, как цели жизни выражается в ценностных ориентациях его мировоззрения и поведения. На поверхности ценностные ориентации выступают в виде всевозможных оценочных суждений.

При этом следует учитывать тот факт, что не всегда разделяемые ценностные ориентации и поведение личности будут совпадать. Причины этого можно увидеть в недостаточно глубоком уровне усвоения (при неполной интериоризации) ценностей, которые тем самым пришли в состояние конфликта с реальным поведением субъекта. Либо это может происходить тогда, когда интериоризированные ценности теряют свое прочное значение и устойчивость в сознании личности.

В итоге ценностные ориентации, формально разделяемые личностью только для того, чтобы не быть в

конфликте с общепринятыми нормами той или иной социальной группы, находятся в скрытом конфликте с поведением личности. Очень часто ценностные ориентации не выдерживают соприкосновения с реальной ситуацией и легко меняются в связи с новыми стимулами, информацией и т.п. Необходимо помнить, что, даже если ценностные ориентации могут вступать в противоречие с поведением даже тогда, когда они являются частью личности, субъект может поступать вопреки своим убеждениям. Эта ситуация может возникнуть в том случае, если ценности индивида противопоставляются ценностям его социального окружения, и он ведет себя соответственно только из-за боязни санкций и стремления к вознаграждению.

Довольно часто недостаточно интериоризированные ценности носят в сознании индивида абстрактный характер. В этом случае ценностные суждения лишены привязки к каким-то конкретным условиям или ситуациям. В результате, соглашаясь с такими суждениями, субъект не испытывает никакого дискомфорта, в отличие от ситуаций, в которых приходится обманывать.

Необходимо заметить, что наиболее устойчивы ценностные ориентации в том случае, когда эмоциональные и рациональные компоненты в каждой оценке не противоречат друг другу и ценностные ориентации различного содержания также связаны между собой.

Активность человека по отношению к миру связана с вовлечением предметов и явлений окружающей природной среды в практическую деятельность. Предметы практической деятельности имеют двойное бытие: с одной стороны, они обладают вещественным существованием, а с другой - социальным, или аксиогенным бытием. Они представляют сгусток смыслов и отношений, становясь объектом оценки. Процесс вовлечения предмета в деятельность раскрывает двойное отношение к ним человека: во-первых, человек является потребителем их

вещного тела, во-вторых, происходит процесс распредмечивания в них социальных сил самого человека. Идеальной стороной такого распредмечивания можно считать процесс оценочного отражения (под ним понимается соотнесение объективных свойств предмета с потребностями субъекта), объектом которого становится аксиогенное бытие явлений внешнего мира, а субъектом - человек.

Можно сказать, что аксиогенное бытие явлений внешнего мира представляет собой потенциальное существование ценностей, актуализация которых происходит в процессе оценки.

Думается, что подобным образом обстоит дело и со второй частью человеческого бытия - идеальным бытием (понятия, идеи, идеалы, образы и т.д.). По мере знакомства с этим миром духовных сущностей, которые тоже можно рассматривать в качестве потенциальных ценностей, с помощью ценностного отражения человек отбирает и делает «своими» лишь определенные иерархические системы этого мира.

В отличие от непрерывности человеческого бытия отдельный оценочный акт дискретен в пространстве и во времени. Он представляет собой момент взаимодействия объекта и субъекта, результатом которого является оценка. Она возникает в виде идеального образа, психического состояния, сенсомоторной реакции или поведенческого акта (поступка, действия). Будучи частью общества, субъект соотносит свой ценностный опыт с общественным, вследствие чего, происходит объективирование субъективного опыта в предметные формы культуры. Таким образом, ценностный опыт является содержанием оценочного отражения, становится результатом процесса оценки, обретая свое новое бытие в системе культуры.

В современной литературе можно выделить несколько подходов к тому, что есть оценка, каковы особенности процесса оценивания.

Сторонники гносеологического подхода придерживаются мнения, что оценочное знание выражает положительное, отрицательное или нейтральное отношение к реальности с точки зрения ее аксиологического содержания и той «человеческой» значимости, какую она имеет для нашей жизни и деятельности. Каждой конкретной оценке должно предшествовать отражение, потому что оценивать можно только то, о чем мы хоть что-нибудь знаем.

При логико-методологическом подходе оценка рассматривается как результат подведения оцениваемого предмета под оценочное понятие. Тогда абстрактная оценка в форме отвлеченного оценочного понятия предшествует конкретному процессу оценивания, играет роль перцептивного знания по отношению к нему.

В рамках подхода, в основе которого лежит идея вторичности оценки, оценка рассматривается как предпосылка научно-познавательной деятельности. Оценки неизбежно включаются в структуру научного знания и являются «столь же фундаментальным параметром науки, как и эмпирическое знание»⁴⁸. В этом ключе оценочно-нейтральное знание оказывается вторичным, производным, функционально зависимым от оценочного.

В основе эмотивного подхода лежит рассмотрение элементов чувственного познания:

- «рефлективных форм проксиматического знания (ощущения, восприятия) и продуцируемых на их основе отражательных представлений;
- импрессивных форм медиативного знания (аффекции) и продуцируемых на их основе оценочных представлений;
- промежуточных отражательно-оценочных представлений, в которых фиксируется содержание ощущений и восприятий, рекомбинируемых соответственно характеру оценочного содержания сопутствующих им чувств и эмоции»⁴⁹.

Таким образом, эмоциональная оценка ценностных и антиценностных характеристик аксиологического объекта возможна только в том случае, если он предварительно отражается, ощущается или воспринимается. Информация, получаемая в процессе ощущения и восприятия, служит источником оценочного отражения не сама по себе, а в соотнесенности с потребностями, интересами и установками познающего субъекта. Благодаря такой «соотнесенности» актуализируются субъективно-ориентированные аксиологические характеристики реальных объектов, составляющих конечную причину и предельное основание эмоциональных оценок.

Иногда под оценкой понимают познание ценности явлений окружающего мира, а ценность при этом рассматривается как способность этих явлений удовлетворять те или иные человеческие потребности, при этом происходит смешение категорий *ценность, оценка, познание*. Но представляется, что в акте оценки человек выражает свое отношение к тем или иным явлениям окружающего мира с точки зрения их ценности для него, а не познает их объективную сущность.

Истоки оценочного сознания, видимо, следует искать в жизни первобытного общества, постепенно овладевавшего собственно человеческими навыками труда и общения. Познание окружающего мира и себя вместе с этим миром первобытный человек осуществлял параллельно с процессом оценивания всего, с чем он сталкивался. Причем первичная оценка включала, по всей видимости, только выявление самого характера процесса или природного явления с точки зрения угрозы и безопасности, более глубокий уровень оценки с точки зрения полезности и бесполезности, наверное, уже следующий шаг на пути развития человечества. Так, с формированием института частной собственности растет самостоятельность (свобода) выбора у человека, проявляется большая вариативность в поведении, требующая новых форм регуляции в интересах социального целого, форм, основывающихся на осознании

смысла, ценности, вещи. Наряду со знанием вещей возникает и обособляется система смысла (ценностей) вещей и явлений, окружающих человека. Детерминирующим фактором поведения становится нравственный смысл - что есть добро и что есть зло, что справедливо, а что - нет, каким интересам отвечает данный объект и т.д.

Изначально сознание зарождается не как индивидуально-личное, основанное на осознании человеком себя как «Я», а как групповое, родоплеменное осознание своей принадлежности к «Мы», к кровнородственной общине, фратрии, племени. Таким образом, по мере развития общества биологический, инстинктивный регулятор поведения постепенно заменяется социальным, выработанным культурой.

Самые первые ценности были общими для каждой родоплеменной группы и определяли ее отношение к природе, правила поведения по отношению к соплеменникам, которые не касались представителей других племен: иноплеменников рассматривали как природные объекты, подобные растениям или животным, и поступали с ними также - на них охотились, их убивали, превращали в рабов.

Появление индивидуального субъекта имело очень узкие границы, первым признаком этого можно считать возникновение портретного жанра в скульптуре, правда круг портретируемых ограничивался в Древнем Египте фараонами и жрецами, а простые люди изображались линии, орнаментально. В Древней Греции этот процесс связан с возникновением сценического искусства, философией, размышляющими о человеческом бытии, что и заложило основы для формирования личности, подтверждением чему стало распространение портретного искусства в Древнем Риме.

Познание и оценка неразрывно связаны, через познание субъект раскрывает сущность причинно следственных связей, объясняет явления, а затем, на

основе этих познавательных результатов, производит оценку, осуществляя самостоятельный выбор вариантов действия. Процесс познания имеет своей целью выявление того, что есть данный объект (явление, событие, предмет, процесс), каковы его связи с другими объектами. Итогом познавательного акта является получение знания об объекте вне зависимости от отношения к нему субъекта.

Переживаемое соотнесение объективных свойств предмета с основанием потребности субъекта есть конкретная форма проявления оценочного отношения человека к миру. Осознание оценочного отношения как личностно переживаемого соотнесения осуществляется в оценочных суждениях. Если в познавательном суждении зафиксировано знание о сущности явлений объективного мира или о законах мышления, или о самом процессе познания, то оценочное суждение есть знание об оценочном отношении. В нем, как и во всяком знании-результате, эмоциональное снимается рациональным. Это именно результат, фиксация различных видов реальных оценочных отношений, многократно повторенных в актах индивидуального сознания и закрепленных в лексическом пласте естественного языка в виде слов - носителей оценочных понятий, при этом слова, выполняющие функцию оценки, выступают в качестве феноменов общественного сознания. «...Когда процесс переживаемого соотнесения сливается с процессом его осознания и результат этого единого процесса осознания переживаемого соотнесения выражается в оценочном суждении, - перед нами целостный акт оценки субъектом данного явления»⁵⁰.

Оценка вещи или установление ее ценности предполагает сравнение этой вещи с образцом или нормой, подведение данного явления под какое-то общее правило. Процесс оценивания имеет свою структуру, которая включает в себя, во-первых, субъекта лицо (или группу лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки; во-вторых, предметы

оценок - объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются; в-третьих, основание оценки - то основание, с точки зрения которого производится оценивание, это позиция или доводы, склоняющие субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами.

Также процесс оценивания можно рассматривать как взаимодействие двух процессов: экстериио - и интериоризации. Момент взаимодействия субъекта с объектом есть момент получения информации об объекте, за ним следует переработка информации в процессе интериоризации и произведение оценки. Факт вынесения окончательной оценки будет являться переводом внутренних процессов во внешние. В основе оценки, как правило, лежит предмет, а результатом оценивания становится выявление ценностных характеристик предмета. Выбор ценностных свойств объекта происходит в зависимости от потребностей и интересов субъекта, служащих основанием оценки. Оцененные свойства объекта являются ценностными ориентациями, которые определяют необходимые средства и цели деятельности, способы поведения. Оценка как составная часть ценностного отношения подготавливает решение субъекта о том, как надо действовать.

Возникает проблема объективности оценки, связанная с тем, насколько возможна объективная оценка предмета, явления, процесса и т.д., может ли она быть истинной, в чем состоит ее истинность. Если обратиться к вопросу о соотношении ценности и оценки, то можно определить ценность как объективную сторону (объективность заключается в том, что ценность не является результатом процесса оценивания, существует вне оценивающего сознания), а оценку как субъективную сторону. Оценка рождается в процессе субъективного установления ценностей в момент осознания меры соответствия того или иного предмета или явления потребностям и интересам субъекта. Как выражение субъективного отношения к

ценности оценка может быть истинной (если она соответствует ценности) и наоборот.

Чтобы произвести оценку, предварительно необходимо иметь знания не только о внешнем предмете и его свойствах, но и о самом себе, о своих желаниях и стремлениях, детерминируемых потребностями и интересами индивида. Поэтому процесс оценки начинается с соотнесения двух различных видов информации: информации о внешнем предмете и информации о субъекте.

Субъективный характер оценки и оценивания имеет под собой объективную основу, заключающуюся в индивидуальной природе субъекта, в индивидуальности его потребностей, интересов и внутренних запросов, составляющих основу личности. По всей видимости, было бы ошибкой преувеличивать субъективный характер оценки. Для каждого вида социальной и духовной деятельности и связанных с ними группами ценностей в качестве критерия оценки выдвигается некий обобщенный образ, образец, стереотип, правило, норма, идеал и т.п., формальный и неформальный регуляторы жизни.

Господствующие в данном обществе оценки ограничивают оценочную свободу индивидов. Характер оценки зависит от природы предмета, от наличия в нем тех объективных свойств, которые необходимы субъекту. Именно эти объективные свойства оказывают влияние на процесс оценивания, ограничивая оценочную свободу индивидов. Такие же ограничения на индивидуальные оценки накладывают общепринятые оценки, которые диктуют ту или иную положительную или отрицательную оценку. Кроме того, на произвольность оценок влияет факт существования оценок внутри языка. Как жесткая структура язык ограничивает свободу в формировании и вынесении оценок, оставляя возможность комбинации уже существующих значений.

Процесс оценивания протекает на двух уровнях -эмоциональном, рациональном и находит свое завершение

в поведенческом. В первом случае он носит неосознанный характер и проявляет себя в чувстве удовольствия и неудовольствия («нравится/не нравится», «люблю/не люблю»), во втором - осознанный и находит выражение в своей полезности и значимости. На этом уровне к эмоциональным реакциям присоединяется рациональный элемент, реализующийся в обосновании отношения к ценности («это мне нужно, потому что...»). Этот уровень отражает степень понимания индивидом сущности оцениваемого явления, его свойств, его пригодности и т.д. Третий поведенческий уровень демонстрирует то, в какой степени данная оценка отражает готовность субъекта к действию в соответствии с высказанным оценочным суждением. Поэтому этот уровень связан с волевым началом в деятельности человека.

Рациональность процесса оценивания ярко проявляется в человеческой деятельности, которая носит целенаправленный характер и предполагает выбор путей и средств для достижения цели. В соответствии с ней индивид отбирает/оценивает эти средства, определяя степень их значимости/ценности для достижения результатов деятельности. В связи с тем, что цели постоянно меняются, меняются средства и пути их достижения. Следовательно, меняются их

значимость/ценность и оценки. Это позволяет говорить об относительности оценок и их динамике, связанной с различными сторонами человеческой жизни. Аналогичное происходит и на микроуровне. Оценки меняются не только в глобальном масштабе (исторические эпохи, поколения и глобальное развитие науки и техники), но и в обычной жизни.

Кроме относительных оценок, существуют абсолютные оценки, связанные с представлениями об абсолютных ценностях.

В научной литературе можно найти множество других классификаций оценок. И.Г. Афанасьева и ряд других авторов выделяют положительные и отрицательные

оценки, причем приписывание оценке того или иного значения происходит с точки зрения полезности предметов, необходимости их человеку и обществу.

В зависимости от объекта оценки выделяют научные, этические, эстетические, технико-экономические и др. оценки.

По модальности субъектов оценочного отражения оценки делят: на индивидуальные, которые являются, хоть и в ограниченном варианте, результатом проявления свободной воли отдельной личности; признаваемые той или иной социальной группой (различие может быть произведено по профессиональному принципу, по интересам и т.п.); признаваемые и производимые всем обществом и всем человечеством. Соответственно оценки могут быть индивидуальными, групповыми, общественными и глобальными.

Обычно оценки делят на абсолютные (хорошо/плохо, добро/зло) и сравнительные (хуже/лучше).

Суждения, содержащие информацию о пользе или вреде явлений, действий, поступков, можно разделить на реальные и оценочные. Например, в реальном суждении «Эта вещь бела» всегда указывается, что известное представление субъекта суждения мыслится в некотором отношении - различном, в зависимости от формы суждения - к известному другому представлению (предикату суждения). Предикаты реального суждения относятся к представленному миру в качестве родовых понятий, свойств, деятельностей, соотношений, состояний и т.д. В оценочных суждениях к предмету, который предполагается уже представленным или познанным, присоединяется предикат оценки. При этом предикат несколько не расширяет знание о данном объекте, а только выражает чувство одобрения или неодобрения, с которым оценивающее сознание относится к предмету представления.

Так как оценка носит частично субъективный характер, «она представляет реакцию чувствующей и водящей

личности на определенное содержание представления»⁵¹. Такое виденье оценки осуществляется с учетом потребностей и содержания представлений, являющихся результатами общественной жизни. Факт предписания и содержания оценок трудно понять в рамках жизни одного индивида. Как и ценности, оценки можно определить, анализируя историю развития человеческой культуры.

Говоря об оценках, необходимо упомянуть о взаимосвязи идеала и суждения. Существуют идеалы, назначение которых - выражать реальности. Это - понятия. Но есть и другие идеалы, главная функция которых - преобразовать реальности. Это так называемые ценностные идеалы. В первом случае идеал служит символом для вещи, способствуя ее усвоению мышлением, во втором - вещь служит символом для идеала, давая возможность представлять ее себе разным людям. В соответствии с разными типами идеалов различают и разные типы суждений. Первые ограничиваются анализом реальности и как можно более верным ее выражением. Вторые содержат высказывания о новом аспекте реальности, которым она обогатилась под действием идеала. Суждения, связанные с идеалами, преобразующими реальность, также реальны, но в другом качестве и иначе, чем свойства, внутренне присущие объектам. Доказательством этого служит то, что одна и та же вещь может или утратить имеющуюся ценность, или приобрести иную ценность, не изменяя свою природу. Следовательно, оценочное суждение добавляет нечто к данному, хотя то, что оно добавляет, взято у данного другого рода.

Оценочные слова типа «хорошо», «плохо» выполняют функцию, которую можно назвать функцией замещения. Понятие функции замещения дает возможность объяснить разнообразие вещей и смыслов. «Свойство "быть хорошим" является внеестественным в том отношении, что оно не существует наряду с иными естественными

свойствами. Вещи являются хорошими не потому, что они имеют особое свойство "добро", а в силу того, что этим вещам присущи определенные естественные свойства и существуют социальные по своему происхождению стандарты того, какими именно свойствами должны обладать вещи. Слово "хорошо" является заместителем имен естественных свойств, но не именем особого естественного свойства»⁵².

Но даже когда мы употребляем выражения типа «Хорошая вещь...», это не всегда означает оценку или передачу нашего к нему отношения. Часто такое выражение используется для передачи информации дескриптивного характера. Иногда подобные выражения применяются не для передачи информации, а для того, чтобы научить слушающего правильно использовать те или иные слова или выражения в целях последующей передачи или получения информации. Подобного рода явления могут происходить не только со словом «хорошо», но и с другими словами и их значениями: одно значение может утрачиваться, другое - приобретаться. Это осуществляется двумя способами. В первом случае оценочное значение слова остается неизменным и используется для изменения дескриптивного значения и установления нового стандарта. Во втором случае слово постепенно теряет свое значение и начинает употребляться в переносном смысле.

На основе этого выделяют несколько функций использования языка.

1. Информативный, основная функция которого заключена в формировании истинных и ложных суждений.
2. Экспрессивный, или оценочный, функция которого - выражение состояний сознания говорящего.
3. Эвокативный, основная функция которого - оказание влияния на слушающего с целью возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к определенному рода действиям.

Мы проследили взаимосвязь таких понятий, как *ценность*, *ценностное отношение*, *оценка*, и пришли к выводу, что особенность аксиологических объектов заключена во внесубъектном характере основы оценочного знания и одновременно в способности являться результатом внесубъектной детерминации. «Ценность как архетип позитивной аффекции представляет собой формальный объект, тождественный аксиологической функции реального объекта - соответствовать определенным потребностям, интересам и установкам человека»⁵³.

1 3. Информация как ценность

В двух предыдущих параграфах мы попытались дать определения понятий *ценность*, *ценностное отношение*, *оценка*. Как было сказано во Введении, для рассмотрения ценностных аспектов протекания информационных процессов в обществе нам необходимо использовать информологический подход, который приобретает статус общенаучного. К концу XX столетия понятие информации (подобно понятиям массы, энергии, системы, структуры, функции и др.) стало одним из фундаментальных научных понятий, объединяющим под общим углом зрения разные явления, как объективной реальности, так и человеческой психики сферы идеального. «Любые проявления и сущностные компоненты социума могут осознаваться достаточно адекватно лишь на основе глубокого понимания закономерности функционирования всех возможных видов социальной информации, их взаимосвязи и взаимодействия, тенденции их собственного изменения, а также их места и роли в общем процессе развития человечества»⁵⁴.

Основателем науки об информации считают К. Шеннона. Приверженцы его статистической теории информации оперируют понятием «количество информации», исходя из того, что потребитель, или

«приемник», информации а priori «правильно настроен» и всегда готов и способен принять поступающие к нему сообщения. Единственными ограничителями в таком случае выступают физические характеристики пропускная способность канала и человеческие способности к передаче и приему определенного числа сообщений в единицу времени.

Данный подход не позволяет исследовать большое количество информационных процессов, в том числе и их ценностные аспекты, которые напрямую связаны с содержанием и средствами передачи информации, с качественными характеристиками информационных процессов.

Для выяснения ценностных аспектов информационных процессов необходимо для начала определить феномен информации и ее ценностные характеристики, которые в дальнейшем позволят исследовать проявление ее ценностных аспектов в информационных процессах, понять механизмы построения информационного взаимодействия с точки зрения субъектно-объектных отношений и оснований такого взаимодействия.

Под социальной информацией мы, вслед за В. З. Коганом, будем понимать «сообщение, содержащее сведения относительно чего-то, предназначенное для передачи или переданное индивидом или группой таковых другому индивиду или группе таковых в любой из знаковых форм»⁵⁵. Поэтому социальная информация касается, прежде всего, отношений между людьми, их взаимодействий и выполняет коммуникативную функцию. Суть коммуникативной переработки информации заключается в разъяснении и распространении целей, задач деятельности, во взаимообмене информацией, обсуждении, уточнении, конкретизации информации, усвоении ее объектом (с учетом его потребностей и интересов) как руководства к действию.

Социальная информация, так как она является результатом отражения социальных процессов в сознании

человека, идеальна. Запись «информации» в человеческой памяти - в сущности, это ее передача по вертикали (во времени) - из прошлого через настоящее в будущее. Но память «работает» и по горизонтали (в пространстве) - от человека к человеку, используя такую форму ее фиксации, как язык. Можно сказать, что материальным носителем социальной информации, сигналом, ее несущим, является видимое или слышимое слово, речь.

К основным чертам социальной информации относят:

1. «Подчиненность» развитию общества, отдельной социальной группы и личности.

2. Производность: выступает как аспект и результат взаимодействия общества и природы, отражает разнообразие общественных отношений.

3. Объективность содержанию и существование множества ее разновидностей (к основным видам социальной информации относят информацию экономическую, социально-политическую, идеологическую, научную, этическую, эстетическую).

К основным свойствам социальной информации Л. Д. Урсул относит истинность, объективность, правдивость, достоверность, эффективность, оперативность, актуальность, оптимальность, полезность и ценность. В нашем исследовании мы рассмотрим последние два свойства - ценность и полезность.

Вопрос, касающийся ценности информации, является наименее разработанным в современной научной литературе. Осуществлено вычленение, описание и определенное сопоставление различных качественных характеристик информации. Поставлена и исследуется проблема количественных параметров, характеризующих качественные свойства информации. Выделены способы измерения ценности информации. Но рассмотрение ценности информации как таковой носит подчиненный характер.

Сторонники статистической теории информации определяют ценность сообщения как определенный

синтаксис, определенную форму кодирования содержания сообщения, которая обеспечивает прохождение (передачу) сообщения по каналу связи. Акцент ставится на пропускной способности канала связи, улучшении качества кодирующей системы и состоянии самого канала связи, которое бы уменьшало шумовые помехи и увеличивало бы пропускную способность. Этот подход не учитывает состояние самого объекта, его способность принимать ту или иную информацию, его потребность и заинтересованность в содержании информации, а также качественное состояние информации (истинность, достоверность и т.п.).

А. А. Харкевич, А. М. Яглом и И. М. Яглом рассматривают ценность «как осмысление результатов каждого этапа в решении задачи и эффективном использовании полученной информации для последующих этапов ее решения»⁵⁶. В рамках этого определения ценностью информации является сам смысл. А. А. Харкевич отмечает, что информация собирается для достижения некоторой определенной цели, следовательно, «информация ценна, поскольку она способствует достижению поставленной цели. Но информация может иметь различную ценность, если рассматривать ее с точки зрения использования для различных целей. Когда цель может быть ясно определена, то ценность информации может быть выражена через приращение вероятности достижения цели. Вероятность определяется как отношение числа благоприятных исходов к общему их числу. Отрицательную ценность имеет такая информация, которая увеличивает исходную неопределенность, уменьшая вероятность достижения цели»⁵⁷.

М. М. Бонгард, Р. Л. Стратонович, Б. А. Гришанин, М. К. Гавурин связывают понятие ценности с понятием цели, поставленной в процессе управления. Отсюда ценность информации зависит от того, насколько получение ее приближает кибернетическую систему (социальную, биологическую, техническую) к реализации

целей программы. М. М. Бонгард считает, что говорить о полезности информации имеет смысл лишь в том случае, если указаны задача, которая решается, начальное состояние решаемого алгоритма и свойства декодирующего алгоритма. В данном случае предлагается вариант, связанный с теорией игр и решений, с теорией оптимального управления, где ценность информации измеряется через ее количество. Но необходимо учесть, что при одном и том же количестве информации мера ее ценности оказывается зависимой от субъекта, целей управления, качества передаваемой информации, готовности и способности объекта к ее декодировке и перекодировке и т.п.

Разработка проблемы определения ценностных свойств информации в современной науке привела к формированию нескольких направлений, высвечивающих те или иные аспекты ценностных свойств информации.

В теории техники связи используют синхронический подход, включающий в себя описание информации на основе математических методов - статистических и комбинаторных, которые описывают структуру сообщения как конфигурацию (последовательность) знаков-букв. Это плодотворно в теории техники связи при решении вопросов оценки сложности объектов, мощности потоков информации при ее переработке.

Семантическая концепция информации возникла как попытка измерения смысла сообщений в форме суждений, являющихся носителями знаний и понимаемых человеком. Семантическая теория пытается выяснить «количество смысла». Кроме смысла информация обладает для ее получателя полезностью, так как может быть использована в его дальнейшей деятельности.

Данная концепция не разводит понятий «ценность» и «полезность» информации. Ценность (полезность) информации является ее прагматическим свойством, влияющим на поведение индивида и на принятие решений, поэтому ценность рассматривается как фактор, влияющий

на процесс управления в системе (приемнике). Так как для управления важна не всякая информация, а та, которая полезна, значима для системы, то существенно не всякое снятие неопределенности, а то, в результате которого объект получает «знание от руководства к действию». Следовательно, из всех поступающих сигналов кибернетическая система выбирает те, которые ведут к осуществлению цели.

Другой аспект качественной стороны информации выделен сторонниками прагматической концепции. В основе определения ценности информации, ее полезности лежит влияние сообщений на поведение той или иной кибернетической системы, на «знания» получателя, на решения им определенных задач. Центральным понятием этой концепции является субъективная вероятность, под которой обычно понимают степень разумной уверенности (убеждения) субъекта (группы лиц, общества в целом) в том, что наступит тот или иной исход (действия, опыта и т. д.) или что та или иная информация (высказывание, гипотеза и т. д.) истинна. Этот аспект ценности информации можно рассматривать более подробно в контексте анализа информационного взаимодействия, его структуры, потребностей, интересов, мотивов и целей участников.

Все эти подходы рассматривают отдельные качественные характеристики информации, способов ее кодировки, объема передаваемого сообщения, смысла содержания сообщения, поведения, поступков, изменяющих сознание субъекта. При оценке информации кроме всего вышеперечисленного следует учитывать потребности и цели как субъекта, так и объекта информационного взаимодействия. Без соотнесения этих двух компонентов можно говорить лишь об относительной ценности информации как объективном предмете. Можно предположить, что любая информация как вид знания, как результат познания окружающего мира и человека может быть ценной. Но выше уже говорилось о том, что акт

присвоения ценности тому или иному явлению, событию, информации возможен в случае возникновения ценностного отношения.

Необходимо сделать оговорку о том, что в отличие от объекта философии, который носит пассивный характер по отношению к субъекту познания, в информологии в роли объекта выступает активный получатель информации (человек, социальная группа, общество), а в роли субъекта - передающий информацию, являющийся также активным.

Говорить о ценности социальной информации можно только в применении к человеческому обществу: «Осознание ценности информации и полезности ее в связи с возможными достижениями цели появляется на уровне социальной формы движения материи»⁵⁸. В научной литературе категория ценности информации связывается с потребностями субъекта, поэтому ценность рассматривается как свойство информации, позволяющее использовать ее в качестве метасредства деятельности. Ценность информации в этом случае напрямую связана с субъектно-объектными отношениями, и может иметь различную значимость для субъекта и для объекта. Ценность информации для субъекта - это побуждение объекта к изменению мнения или действию. Ценность информации для объекта - это выбор с ее помощью наикратчайшего пути к достижению цели. Следовательно, можно говорить об относительном характере ценности информации при несовпадении уровней ценности информации для субъекта и для объекта. Абсолютной ценностью обладает информация в случае одинакового уровня значимости ее как для субъекта, так и для объекта.

Информологи разводят такие понятия, как «ценность» и «полезность» информации. Под полезностью информации понимают ценность в определенных конкретных условиях или актуализированную, прагматизированную ценность. В основе ценности информации, таким образом, лежит ее объективная способность, потенциальная возможность удовлетворять

потребности субъекта и объекта информационных процессов. Полезность информации проявляется в акте ее непосредственного оценивания с точки зрения участников информационных процессов, поэтому о полезности можно говорить как о результате оценочного отражения.

Все вышеописанное позволяет выделить потенциальную и актуальную ценность информации. «Потенциальная ценность - объективное свойство информации, позволяющее использовать ее для успешной разработки алгоритма решения стоящей задачи. Потенциальная ценность может быть выявлена при "наложении" информации на условия задачи (ситуации) и последующем прогнозировании результатов возможного использования. Характер актуализации потенциальной ценности зависит от многих факторов, среди которых не последнюю роль играют личные качества объектов инфовзаимодействия, в частности, их тезаурус. Степень актуализации полезности информации прямо пропорциональна уровню и объему тезауруса»⁵⁹.

Степень полезности информации выявляется в процессе построения на ее базе алгоритма, определяя и уровень ценности информации. Максимально ценная информация должна удовлетворять трем требованиям: быть достаточной для выработки алгоритма, обеспечивать выработку алгоритма в кратчайшие сроки, обеспечивать высокую степень надежности алгоритма.

Взаимозависимость между категориями ценности, полезности информации и целями, потребностями субъекта и объекта информационных процессов позволяет говорить об их динамике и подверженности изменениям, что, в свою очередь, служит доказательством подвижности всего инфофонда человечества. Динамизм обусловлен действием принципа непрерывности, в результате которого производство, передача и потребление информации неизбежно присутствуют на социальном уровне развития материи. Но наряду с изменяющимися

частями инфонда присутствуют большие информационные блоки, которые менее подвержены изменениям и характеризуются большой устойчивостью, что выражает наличие статической тенденции в развитии общества, производстве, переработке и передаче информации. Одновременно это является залогом сохранения общества как целостного организма, владеющего определенным запасом устойчивых знаний.

Подверженность инфонда различным изменениям связана с процессами старения информации и непрерывного получения и создания новой. Процесс старения информации можно рассматривать с точки зрения взаимодействия содержания и формы.

Любая информация не существует без определенной формы выражения (знаки, рисунки, языки и т.п.), поэтому в некоторых случаях происходит замена одних форм передачи другими (например, мимика и жесты могут обретать свое словесное выражение), но при этом сохраняется ценность и полезность содержания информации. Также возможно падение ценности именно содержания информации. Такой процесс может носить как непрерывный (длительный), так и дискретный (одноактовый) характер. Например, процесс перехода от языческих ценностей к христианским - результат длительного падения ценности языческих верований; противоположный пример - любые открытия в науке могут в один миг привести к выпадению определенной информации и даже целых инфоблоков.

Старение информации происходит непрерывно, как и производство новой информации. По статистике 1986 г. ежегодный прирост новой информации составлял десять процентов, а рост ежегодного потребления - всего три процента. Это, в частности, порождает угрозу информационного взрыва. Насущным становится вопрос о несоразмерности возможностей человеческой памяти и мощи информационных потоков, обрушивающихся на индивида. Такая ситуация ставит проблему емкости

информации.

Определение ценности информации только с точки зрения достижения цели не является исчерпывающим, потому что получаемая индивидом информация может иметь разную ценность в зависимости от этапа его жизни. Она может использоваться им в деятельности непосредственно и опосредованно, в скрытой или явной форме.

А. Моль считает, что «ценностью обладает то, что может быть использовано... ценность сообщения определяется тем, что оно новее, ибо то, что уже известно, уже было как-то учтено адресатом и включено им в его внутреннюю структуру... Ценность сообщения связана с его неожиданностью, непредвиденностью, оригинальностью»⁶⁰. Тем не менее новое может так и не стать ценным, оставшись на уровне удивления. Если мы рассматриваем социальную информацию в контексте субъектно-объектных отношений, а ценность и полезность информации с точки зрения целей и потребностей участников информационных взаимодействий, то, видимо, следует учитывать также степень усвоения информации. Следовательно, говорить о ценности информации имеет смысл только при условии интернализации ее содержания.

И. А. Полетаев связывает процесс установления ценности информации с прочтением и пониманием ее смысла. «Ценность сообщения, по отношению к которому система некомпетентна (то есть, не способна установить его "смысл"), равна нулю. Увеличение степени компетентности, а также усложнение аппарата отражения системы некоторым рациональным способом и в определенных пределах приводят к возрастанию ценности сообщения, измеряемому увеличением негэнтропии в системе»⁶¹.

Получение и понимание информации уже предполагает использование кодирующей системы известной потребителю информации. Измерение ценности

информации путем увеличения негэнтропии в системе в большей степени связано с полезностью информации, так как говорить об уменьшении энтропии можно только с точки зрения оценки поступков и действий потребителя информации, его целей и способов использования полученной информации. При этом необходимо развести понимание информации и установление ее смысла. В том случае, когда сообщение понимается, параллельно и одновременно с этим идет процесс мышления и выработки знания, который переводит то, что понимается, в разряд содержания. Затем, в процессе деятельности, содержание переводится в форму действительности. Смысл предполагает не только понимание содержания, но и установление соотнесенности, связи всех относящихся к ситуации явлений. Смысл возникает в случае полного усвоения полученной информации, включения ее во внутренние структуры сознания и использования ее в деятельности, т.е. тогда, когда становится возможным перевод полученной информации в формы, способы и привычки мышления потребителя информации.

Ценность информации рассматривается также в контексте отражения. В. А. Василенко отмечает, что «семантический аспект информации требует подключить к анализу способность получателя декодировать или осмысливать информацию... Процесс осмысливания состоит в переводе поступающей информации на язык тезауруса и изменении тезауруса под воздействием данной информации»⁶².

Описанные выше подходы к определению ценности информации предлагают измерять ее разностью значений целевой функции. Разность значений постигается принимающим решения субъектом, и тогда, когда он имеет в своем распоряжении эту информацию, и когда не имеет. Исходной является информация, необходимая для достижения цели.

В. А. Василенко считает, что для решения проблемы ценности информации нужно разграничить и установить

взаимосвязь ценности информации о каком-то объекте и ценности самого этого объекта для того же адресата; цели познавательной, которая может быть достигнута с помощью одной информации, и цели практической, достигаемой посредством предметной деятельности. Информация приобретает ценность, если она используется получателем. Использование информации может быть двояким. Во-первых, внутренним, при котором с помощью данной информации разрабатываются мыслительные проекты и программа будущей деятельности и ее результатов. Во-вторых, внешним, при котором заложенная в набросанных планах и проектах информация служит направляющим ориентиром практической деятельности. Говорить о ценности информации при внутреннем ее использовании можно условно. «Использование информации - это переход от внутреннего ее освоения к практическому взаимодействию с ее источником (отображаемым предметом)... По ценности соответствующего объекта или действия для практической жизнедеятельности человека человек судит и о ценности информации»⁶³. Использование информации, таким образом, предстает в виде «наложения» двух оценочных актов: рассмотрения объекта в качестве ценного и присвоения ему положительной либо отрицательной оценки и рассмотрения ценности информации в зависимости от присваиваемой оценки.

Ценность информации должна была бы измеряться в единицах, которыми измеряется ценность отображаемых ею и преобразуемых посредством ее объектов, но это вряд ли легко решаемая задача. Мера ценности информации может быть выражена величиной сэкономленных или израсходованных при ее практическом использовании материальных средств, энергетических ресурсов, трудовых затрат или денежных капиталов.

Таким образом, «ценность информации заключается в двойной зависимости: с одной стороны, она детерминирована такими свойствами самой информации,

как количество содержащегося в ней разнообразия, как мера отражения ею объекта, понятность, новизна и истинность; с другой стороны, - целью и степенью ее практического использования данным получателем. Вывести уравнение, позволяющее связать эти факторы в единое целое и определить удельный вес каждого из них, - одна из неотложных задач, стоящих перед наукой. Специфической чертой ценности... информации является ее вторичность по отношению к ценности объекта, о котором она информирует»⁶⁴. Эта точка зрения требует комментирования: в некоторых случаях именно информация представляется наиболее ценной, чем сам объект, о котором она информирует. Имея определенные сведения о том или ином фрагменте действительности, мы вправе судить о ценности его как такового, так как без предварительной, хотя бы минимальной, информации невозможно не только оценить сам объект, но и вычленить его в предметной действительности.

С. Е. Злочевский, А. А. Половинник, рассматривая оценку качества информации, приравнивают ее к ценности информации с точки зрения поставленной цели. Оценка информации с позиции достижения конкретной прагматической цели они называют прагматической ценностью или полезностью информации, оценку информации как нового элемента накопленных обществом знаний о природе и обществе - определением научной ценности или просто ценности информации. Полезность диктуется целью исследования, а ценность в таком случае определяется степенью ее участия в познании человеком окружающей среды или созданием и развитием новых информационных массивов.

Факт взаимосвязи ценности и полезности информации соответствует связи объективной и субъективной сторон существования этих качеств. Уже говорилось о том, что объективно любая информация может быть ценной и полезной для человеческого общества.

Ю. А. Шрейдер исходит из того, что сообщение всегда

адресовано приемнику, обладающему известным тезаурусом, и в качестве оценки информации он предлагает взять за основу изменение тезауруса приемника под воздействием этого сообщения. Такой метод оценки качества информации применим только в ситуациях непосредственного практического действия, когда требуется немедленная реакция на полученную информацию. Каждый индивид является потребителем информации на протяжении всей своей жизни, и востребование известной информации, ее применение и получение не всегда происходит одновременно. Какую-то часть человек использует сразу, а какую-то через много лет. Это не означает, что информация лишена своей ценности, она всегда сохраняет свою потенциальную ценность.

Ценность любой отдельно взятой информации может определяться с позиции комплекса информации какого-либо порядка. Тогда величина ценности информации обусловлена ее влиянием на развитие комплекса информации, который, в свою очередь, изменяясь, повлечет развитие комплекса более высокого порядка, изменяя и углубляя, в конечном счете, наше познание окружающего мира.

Широкое распространение получил метод науковедческого анализа ценности информации, одной из основных задач которого является косвенная оценка как ценности, так и полезности научной информации. Один из методов такого анализа косвенной оценки научно-технической информации - определение ценности информации соразмерно с экономическим эффектом ее использования в материальном производстве. Этот метод весьма ограничен в своем применении из-за узкой сферы использования, несоответствия временных характеристик информации и ее использования (разрыв между фазой производства и передачи и фазой применения), различия отраслей и масштабов использования конкретных информационных материалов.

Проблема стоимости и товарных свойств информации еще не получила подробного исследования, по всей видимости, это связано с неразработанностью общих проблем социальной информации. Говорить о категории стоимости информации позволительно потому, что создание и передача информации требуют определенных затрат общественно необходимого труда. Но говорить о товарных свойствах научной информации можно лишь при учете ее определенных качеств. Такие качества выделены в работе Л. Д. Урсула и К. В. Казанцевой «Является ли научная информация товаром?»:

1. В отличие от классической модели товар при информационном взаимодействии - информация одновременно передается другому лицу и остается у производителя.

2. Информация может быть многократно потребленной, при этом она не теряет своей потребительной стоимости. Необходимо помнить, что некоторая часть информации не может быть использована бесконечно в силу ее тенденции к старению и утрате ценности.

3. Научная информация с трудом поддается прогнозам.

4. Крупнейшие открытия поступают на всеобщее пользование и не могут быть присвоены.

5. Некоторые виды информации производятся не для других, а для себя.

По-видимому, проблема стоимости информации связана с ее полезностью. До тех пор, пока потребляемая информация (потребительная стоимость информации) используется людьми в процессе их жизнедеятельности, рассматривается ими в качестве полезной с точки зрения достижения определенных целей, правомерно говорить о товарных свойствах того или иного информационного блока отдельного объема информации. Но если признавать тот факт, что объективно вся информация обладает потенциальной ценностью, то категория стоимости «не работает».

Настолько же затруднительно применение категории стоимости информации к информации, передаваемой в межличностном общении. Другое дело - массовая информация, которая обладает меновой стоимостью и неизбежно оплачивается, при этом производитель определяет ее потребительную стоимость, в соответствии с которой потребитель осуществляет оплату.

Существует и методический подход к оценке информации и ее ценности, основанный на подсчете цитат и ссылок. Наиболее плодотворным было бы установление причин цитирования. Цитирование не всегда предполагает актуализацию ценности информации, так как нередко используется для того, чтобы продемонстрировать устарелость или негативность той или иной информации. Другим отрицательным свойством такого способа измерения ценности информации является «скрытое» цитирование (привлечение идей без ссылки на их автора) и автоцитирование. В таком случае метод подсчета цитат может оказаться не вполне точным.

На наш взгляд, ценность информации может определяться не только ее содержанием и способами передачи, но и видом существования информации (эстетическая, этическая, научная, социально-политическая, идеологическая и т. д.). Так, например, ценность эстетической информации будет существенно отличаться от ценности научной информации, поскольку они несут различную смысловую нагрузку и отвечают разным потребностям со стороны субъекта, и решают разные задачи.

Ценность научной информации, скорее всего, будет определяться степенью ее соответствия объективной реальности как по содержанию, так и по тому, насколько ее форма кодирования способна донести это содержание. В данной ситуации личный фактор не будет иметь столь высокого значения, как в случае с эстетической информацией. Здесь акцент смещается на объективность, истинность, верифицируемость информации относительно

окружающей действительности либо человеческой деятельности.

Положение кардинально меняется, когда мы имеем дело с ценностью эстетической информации, основной отличительной чертой которой является ее субъективный характер. «Искусство не просто отображает мир с мертвенной авторитарностью зеркала, превращая образы мира в знаки, оно насыщает мир значениями... Поэтому то, что в объекте обусловлено автоматизмом связей материального мира, в искусстве становится результатом свободного выбора художника и тем самым приобретает ценность информации»⁶⁵. Искусство во всех формах своего проявления, несмотря на то, что оперирует символами, несущими и заключающими в себе объективную информацию относительно чех или иных частей мира, тем не менее, включает в себя большую долю субъективного опыта и восприятия. Использование и комбинация символов зависит не только от вида искусства, но и от пространства и времени, в которых они «живут». Абсолютно одинаковые символы в разное время, в другом пространстве, в разной комбинации могут иметь совершенно противоположное значение. Вариативность смысловая в данном случае и определяет ценность эстетической информации. Также ее ценность зависит от позиции субъекта: так как произведение искусства существует вне времени и пространства, оно имеет возможность постоянно наращивать свою ценность за счет обращения к нему других эпох, людей другой среды. Количество смыслов, таким образом, может увеличиваться, а ценность заключенной в произведении искусства информации возрастать или понижаться, но если рассматривать ценность с точки зрения ее полисемантической, то ценность будет только увеличиваться.

Ценность этической информации, на наш взгляд, связана с ее ролью в выстраивании и определении поведения человека, группы, общества, с позиции его

предсказуемости и предпочтительности. Здесь она проявляется в виде ценностных ориентаций, составляющих стержень, на котором выстраиваются отношения между личностью и другим человеком, группой, обществом.

Ценность идеологической информации связана с ее способностью отражать и транслировать системы идеалов и убеждений, вокруг которых организуется социальная жизнь индивида и всего общества. Следовательно, ценность идеологической информации, по всей видимости, будет зависеть от ее доступности, понятности, общезначимости для своих потребителей, что будет выражаться как в поведении, так и в способах восприятия и отображения мира, с одной стороны, и в возможности социального контроля за этими процессами - с другой. Тем, насколько идеологическая информация способна сохранять целостность общественной системы за счет ограничения свободы индивида и одновременно позволять системе развиваться, и будет определяться ценность этого вида информации.

Ценность экономической информации связана с материальной стороной жизни общества и каждого индивида в отдельности. Она имеет значение для своих потребителей в контексте достижения ими своих целей, но в экономической области жизнедеятельности. По всей видимости, благодаря существованию такого рода информации происходит селекция и развитие отдельных областей экономики, что находит свое выражение в промышленном производстве, рыночных отношениях, торговле и т.п. Таким образом, степень и величина ценности информации экономической будет зависеть от того, насколько она способна удовлетворить материальные потребности индивида, группы, личности и организовать экономические отношения как внутри общества, так и между различными другими обществами, сделав эти связи более эффективными.

Ценность социально-политической информации

связана с организацией и эффективностью функционирования социальных систем и системы власти, т.е. с процессами управления, и определяется тем, насколько она способна отражать внутреннее и внешнее состояние системы. Организация и функционирование любой социальной системы, в том числе и власти, представляет собой единство двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны, — ограничение, причем не только действий отдельно взятого индивида, но и степени и объема циркулирующей в обществе информации; с другой - социально-политическая информация должно быть не только доступной, но и понятной, так как от этого зависит целостность и эффективность, жизнеспособность социальных систем и власти. При этом необходимо учитывать, что вращающаяся в обществе информация определяет не только одинаковые для всех способы взаимодействий, но и различные «обходные» пути, которые не грозят системе разрушением, но допускают некоторую степень свободы каждого индивида.

То есть процесс развития социально-политических систем, как и любых других систем общества, связан с процессами накопления социальной информации, которая затем обобщается в смысловые ориентации, делающие возможной фиксацию идентичного смысла различными участниками системы, с целью извлечения тождественных или сходных заключений относительно своих действий. «Полученная таким образом относительная свобода от ситуации редуцирует в каждом отдельном случае усилия по производству и оценке информации и избавляет от необходимости полной переориентации при переходе от одного случая к другому»⁶⁶. В итоге ценность информации, циркулирующей в социально-политической сфере, зависит от ее способности сохранять единство этой системы, допуская известную степень вариативности.

Следовательно, ценность различных видов информации связана с многообразием форм человеческого бытия и тем самым может измеряться и зависеть от

потребностей, интересов, целей, которые она способна удовлетворить, а также от степени и глубины этого удовлетворения.

На наш взгляд, будет правомерным и признание существования видов ценности информации в зависимости от ее носителей. В таком случае можно говорить о личной, групповой и общественной ценности информации.

Под личной ценностью информации имеется в виду, та часть информации, которая извлечена отдельным индивидом из общего инфофонда и активно применяется им как в своем поведении, отражении мира, так и в своей деятельности. Соответственно групповая ценность информации это активная часть инфофонда, используемая и реализуемая группой в своей жизнедеятельности, а общественная ценность информации - это активная часть инфофонда, которая циркулирует в обществе и используется во всех областях его существования (экономической, социально-политической, идеологической, этической, эстетической и т.п.).

Таким образом, проблема критериев обнаружения ценности и полезности информации остается до сих пор дискуссионной. В качестве критериев выделяют следующие: новизна сообщения, количество информации, ее истинность, стоимость, полезность. Необходимо подчеркнуть, что понятие ценности информации невозможно рассматривать вне ее связи с субъектом и объектом производства, передачи и потребления информации с точки зрения целей и потребностей участников информационных взаимодействий. Субъектом инфовзаимодействия является человек (социальная группа, общество), который получает, хранит, преобразует, передает далее или использует информацию. Объектом социальных информационных взаимодействий является тот или иной фрагмент действительности, находящийся во взаимодействии с субъектом и служащий для него источником информации. В этом смысле в качестве объектов информации выступают предметы и явления,

отношения и процессы, присущие социальной форме движения материи, а также другим ее формам, поскольку они вовлечены в орбиту социальной жизни, познаются, преобразуются и используются человеком.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ», «СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ», «ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ.

2.1. Понятие «социальное взаимодействие» в современной науке

Для того чтобы выяснить проявление ценностей в реальном поведении человека, особенно в информационном взаимодействии, нам необходимо исследовать понятия социального взаимодействия, социальной коммуникации, информационного взаимодействия, их структурные компоненты и взаимосвязь. Начать следует с самого широкого понятия - «социальное взаимодействие».

Всех исследователей, изучавших социальное действие, можно разделить на две группы: одни идут от общества через взаимодействие к индивиду, другие - от индивида через взаимодействие к обществу. Первые анализируют действие с использованием терминов других наук: в этом случае действие либо биологизируется (анализ строится с помощью категорий «организм - среда»), либо психологизируется (описание идет в терминах «организм - реакция»), к таковым можно отнести Дж. Мида, Р. Макайвера и др. Вторые подчеркивают специфику социального действия - М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Знанецкий, Г. Беккер и др. - они пытаются определить действие через связь этой категории с предметом социологии, считая социальное действие самой простой формой социальных явлений, с которых следует начинать исследование социальных отношений (М. Вебер), социальной реальности (Ф. Знанецкий), социальных систем (Т. Парсонс). Так, Ф. Знанецкий полагает, что в социальных действиях главным объектом, подвергающимся влиянию действующего лица, является

сознающий себя индивид или группа. В структуру социального действия он включает следующие компоненты: объект, метод, инструмент, реакцию.

У истоков теории социального действия стоит М. Вебер, который одним из первых обратил внимание на различие понятий «поведение», «действие», «социальное действие». Для него действие - это один из случаев поведения. От поведения его отличает осмысленность. Различие между действием и социальным действием он видит только в их направленности. «Действие — это понятное отношение к объектам, то, что оно имело или предполагало (субъективный) смысл, независимо от степени его выраженности»⁶⁷ или: «Действием мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид (или индивиды) связывают с ним субъективный смысл. Социальным же мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»⁶⁸. Таким образом, социальным М. Вебер считает такое действие, которое в соответствии со своим субъективным смыслом включает в действующее лицо установки на то, как будут действовать другие, и ориентирует себя в их направлении.

Следовательно, социальное действие имеет два отличительных признака: субъективный смысл и направленность на другого индивида. При сравнении поведения и действия М. Вебер указывает на то, что поведение человека очень часто бывает неосознанным и безличным, тогда как действие лично и осмысленно. В своем исследовании социального действия ученый разрабатывает типологию действий, считая что так как каждому обществу присущ особый тип культуры, то содержание простых социальных явлений, т. е. социальных действий будет разным. По мнению М. Вебера, социальное

действие может быть:

1) целерациональным, если в его основе лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» достижения своей рационально поставленной и продуманной цели;

2) ценностно-рациональным, т. е. основанным на вере в безусловную - эстетическую, религиозную или любую другую - самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет;

3) аффективным, т. е. эмоциональным: это действие, обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида;

4) традиционным - т. е. основанным на длительной привычке.

Можно отметить, что традиционное действие представляет собой промежуточный тип между осмысленно ориентированным и чисто механическим действием. Если рассматривать его с точки зрения осмысленности, то оно близко к ценностно-рациональному типу. Также и аффективное действие может быть просто ответной реакцией на раздражение, но в том случае, когда оно находит свое выражение в сознательной эмоциональной разрядке, оно становится близким или к первому, или ко второму типу и относится к разряду культурно мотивируемых действий.

М. Вебер исследует социальные действия на основе отношений «цель - средства»: «...осмысление человеческих действий всегда связано с категориями "цели" и "средства". Мы стремимся к чему-либо из-за его собственной ценности, либо рассмотрения его как средства к достижению некоей цели»⁶⁹.

Следующей ступенью после социального действия является социальное отношение, под которым М. Вебер понимает поведение нескольких людей, каждый из

которых соотносит свои действия с действиями других и при этом ориентируется на эту соотнесенность. По содержанию социальное отношение может быть любым: любовь, дружба, вражда и т. д. Оно может различаться по длительности, и тогда можно говорить о кратковременном или длительном социальном отношении, оно может составлять основу таких социальных образований, как государство, церковь, школа и т. п.

В целом нужно отметить, что теория действия М. Вебера субъективна, а идеальные типы действия так и остаются абстракцией, так как в реальной жизни довольно сложно найти существование таких чистых типов, что затрудняет анализ больших социальных образований с позиций теории социального действия.

Концепция Т. Парсонса представляет собой синтез теории социального действия и функционального анализа. Он строит свое исследование на определении «элементарного действия», включающего в себя действующее лицо, цель, ситуацию, в которой оно совершается, и нормативную ориентацию действия. Под действующим лицом Т. Парсонс понимает «эго» или «Я». Он не рассматривает тело как организм, а считает его принадлежностью ситуации. При таком подходе среди условий, в которых протекает действие, существуют условия, связанные с телом действующего лица (сила тела, ум и т. п.). Само действие Т. Парсонс рассматривает с позиции действующего лица, следовательно, особое внимание он уделяет субъективной стороне действия.

«Цель» исследуется на двух уровнях: конкретная цель - это предполагаемое будущее положение вещей. Но в этом ключе можно только упорядочить одно действие относительно другого. Следующий уровень - аналитическая цель, под ней понимается будущее положение вещей, на которое действие ориентировано в силу того, что такое положение вещей считается желательным для действующего лица и в значительной степени отличается от того, которое можно было бы

ожидать, если бы ситуация развивалась сама собой. Ученый дает классификацию целей: по его мнению, они могут быть произвольными, случайными или выбранными на основе какого-то знания.

Под ситуацией Т. Парсонс понимает «внешнее окружение» действия. Ее особенность заключается в том, что она развивается в другом направлении относительно положения вещей, на которое ориентировано действие, т.е. цели. Осуществлять контроль над ситуацией можно через условия и средства действия. Условия действия - это те элементы, которые субъект действия не может изменить либо изменение которых он не может предотвратить. Средства действия - это те элементы, которые можно контролировать.

При этом, с точки зрения Т. Парсонса, условиями действия могут быть только те элементы окружающей среды, о наличии которых субъект имеет хотя бы какое-то представление, а средствами - элементы, которыми он владеет или может владеть. Взятые вместе, условия и средства действия накладывают определенные ограничения на исследование самого процесса действия, так как исключают множество других факторов, которые присутствуют скрыто или явно в ситуации действия (например, пространство, природные, культурные или другие условия) и, следовательно, касаются только определенных целей.

Т. Парсонс делает акцент на том, что люди в своих действиях всегда ориентируются на определенные нормы или стандарты, и называет это «нормативной ориентацией действия». Он делает вывод, что «анализ нормативных элементов в человеческом действии базируется на признании того, что люди не просто реагируют на стимулы, но в определенном смысле стремятся согласовать свои действия со стандартами, которые считают желательными как для самого актора, так и для других членов коллектива»⁷⁰. Доказательством этого является наличие у действующего лица стремления следовать тому

или иному предписанию, а также стремление актора к достижению поставленной цели независимо от других возможностей, которые открываются актору в процессе достижения цели.

Таким образом, единичный акт включает в себя: актора, ситуацию, состоящую из средств и условий, нормативный стандарт выбора, в соответствии с которым цель связывается с ситуацией. Но для исследования социального действия, включающего в себя множество единичных (элементарных) актов, необходимо, по мнению Т. Парсонса, проанализировать целые системы социального действия. Причем такое исследование должно строиться на основе интеграции общих ценностей, потому главной особенностью социального действия является наличие другого действующего лица, ориентированность действующих лиц относительно ситуации и интеграция их действий на основе общих ценностей.

В 1950-е гг. Т. Парсонс дорабатывает структуру социального действия, включая в нее психологический компонент. Он пишет о том, что схема действия носит субъективный характер, так как нормативные элементы существуют только как элементы сознания действующего лица. Действие он рассматривает теперь как серию поступков одного или более действующих лиц. При этом действующее лицо может быть как субъектом действия, так и социальным объектом. Если оно является субъектом, то занимает центральное место в системе действия, во взаимодействии это лицо есть «эго». Если лицо является объектом ориентации для субъекта действия, то действующее лицо становится социальным объектом и во взаимодействии обозначается как «альтер».

При описании ситуации следует учитывать тот момент, что объекты, ее составляющие, могут быть как социальными, так и несоциальными. Социальные объекты - это действующие лица, а несоциальные - это те объекты, которые не могут взаимодействовать с действующим лицом, они бывают двух типов: физические и культурные.

Ориентация «эго» на ситуацию может быть мотивационной и ценностной. Мотивационная подразумевает действительную или потенциальную удовлетворенность или неудовлетворенность действующего лица объектами, находящимися в ситуации. Она может быть трех видов: когнитивная, катектическая и оценочная. «Ориентация действия на объекты влечет за собой выбор, а возможно и отбор. Выбор становится возможным благодаря когнитивным различиям, локализации и спецификации объектов, которые одновременно или последовательно переживаются как имеющие позитивную или негативную ценность для актора в связи с удовлетворением побуждения и организацией мотивации. Тенденцию актора позитивно или негативно реагировать на объект мы будем называть катектическим аспектом ориентации. Катексис, то есть влечение к объектам, способным принести удовлетворение, и стремление избежать тех объектов, которые могут причинить вред, лежит в основе избирательной природы действия. К тому же, поскольку выбор должен производиться между альтернативными объектами и удовлетворениями в некоторой временной точке или в течение какого-то времени, должны существовать некоторые оценочные критерии... Оценка основывается на стандартах, которые могут быть либо когнитивными стандартами истинности, либо вкусовыми стандартами соответствия, либо моральными стандартами справедливости. И мотивационные ориентации, и ценностные ориентации являются способами различения, сортировки и отбора. Короче говоря, оценка - категория для описания наиболее элементарных уровней ориентации действия, которая является комбинацией выборов из определенного набора альтернатив»⁷¹.

Необходимо заметить, что Т. Парсонс признает, что ценностная ориентация содержит наиболее интернализированные стандарты, на основе которых и осуществляется выбор, т. е. оценка. Мотивационная

ориентация, таким образом, организует различные поступки действующего лица в единый процесс действия. Ценностные стандарты посредством ценностной ориентации оказываются связанными с мотивационной ориентацией и делятся соответственно на когнитивные, оценочные и моральные.

Исследователь приходит к выводу, что «эго» для достижения своих целей должно ориентировать свои действия на действия другого, которые по отношению к «эго» выполняют роль санкций. «Санкции значимы для "эго" в двух отношениях. Во-первых, прямую значимость для "эго" имеет явное или намеренное действие "другого", которое может изменить объективную ситуацию в той мере, в какой "другой" контролирует важные аспекты ситуации, увеличивая или уменьшая возможности для удовлетворения потребности "эго". Но в тоже время "эго" посредством обобщения становится восприимчивым к установкам на себя и свои действия со стороны "другого", так, что даже если "другой" и не имеет особых намерений в ситуации, для "эго" все же остается открытым вопрос о том, одобряет или неодобряет "другой" его действие, то есть демонстрирует ли он любовь, ненависть или другие установки по отношению к "эго"»⁷². Таким образом, у личности развивается потребность в социальных отношениях и возникает система социального действия. Набор функций, выполняемых каждым индивидом в данном типе действия, согласно Т. Парсонсу, называется ролью, а установки, соответствующие данному действию, - ролевыми ожиданиями. Их особенность заключается в том, что в социальном действии ориентация субъекта на объект определяется не только свойствами объекта, но и его ожиданиями как относительно самого себя, так и относительно субъекта действия.

Любая система действия, а их Т. Парсонс выделяет три - личностная, социальная, культурная, отвечает следующим требованиям: формирует «основные» или

контролирующие образцы системы, обеспечивает внутреннюю интегрированность системы, направляет системы на достижение целей по отношению к окружающей среде, адаптирует системы к влиянию окружающей среды, т.е. физическому окружению, связанному с действием. В рамках системы действия, культурные системы выполняют функцию поддержания образцов, социальные системы - функцию интеграции действующих элементов (личностей, исполняющих свои роли), системы личности - функцию достижения цели, а поведенческий организм - функцию адаптации.

Т. Парсонс рассматривает социальные системы и системы личности как способы организации мотивированного действия. «...Социальные системы - это системы мотивированного действия, организованные вокруг отношений акторов друг к другу; личности - это системы мотивированного действия, организованные вокруг живого организма... Культурные же системы - это системы символических эталонов (эти эталоны создаются или демонстрируются индивидуальными акторами и передаются социальными системами в процессе диффузии, а также от личности к личности посредством обучения)...»⁷³.

Ученый дает характеристику каждого типа социального действия. Так, социальная система для него - это система действия, включающая взаимодействия между двумя или более акторами. Ситуация, на которую ориентируется актер, в данной системе включает в себя других акторов, которые являются объектами катексиса. При этом их действия принимаются во внимание когнитивно, как данные. Действующий актер должен учитывать, что различные ориентации «других» могут быть целями, которые необходимо достигнуть, или средствами для достижения целей. Следовательно, ориентации «других» могут быть объектами оценочных суждений. Далее, в социальной системе может осуществляться как независимое, так и отчасти

согласованное действие, в котором согласование зависит от коллективной целевой ориентации или общих ценностей и от консенсуса нормативных и когнитивных ожиданий.

Система личности обеспечивает взаимосвязанность действий отдельного актора, при этом действия актора организуются с помощью диспозиции потребностей, а сами эти действия организованы на основании совместимости и интеграции с действиями других акторов. В рамках этой системы цели или нормы, которые актер должен осуществлять или соблюдать, как правило, получают ограничение или содействие со стороны других акторов.

Культурная система формируется с помощью организации ценностей, норм и символов, которые лежат в основе выборов актора и одновременно ограничивают виды взаимодействия, возможные для данного актора. Также они (ценности, нормы и символы) представляют особый тип абстрагирования социальной системы и личности, элементы которого могут существовать отдельно в виде физических символов и передаваться от одной системы к другой. В культурной системе эталоны регулирующих норм не могут существовать без взаимосвязи друг с другом, следовательно, культурная система должна обладать определенной степенью «консистентности». Таким образом, «культурная система - это модель культуры, отдельные части которой взаимосвязаны так, что они формируют системы ценностей, системы убеждений и системы экспрессивных символов»⁷⁴.

В итоге, считает Т. Парсонс, социальные системы и системы личности выступают как акторы, действие которых ориентировано на цели и удовлетворение диспозиции потребностей, имеющих место в ситуациях, требующих затрат энергии и нормативно регулируемых. Для системы действия, по мнению Парсонса, наиболее важен анализ культурных систем, так как они

представляют собой системы ценностных эталонов (критериев выбора) и других моделей культуры и именно они институционализированы в социальных системах и интернализированы в системах личности, т.е. руководят действиями актора как в ориентации на цели и нормативные регуляторы значений, так и в экспрессивных действиях, где требуется осуществление выбора.

Культурная система преобразует нормативные образцы в ценностные ориентации, относящиеся к окружению и самой системе действия. В ситуации действия ценностные ориентации выполняют следующие функции: 1) сужают сферу познания, отбирая то, что «соответствует действительности» и не соответствует ей; 2) сужают сферу желаемых объектов, деля их на те, которые «подходят» и «не подходят»; 3) сужают количество альтернатив, распределяя все пути развития действия на «моральные» и «неморальные». «Всякая ценностная система характеризуется наличием определенного нормативного образца, который, будучи институционализированным, обуславливает и предпочтительность какого-то общего типа социальной системы. Посредством спецификации общая оценка предпочтительности "формулируется" применительно к различным дифференцированным подсистемам и сегментированным элементам. То есть ценностная ориентация, свойственная определенному коллективу, роли или комплексу норм, представляет собой не обобщенный нормативный образец, а его приспособленное, специализированное "конкретное приложение"»⁷⁵.

Т. Парсонс разрабатывает структуру социального действия, которая включает, по его мнению, четыре аспекта: 1) множество взаимодействующих единиц; 2) множество правил или иных «культурных кодов», которые организуют ориентацию единиц и само взаимодействие; 3) систему или процесс взаимодействия как таковой; 4) среду, в которой эта система действует и с которой

происходит взаимообмен. Тем не менее сама концепция остается весьма абстрактной и не позволяет проследить на практике организацию взаимодействия как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне более высоко организованных социальных систем и их типов.

Таким образом, с точки зрения функционального подхода взаимодействие есть систематические действия субъектов, направленные друг на друга и имеющие своей целью вызвать ответное ожидаемое поведение, которое предполагает возобновление действия. К основным этапам действия можно отнести следующие: целеполагание, операциональную реализацию целей, включающую и выбор средств. Итогом является новое состояние элементов, сложившееся в ходе действия, представляющего собой синтез цели, свойств объекта и усилий субъекта.

Всеобщую функциональную формулу действия можно тогда описать так: сначала возникает некая потребность, которая отражается в сознании (коллективном), затем вырабатывается идеальная программа действия, потом идет их операциональная реализация в ходе координируемой определенными средствами активности, создающей продукт, способный удовлетворить потребности субъектов и побудить их к новым потребностям.

П. Сорокин изучает общество или группы как процесс взаимодействия индивидов. Он пишет: «Общество - совокупность нескольких единиц (индивидов, существ, особей), находящихся в процессе взаимодействия»⁷⁶. При этом взаимодействие включает в себя наличие: двух и более индивидов, обуславливающих переживания и поведение друг друга; актов, посредством которых они определяют взаимные переживания и поступки; проводников, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому.

Каждый акт, по мнению П. Сорокина, представляет собой внутреннюю реализацию психической жизни

взаимодействующих индивидов и внешний раздражитель, вызывающий ту или иную реакцию у других лиц. Вся жизнь людей - это почти сплошной поток таких акций и реакций. Каждый из нас в течение каждого дня встречается со множеством людей и принужден ежеминутно в той или иной форме реагировать на них. Эти акты П. Сорокин делит на интенсивные и слабые, мгновенные и продолжительные, сознательные и бессознательные.

Проводники, передающие реакцию одного индивида на другого - это язык, письменность, живопись и т.д. Именно от насыщенности социальной жизни проводниками изменяются различные аспекты взаимодействия, социального пространства и времени. Проводники П. Сорокин делит на два типа: физические и символические (символы патриотизма, власти, денег и т.п.). Накапливаясь, они постепенно образуют неприродную сферу как результат прошлых взаимодействий. Вся жизнь общества, по мнению ученого, соткана из взаимодействий. «На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями религиозными, правовыми и научными»⁷⁷.

Опираясь на бихевиоризм, П. Сорокин выдвигает следующие принципы классификации взаимодействий: 1) формальные - это когда явления выбираются в зависимости от количества взаимодействующих индивидов, они бывают односторонними или двусторонними, длительными и т.п.; 2) неформальные - основанные на характеристиках индивидов (расовые, половые, семейные и т.п.), 3) зависящие от психологической мотивировки и ориентации в акте взаимодействия.

Так же П. Сорокин предлагает следующие классификации взаимодействий:

А. Классификация, основанная на количестве взаимодействующих индивидов: 1) взаимодействия между

двумя, одним, многими и т. д.; 2) взаимодействия, обусловленные полиморфизмом индивидов (взаимодействия между индивидами, принадлежащими к одной или разным группам - семье, государству, расе, полу и т. д.).

В. Классификация, построенная по отношению к акту взаимодействия: 1) одностороннее или двухстороннее, 2) длительное или временное, 3) антагонистическое или неантагонистическое.

С. Классификация по отношению к роли проводников в социальной системе: механическое, тепловое, звуковое, зрительное и др. виды взаимодействий.

В том случае, когда взаимодействие существует длительное время, считает П. Сорокин, оно стандартизируется и организуется. В основе этого процесса лежат социальные реакции на биопсихические стимулы (симпатия, радость, внушение и т. п.). Эти реакции, повторяясь, превращаются в привычку, которая оформляется, социализируется неосознанно (обычай), а затем осознанно (закон). Совокупность осознанных форм поведения в определенной сфере (семья, власть, управление и т. п.) составляет социальный институт. Система социальных институтов образует социальный порядок. При этом необходимо заметить, что психологическая интерпретация поведения не учитывает всего многообразия факторов, на которых основано социальное поведение.

В дальнейшем П. Сорокин приходит к выводу, что социальное бытие связано с наличием символического компонента: значений - норм - ценностей. Следовательно, социокультурное взаимодействие состоит из совокупности: а) нематериальных значений, норм, ценностей, стандартов, не объективированных в материальных носителях, но содержащихся в сознании индивида и группы; б) объективированных ценностей в виде книг, картин, зданий, средств производства и т.п. материальных явлений общественной жизни; в)

взаимодействующих индивидов и групп.

П. Сорокин анализирует общество с позиции ценностного подхода. В зависимости от характера данного ряда ценностей (постоянный или непостоянный) возникают различные типы социальных групп (организованные или неорганизованные) и масса переходных подтипов между ними. Сложившиеся ряды ценностей-значений в организованной группе закрепляются в деталях права и обязанностях каждого члена в отношении других членов, их функции и роли, престиже и их социальном статусе. Они определяют также официальные законы и методы управления группой, делают ее стратификационной и дифференцированной по структуре, где каждый индивид выполняет специфические задачи в общей системе ролей и занимает определенное место в ее иерархии.

К признакам неорганизованной группы Сорокин относит взаимодействия, не имеющие постоянного ряда ценностей, ради которых группа лиц вступает в контакт (например, публика, толпа и т. п.).

При этом П. Сорокин отмечает, что «любое взаимодействие, в котором влияние оказывается одной частью на другую, имеет значение или ценность»⁷⁸. На основе различных групп ценностей он строит общую схему социальной структуры. Она включает в себя три типа групп. Первая - неорганизованные и полуорганизованные группы. К таковым он относит: 1) внешне организованные группы (подписчики одной газеты, слушатели курса и т. п.), 2) толпу, группы незнакомых людей, публику, 3) номинальные конгломераты (человечество в целом). Вторая - односторонние группы, построенные на одном ряду ценностей, сюда входят: биосоциальные группы (расовые, половые, возрастные), социокультурные (род, территориальное соседство), языковые, этнические группы, профессиональные союзы и т. д. Третья - многосторонние группы, построенные вокруг комбинации

двух и более рядов ценностей: семья, община, нация, племя, каста, социальный порядок (сословие), социальный класс.

Таким образом, в основу организации взаимодействий П. Сорокин кладет именно ценности. Их он тоже делит на когнитивные, значимые и нормы, на которые ссылаются, как на стандарты. Исходя из этого он выделяет следующие виды действий:

- каталитические: оказывают влияние путем простого знания о существовании участника или участников взаимодействия;
- открытые;
- воздержание от открытых действий;
- активная толерантность (это не означает пассивность, а подразумевает спокойствие, сохраняемое через внутренние усилия).

Кроме первого вида, все остальные виды действий бывают весьма разнообразными: эффективными и неэффективными, продолжительными и кратковременными, сознательными и неосознанными, преднамеренными и непреднамеренными.

Несмотря на то, что П. Сорокин уделяет довольно много внимания различного рода классификациям действия, социальной структуры, тем не менее ему не удалось создать, на наш взгляд, стройной системы социального взаимодействия.

Э. Гидденс рассматривает социальное взаимодействие при описании структуризации общества, в основу которой он кладет понятие деятельности. Именно разнообразие форм взаимодействий обеспечивает возможность реализации деятельности, которая является основополагающим принципом организации совместной жизни акторов.

Э. Гидденс составляет стратификационную модель деятеля, которая включает в себя рефлексивный мониторинг действия, рационализацию и мотивацию действия.

Мод рефлексивным мониторингом действия он

понимает рутинные функции повседневной жизни и контроль со стороны деятеля не только за собственным поведением, но и за действиями окружающих.

Рационализация действия означает для него то, что акторы в установленном порядке поддерживают целостное «теоретическое представление» о мотивах собственных действий, т.е. речь идет о видимых формах поведения или взаимодействия, которые формируют представления окружающих.

Мотивация же, по мнению Э. Гидденса, относится к потенциальным возможностям деятельности. Он считает, что мотивы имеют прямое отношение к действию только в очень необычных или нестандартных условиях или в тех ситуациях, которые нарушают привычный («рутинный») ход событий. Поэтому они представляют собой всеобъемлющие планы или программы («проекты»), в рамках которых «разыгрываются» конкретные поведенческие сценарии. Как правило, многие из наших обыденных поступков не являются мотивированными напрямую.

Э. Гидденс подчеркивает, что действия, особенно в повседневной жизни, имеют непреднамеренные последствия, которые посредством механизма обратной связи могут систематически превращаться в неосознанные условия дальнейших поступков. «Преднамеренность или интенциональность - это характеристика действия (посредством которого, с точки зрения актора, возможно достичь определенного качества или результата), отражающая установку деятеля на достижение этого качества или результата»⁷⁹. То есть главное отличие преднамеренного действия или поступка его осмысленность со стороны деятеля.

Но в любом случае, независимо от того было ли действие преднамеренным или непреднамеренным, его последствием станут события, которые не произошли бы, поведи себя актер по-другому, но появление которых ему неподвластно (независимо от того, каковы были его

намерения). Здесь также необходимо учитывать, что чем больше последствия действий будут удалены от первоисточника в пространстве и во времени, тем с меньшей вероятностью они будут интенциональными (или умышленными). Причем эта вероятность будет зависеть от способности актора предвидеть последствия собственных действий (от его компетентности, а также от того объема власти, который он способен мобилизовать). Э. Гидденс понимает под властью «способность к преобразованию». «Власть в рамках социальных систем, которые характеризуются некоторой протяженностью во времени и в пространстве, предполагают регулярные отношения автономии зависимости между индивидуальными акторами или коллективами в контексте социального взаимодействия. Все формы зависимости предполагают необходимые ресурсы, посредством которых "подчиненные" могут влиять на действия "подчиняющих"»⁸⁰.

Любая социальная система обладает структуральными свойствами, и поэтому существует только в виде воспроизводимых в пространстве и во времени ситуативных действий субъектов деятельности. Именно осмысленность действий акторов, их позиции по отношению друг к другу, правила и ресурсы, используемые ими в процессе взаимодействия, и составляют основу структуризации социальных систем.

Схему протекающих взаимодействий Э. Гидденс сравнивает с процессами, характеризующими социальную коммуникацию: «В процессе непрерывной, систематической ежедневной деятельности ее субъекты способны не только рефлексивно отслеживать собственные действия и поведение других людей, но и "контролировать подобный мониторинг" на уровне дискурсивного сознания. "Интерпретационные (объяснительные) схемы" представляют собой способы типизаций, являющиеся частью запасов знаний акторов,

рефлексивно используемых ими в целях поддержания коммуникативных процессов. Запасы знаний, к которым в процессе производства и воспроизводства взаимодействий обращается субъект деятельности, аналогичны тем, которые используются ими при приписывании значений, обосновании действий и т. д.... Субъекты деятельности регулярно включают пространственные и временные характеристики взаимодействий в процессы построения смысловых значений»⁸¹.

Э. Гидденс говорит в данном случае о том, что в основе социальных взаимодействий лежат определенные шаблоны, стереотипы, которые позволяют актерам извлекать их из своего предшествующего опыта смысловые, «объяснительные схемы» взаимодействий и активно использовать их в своем поведении и при интерпретации чужого поведения. Благодаря этим «объяснительным схемам» поведение индивидов становится предсказуемым, причем усваивать их мы начинаем еще в детстве, в процессе овладения социально-ролевым поведением. В социологии это называется «ролевыми ожиданиями».

Э. Гидденс подчеркивает, что регулярность взаимодействий основана на двух характеристиках: открытость/закрытость и очередность. «Протяженность повседневной жизни, проживаемая каждым индивидуально, есть непрерывный поток деятельности, нарушаемый исключительно (но регулярно) относительным бездействием во время сна. Протяженность деятельности может "заклучаться в скобки" или, по выражению А. Шюца, "концептуально сегментировать" возвратным моментом внимания со стороны субъекта. Это происходит когда кого-нибудь просят пояснить "причину" или обосновать (объяснить) определенные особенности собственного поведения. Однако протяженность повседневной жизни также "обособляется скобками", отмечающими начало и окончание взаимодействия»⁸².

Таким образом, «действие или действование - поток действительных или умозрительных каузальных вторжений телесных существ в текущий процесс событий-в-мире»⁸³. Соответственно главным, на чем основано действование является человек, который может действовать так или иначе, и мир, данный человеку как поток «событий-в-процессе», который существует независимо от субъекта и не может быть им предсказан. При этом действие может иметь целенаправленный характер, т. е. субъект может ожидать от него определенных последствий. «Целевое содержание повседневного действия состоит в непрерывном успешном «отслеживании» действующим его или ее собственной деятельности; оно есть показатель того, что действующий незаметно для себя владеет ходом повседневных событий, что он обычно воспринимает как само собой разумеющееся»⁸⁴.

Любой субъект, по мнению Э. Гидденса, зависит в своем поведении от умения учитывать свои потребности и требования внешнего мира, т.е. других субъектов. От того, насколько они будут сбалансированы, зависит свобода поведения каждого актора. Такое поведение Э. Гидденс называет рациональным. «Рационализация поведения означает, что действие причинно закреплено в соединении целей с условиями их реализации в непрерывном праксисе повседневной жизни»⁸⁵.

Э. Гидденс оказался наиболее близок к теории взаимодействия И. Гофмана. Он пытается анализировать взаимодействие на уровне повседневной жизни, с точки зрения его содержания и наполнения в отношениях «лицом-к-лицу», но не касается этих же процессов на уровне взаимодействия между различными социальными группами. Он кладет в основу деятельности и власти категорию «взаимодействие», на которых базируется его концепция структуриации.

Д. Хоманс является основателем концепции социального обмена. Еще П. Блау трактовал обмен как

особый тип социальных действий, состоящий из взаимно награждаемых реакций людей. При этом объектом обмена могли выступать не только предметы материального мира, но и человеческие свойства: любовь, уважение, одобрение и т.п. В отличие от Д. Хоманса, который отождествлял социальное взаимодействие с обменом вообще, П. Блау ограничил социальный обмен сферой рациональных действий. Хоманс, стремясь уточнить категорию «взаимодействие», противопоставил ее теории социального действия Т. Парсонса и его последователей. Д. Хоманс исследует обмен на уровне повседневных отношений, отождествляя социальные отношения с экономическими, рыночными. В рамках теории Д. Хоманса обмен обуславливается психологическими причинами. Он рассматривает поведение человека через стремление к получению «наград» (reward) и избеганию наказаний или просчетов (costs) в своих «обменных сделках». Здесь Д. Хоманс соглашается с Б. Ф. Скиннером в том, что в ходе совместной деятельности возникают взаимные «подкрепления» потребностей друг друга. Именно стремление к удовлетворению потребностей и определяет обмен «наградами», что, по мнению Д. Хоманса, составляет суть общественных отношений. Механизм такого обмена он описывает как стремление человека (А) дать человеку (Б) из своего поведения то, что представляется Б более ценным, чем А, и получить от Б то, что ценно для А, а не для другого.

Такой обмен, по мнению Д. Хоманса, обусловлен четырьмя принципами:

- чем чаще будет вознаграждаться определенный тип поведения, тем чаще он будет повторяться;
- если вознаграждение поведения будет зависеть от каких-то условий, человек будет стремиться воссоздать их;
- если вознаграждение велико, то человек будет готов затратить больше усилий ради его получения;
- - когда потребности человека будут близки к насыщению, он будет в меньшей степени готов прилагать

усилия для их удовлетворения.

Но поведение людей гораздо сложнее, чем просто обмен. В данном случае теория социального обмена не учитывает тот факт, что при изменении, например, статуса (получение очень высокого статуса) человек, может снизить свою активность. В этом ключе возникает противоречие между принципами построения обменов в социальном взаимодействии Д. Хоманса.

В этой ситуации Д. Хоманс пытается соединить два подхода к изучению поведения: психологический и экономический, наделяя поведение человека рациональными свойствами. В трактовке некоторых понятий он следует за бихевиоризмом: например, ценность для него - это норма, которая пропорциональна степени «подкрепления», связанного с удовлетворением потребности.

В итоге социальное взаимодействие предстает как механические реакции взаимообмена между отдельными индивидами.

Психологизмом же страдает интерпретация социальных действий В. Парето. Он считает, что общество есть система, находящаяся в состоянии нарушаемого и восстанавливаемого равновесия, т. е. система социальных действий. При этом в социальном действии участвуют индивиды, наделенные определенными чувствами. Любое действие включает в себя, по мнению В. Парето, внешне наблюдаемое действие, рациональное его обоснование (которое обычно дается задним числом), психическое состояние действующего лица. Причем последнее является постоянной величиной, лежащей в основе любого действия и определяющей его характер.

Все действия В. Парето делит на логические и нелогические. С его точки зрения, нелогические действия есть результат чувственного состояния человека, иррационального психического процесса. Эти действия характеризуются тем, что люди, их совершающие, не знают истинных, объективных связей между явлениями и

потому используют неадекватные средства для достижения целей, они «нелогически» соединяют средства и цели. Связь между ними носит иллюзорный характер и потому существует только в сознании актора (например, жертвоприношения и другие обряды, целью которых является умилоствление бога).

Логические же действия разумны и регулируются нормами. В них цели и средства связаны между собой объективной логикой, основанной на реально существующих связях, и потому они ведут к достижению цели. Необходимо отметить, что критерием объективности для В. Парето выступает лицо, наблюдающее за совершаемым действием и обладающее более обширными знаниями, чем сам актер.

В целом В. Парето анализирует структуру социальных действий, дает их классификацию по уровню осознанности или преобладающему типу мотивации, но при этом его концепция отличается субъективизмом и односторонностью, все внимание он сосредотачивает на эмоциональной природе человеческих побуждений.

Наиболее плодотворной для нашего исследования является концепция символического интеракционизма. Ж. З. Тард впервые выдвинул в центр научного исследования межличностное взаимодействие и его социально-психологические механизмы, что и стало основой для зарождения интеракционизма.

Предшественником интеракционизма считают Ч. Кули, который исходил из понятия человеческой природы. Он полагал, что природа человека социальна. Она вырабатывается в индивиде при помощи простых форм интимного взаимодействия или «первичных групп», особенно семейных или соседских, которые везде и всегда воздействуют на индивида одинаково. То есть получалось, что природа человека представляет собой комплекс социальных чувств, установок, моральных норм.

Наше взаимодействие формирует личность, причем Ч. Кули его понимает как взаимодействие сознаний

личностей, которое позволяет понимать друг друга. При этом он подчеркивает, что только как воображаемая личность один человек существует для другого и воздействует на его сознание. В таком случае взаимодействие воображаемых личностей может происходить только как взаимодействие «идей» личностей. Таким образом, реальный человек, а вместе с ним и общество, превращаются у Ч. Кули в идею человека или общества. Он пытается использовать феноменологическую точку зрения, т.е. исследует не то, чем являются люди на самом деле, а то, чем они являются в нашем представлении о них, детерминируют наше отношение к ним.

Символический интеракционизм рассматривает общество и культуру как явление, возникающее в ходе межличностного взаимодействия. Сознание индивида становится в этом ключе основой понимания культуры и общества, но такой взгляд ведет к абсолютизированию субъективного момента в процессах взаимодействия. Г. Беккер в свое время выделил три концепции «взаимодействия»:

1. Взаимодействие как влияние индивидов. Это предполагает, что поведение индивида есть непосредственная реакция на поведение другого индивида. Эта точка зрения смыкается с бихевиоризмом. В таком случае взаимодействие носит автоматический характер, а реакция на поведение другого неизбежна и внеличностна (примером является теория социального обмена Д. Хоманса, П. Блау и др.).

2. Взаимодействие при опосредующей роли символов, то есть символическое взаимодействие. В данном случае взаимодействие отождествляется с коммуникацией. В рамках этого подхода взаимодействие никогда не бывает прямым, оно всегда подвержено некоторой промежуточной трансформации, то есть стимул всегда интерпретируется.

3. Взаимодействие как self-process. В данном случае утверждается, что индивид не только находится в

постоянном взаимодействии (коммуникации) с другими, но и взаимодействует с самим собой (внутренний диалог).

Вторая и третья концепции представлены в трудах Дж. Мида и Я. Морено.

С точки зрения Дж. Мида, не только социальный мир индивида является продуктом его жизни в группе, но и весь мир в целом является социальным продуктом, возникающим в процессе социальных взаимодействий. Дж. Мид рассматривает мир как постоянно становящийся в процессе межиндивидуальных взаимодействий, это означает, что в каждом конкретном взаимодействии возникают, становятся или репродуцируются фундаментальные гносеологические и онтологические структуры.

Начальной фазой индивидуального действия выступает жест, подаваемый в процессе взаимодействия, он же является и стимулом, на который реагируют другие его участники. Жест сам есть символ, что предполагает существование некоторого референта, идеи и соотнесенность его с некоторыми элементами опыта индивида. Главным из жестов Дж. Мида, считает жест-слово (голосовой жест).

Жест и реакция на него опосредуются значением, которое представляет собой редуцированное взаимодействие, объективно существующее в сфере социального опыта взаимодействующих индивидов. Совокупность значений образует символическое содержание сознаний, опыта индивидов. В ходе сложного взаимодействия с участием многих индивидов учитывается и обобщается мнение группы относительно общего опыта, т.е. принимается роль «обобщенного другого».

Для Дж. Мида явление возникновения значений определяется как присутствие индивида в двух и более системах социального взаимодействия таким образом, что присутствие его в последней системе меняет значения, которыми обладают для него объекты и явления при условии присутствия в первой системе. Получается, что

при каждом взаимодействии индивиды перестраивают свой мир, свое прошлое и будущее в соответствии с требованиями момента взаимодействия, понимаемого как процесс конструирования реальности. В итоге возникает новое прошлое и новое будущее, причем это единственное прошлое и единственное будущее для участников взаимодействия. Это в конечном счете приводит к исчезновению объективности социального мира, который становится возможен только «здесь и сейчас».

Таким образом, Дж. Мид считает, что социальное поведение основано на коммуникации. Человек при этом реагирует не только на поступки других людей, но и на их намерения. Дж. Мид выделяет два типа действий: незначимый жест - это автоматический рефлекс, типа моргания, и значимый жест, в этом случае сначала разгадывается значение поступка, а затем следует ответ. Как пишет Дж. Тернер, «Мид впервые определил, что взаимодействие - это "разговор жестов"»⁸⁶. То есть это процесс одновременной сигнализации и интерпретации.

На этой базе и зародился символический интеракционизм. Сам термин был введен Г. Блумером. Он считал, что в случае несимволического взаимодействия люди реагируют на жесты и действия друг друга, а при символическом взаимодействии они интерпретируют жесты друг друга и действуют на основе значений, полученных в процессе этой интерпретации. Для Г. Блумера интерпретация предполагает дефиницию, т.е. каким-либо образом выраженное указание на то, как намеревался действовать субъект. Тогда процесс взаимодействия выглядит следующим образом: сначала идет интерпретация дефиниции, затем ситуация действия определяется по-новому, в итоге возникает новая дефиниция, которая экстернализируется и т.д.

Таким образом, индивиды приспособливают свои действия к действиям других людей и одновременно заставляют тем самым других приспособляться к своим

собственными действиям. Сам процесс общения при таком подходе есть процесс интерпретации и дефиниции. Общность между этими двумя процессами является предпосылкой для существования группы.

Следует отметить, что Г. Блумер абсолютизирует символический аспект взаимодействия, что приводит к игнорированию объективного содержания. У него объект отождествляется с символом, символ - с дефиницией, т.е. он выступает способом обращения с объектом.

Основные принципы интеракционизма были сформулированы Н. Дензином. Он исходил из того, что человеческое взаимодействие происходит на внешнем и внутреннем (объективном и субъективном) уровнях и разные значения объектов могут изменяться в ходе одного и того же взаимодействия. Получается, что интеракционист обязан соотносить скрытое, символическое поведение с явными внешне наблюдаемыми моделями. То есть при взаимодействии необходимо учитывать обе формы поведения. Далее он подчеркивает, что нужно изучать взаимодействие с точки зрения самих взаимодействующих, воспроизводя при этом процесс приписывания значений объектам и личностям, а также процесс стабилизации значений в ходе формализации взаимодействия. «Принятие роли другого» позволяет связывать субъективные значения и символы индивида с групповыми и институциональными структурами. Сама ситуация взаимодействия должна рассматриваться как меняющаяся. Она включает в себя: взаимодействующих как объектов, конкретную обстановку, значение элементов ситуации, характеристики взаимодействия.

В рамках символического интеракционизма зарождается драматизм, представителем которого является И. Гофман.

В узком смысле он так определяет социальное взаимодействие - это «нечто неповторимое, происходящее в социальных ситуациях, то есть в средах, в которых два и

более индивида находятся в физическом реактивном присутствии друг друга»⁸⁷. Акцент в своем исследовании он делает на анализе взаимодействия «лицом-к-лицу», подчеркивая, что мы все находимся в состоянии постоянных контактов друг с другом, именно это и выступает главным условием социальной жизни. Основу такого непосредственного взаимодействия составляет процесс ритуализации, «то есть определенной стандартизации телесного и речевого поведения посредством социализации, делающей возможным такое поведение - или жесты - особенно коммуникативную функцию в потоке поведения»⁸⁸.

И. Гофман обращает внимание на определенную упорядоченность ежедневных контактов, которая усваивается субъектом вместе с социальным опытом в процессе обучения или социализации, что, в свою очередь, является основой и способом взаимопонимания, и благодаря чему становится возможна коллективная жизнь.

Условием взаимодействия является как знание набора социальных ролей, исполняемых другими, так и уникальность каждого субъекта. «Взаимодействие возможно благодаря двум формам идентификации: категориальной (размещение другого в одной или более социальной категории) и индивидуальной (субъект идентифицируется как уникальный)»⁸⁹.

В любой ситуации взаимодействия проявляется не только настоящее, но и весь прежний опыт предыдущих контактов, большое значение играет также и культурный фактор, который предположительно является общим для всех. Но главное звено взаимодействия - его когнитивная составляющая, она позволяет нам осмыслять поведение (вербальное и невербальное) и видоизменять его в соответствии с возникающей ситуацией. При этом само по себе когнитивное отношение, как отмечает И. Гофман, «неситуационно и состоит из информации, которую данная пара лиц имеет об информации, какую каждый партнер знает о мире, а также из информации, какую они имеют

(или не имеют), о владении такой информацией»⁹⁰.

В качестве основных форм взаимодействия, И. Гофман называет, подвижные единицы, контакты, разговорные схватки, формальные собрания, сценоподобные выступления и общественные праздники. Главная проблема всякого взаимодействия «лицом-к-лицу» - «это проблема познавательного взаимоотношения участников, то есть того, что успешно может предполагать каждый об уже известном другом»⁹¹.

Таким образом, И. Гофман подчеркивает, что совокупность символических механизмов взаимодействия не образует самостоятельного «языка», а представляет собой набор «ритуальных идиом», которые могут служить средством понимания и отождествления социального поведения в довольно ограниченных ситуациях, но они не обладают при этом ни универсальным, ни системным характером.

Более подробно социальное взаимодействие в его драматической модели концептуализируется у К. Берка. В структуре взаимодействия он выделяет следующие элементы: акт, сцена, агент, цели, средства.

Теперь рассмотрим каждый из них. Акт или действие, по К. Берку, включает в себя все, что происходит в той или иной ситуации, в специфическом контексте. Понимание К. Берком действия близко к пониманию его как «театрального действия», в смысле психодрамы Я. Морено - театра без сценария. Это уже предполагает наличие символического контекста, на который ориентируются субъекты действия.

«Сцена» для К. Берка - это ситуация действия. При этом точки зрения «зрителей» никогда не совпадают, в глазах каждого из них сцена выглядит по-своему.

Агент действия или актер - это рефлексивный индивид, который ориентирует свои действия на действия других. Следовательно, так как субъект ориентирует свои действия в зависимости от обстоятельств, то можно найти связи двух шкал: сцена - акт, а так как у каждого индивида

есть свои психологические особенности, то налицо еще одна связь: агент — акт. Тогда поведение можно объяснять исходя из «словаря мотивов», другими словами, оно строится на понятии стандартного поведения в стандартных обстоятельствах. К. Берк замечает, что мотивы конструируются в процессе самого взаимодействия. Основу мотива составляет шкала сцена - акт, а его конкретное ситуационное содержание вырабатывается в ходе действия шкалы агент - акт.

В качестве средств достижения цели К. Берк рассматривает язык.

У. К. Берка нет четкого разделения между объективным и субъективным содержанием взаимодействия, и не прописан механизм их взаимосвязи. Получается, что сценарий уже кем-то задан в рамках «словаря мотивов».

Человеком, пытавшимся синтезировать теории символического интеракционизма и социального обмена, был Дж. Тернер. Он считал, что любое взаимодействие мотивировано соображениями обмена, при этом люди, вступая в контакты, хотят повысить свой ресурсный уровень. Взаимодействие, по его мнению, связано с тем, что люди тратят и умножают свой «эмоциональный капитал» при обменах. В качестве обмена он рассматривает беседы различного рода и разговоры, считая их средством передачи власти, престижа, одобрения, также имеющим свой собственный «ресурс».

Он подчеркивает, что «переговоры относительно ресурсов, скрытых в беседах, включают нечто большее: попытки "дополнить" и "истолковать" то, что происходит во взаимодействии»⁹². В данном случае он ссылается на Г. Гарфинкеля, который утверждал, что много из того, что случается во взаимодействии, требует истолкования жестов в свете определенного контекста взаимодействия. Вступая в контакт, люди используют имплицитные резервы знания и понимания для истолкования беседы, чтобы удобно чувствовать себя в контексте

взаимодействия. При этом они привлекают разнообразные «народные» или «этнические» методы, чтобы породить чувство взаимопонимания, чувство сходства между собой миров их индивидуального опыта.

Главным в межличностных обменах является подтверждение своей самооценки, которая, в свою очередь, служит главным передаточным механизмом между их «центральным Я» и результатом обменов. Подтверждение выгоды вторично, что приводит к ощущению «фактичности».

Дж. Тернер выводит пять законов, по которым протекает взаимодействие.

Первый закон взаимодействия. При взаимодействии люди используют фонды имплицитного знания или идет процесс фондообразования, включающий в себя ряд сигнальных процессов: сценическую постановку взаимодействия, постановку ролей, выдвижение притязаний и придание значения ситуации.

Второй закон взаимодействия. Другое использование фондообразования или овладение фондами охватывает ряд процессов истолкования, что подразумевает принятие в расчет ситуации, принятие притязаний, роли и типизации, принятие типа.

Эти два закона позволяют описать субъектно-объектные отношения, возникающие и протекающие в ходе взаимодействия. В данном случае Дж. Тернер опирается на работы Дж. Мида, который первый начал рассматривать взаимодействие как «разговор жестов». К этому Дж. Тернер добавляет, что «это одновременно и процесс сигнализации и интерпретации, схема такой настройки - это функция мотивационных процессов. То есть взаимодействие - это одновременно процесс создания и овладения фондами, который часто протекает имплицитно и бессознательно»⁹³.

Говоря о «сценической постановке», Дж. Тернер упоминает о И. Гофмане и Э. Гидденсе: «Гофман считал,

что взаимодействие всегда включает "сценическую постановку". Сейчас эту идею стал развивать Гидденс... Люди имеют представление о "сценическом ремесле" в том смысле, что они "знают", по меньшей мере, имплицитно, о таких вещах, как относительное расположение действующих лиц, передвижения вперед и назад между "авансценой" и "задником" и другие аспекты демографического пространства»⁹⁴.

«Постановка ролей» возможна благодаря тому, что люди обладают фондами «ролевых концепций», под которыми Дж. Тернер понимает «характерные совокупности жестов и последовательности поступков, связанные с определенной линией поведения»⁹⁵.

Еще Ю. Хабермас писал о процессе выдвижения притязаний на значимость как о движущей силе взаимодействия. Их реализация связана с убеждением в подлинности и искренности жестов как проявлений субъективного опыта, в правильности действий с точки зрения соответствующих норм. «Эти притязания связаны с "постановкой ролей", но опираются и на общие фонды знания о нормах, на совместные представления о честном поведении человека и на обусловленное культурой согласие относительно взаимосвязи целей и средств»⁹⁶.

Процесс «принятия роли» имеет два уровня: 1) определение ролей, которые играют другие; 2) использование фондов согласованных представлений о том, как обычно действуют люди в разного рода ситуациях, когда пытаются реконструировать глубинные характеристики, необходимые для понимания того, почему данное лицо ведет себя определенным образом.

А. Шюц описывает это как взаимодействие посредством «типизации» или категории «идеальных типов». Это происходит потому, что многие взаимодействия подразумевают сперва представление другого в стереотипных категориях и только потом обращение с ними как с нелицами или чем-то идеальным.

В итоге процесс «принятия роли» может незаметно перейти в «принятие типа». Это бывает в том случае, когда не требуется особенно чувствительных и тонко настроенных истолкований мотивов, эмоций и установок других. Если «принятие типа» - это реальный процесс, то другие истолковательные процессы (принятие роли, притязаний и принятие в расчет ситуации) уже не имеют значения, потому они изначально «запрограммированы» в фондах стереотипных ролей и категорий, используемых для типизации.

Таким образом, взаимодействие, по Дж. Тернеру, - «это двойственный процесс одновременного сигнализирования и истолкования, питаемый запасами знания, приобретенного индивидами»⁹⁷.

Третий закон взаимодействия. Степень взаимодействия между индивидами в некой ситуации есть совместная и положительная организация их соответствующих уровней а) сигнализирования и б) истолкования. При этом уровень сигнализирования есть совместная и положительная функция уровня сценической постановки, постановки роли, выдвижения притязаний и придания значений. Уровень же истолкования есть совместная и положительная функция степени принятия в расчет ситуации, принятия притязаний, роли и типа. То есть в первом случае работает процесс субъективного оценивания, переживания ситуации, а во втором - категоризации, подведения под общий тип.

Четвертый закон взаимодействия. «Степень взаимного приспособления и сотрудничества между индивидами в ситуации взаимодействия есть положительная функция степени, в какой они владеют общими фондами знания и пользуются ими в своем сигнализировании и истолковании»⁹⁸.

Дж. Тернер в данном случае говорит о том, что большая часть наших контактов происходит в рамках существующей структуры, которая создана и поддерживается опытом предыдущих контактов.

Необходимо заметить, что эти структуры играют роль некоего ограничителя, потому что обозначают пределы «сценической» деятельности, помещая их в реальное физическое пространство. Также они ограничивают виды возможных процессов утверждения значимости притязаний и возражений, обеспечивая контекстуальную основу для учета всех видов деятельности, которые позволяют нам рационализировать чувство реальности, диктуют возможные виды постановки ролей, дают основания для понимания ролей, организуют нас и нашу деятельность в направлениях, поощряющих (или тормозящих) взаимную типизацию. Но это ограничение не является абсолютным. Так как каждому индивиду присуще мотивационное своеобразие, то, по мнению Дж. Тернера, всегда есть известное свободное пространство для переструктурирования ситуации.

Организирующая роль структуры связана со способностью индивидов к «регионализации», «рутинизации», «нормативизации», «ритуализации» и «категоризации» своих действий. Рассмотрим каждую из составляющих подробно.

«Регионализация» - пространственное расположение и мобильность, следование определенному образцу в использовании пространства»⁹⁹. Она подразумевает существование правил, соглашений и представлений о том, кто какое пространство может занимать, кто может сохранять желаемое пространство и кто может передвигаться в нем.

«Рутинизация» означает, что индивиды делают приблизительно одно и то же (движения, жесты, разговоры и т.п.) в одно время и в одном пространстве. «Рутинизация» и «нормативизация» облегчают процессы «регионализации», между ними существует обратная связь. Установившиеся регулярные процедуры взаимодействия облегчают процесс упорядочивания пространства, а когда это происходит, то рутинные практики поддерживать уже нетрудно.

Очень важную роль в процессах структурирования играет именно «нормативизация». Нормы возникают из потребности утверждения значимости притязаний, учета ситуации и принятия роли. Поэтому они служат своего рода ускорителем для процессов «рутинизации».

Благодаря тому, что взаимодействие может быть ритуализировано, контакты между людьми включают в себя стереотипные последовательности жестов, после чего рутинные процессы уже могут поддерживаться без активного и осознанного сигнализирования и истолкования. Для того, чтобы процесс «ритуализации» состоялся необходимо, чтобы индивиды могли представлять друг друга в простых категориях, т.е. взаимодействие должно включать элемент предсказуемости в начале и момент прекращения жестов в конце. Более ярко процессы «ритуализации» проявляются в расстановке ролей, когда индивиды торгуются за соответствующие роли для себя, и если они смогут договориться о взаимодополнительных ролях, то они во многом смогут ритуализировать свои взаимодействия.

«Категоризация» представляет собой итог переговоров людей о том, как взаимно типизировать друг друга и свои отношения, помогая индивидам трактовать друг друга как безличные объекты и тем самым экономить время и энергию.

Дж. Тернер приходит к выводу, что «так как люди взаимно подают сигналы и создают интерпретации, они вовлекаются в процессы инсценирования, утверждения значимости, учитывания, принятия роли, постановки роли и типизации, которые подразумевают переговоры касательно пространства, притязаний на значимость, процедур истолкования, взаимности перспектив, соответствующих ролей и взаимных типизаций. Из этого вырастают структурирующие процессы регионализации, рутинизации, нормативизации, ритуализации и категоризации, которые организуют взаимодействие во времени и в пространстве. Структурирующие процессы

являются структурными параметрами, которые удерживают в определенных пределах интерактивные процессы инсценирования, утверждения значительности, учитывания, принятия роли, постановки роли и типизации».¹⁰⁰

Пятый закон взаимодействия. «Степень структурирования взаимодействий есть положительная и аддитивная функция степени, в какой это взаимодействие может быть а) регионализировано, б) рутинизировано, в) нормативизировано, г) ритуализировано, д) категоризировано»¹⁰¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках символического интеракционизма общество представляет собой состоящим из индивидов, обладающих «личностным» «Я». То есть они сами формируют значения, а их индивидуальные действия представляют собой не совершение чего-то, а конструирование, осуществляемое с помощью процессов оценивания и истолкования.

Само взаимодействие включает в себя «личностное» «Я» (человека, который может служить объектом для своих собственных действий), процесс формирования значений (набор действий, в ходе которых индивид замечает предмет, соотносит его со своими ценностями, придает ему значение и решает действовать на основе данного значения), истолкование действий других (определение для себя значений тех или иных действий окружающих).

Следовательно, с точки зрения интеракционистов, объект - это не внешний стимул, а то, что человек выделяет из окружающего мира, придавая ему определенное значение. Тогда социальное взаимодействие предстает как диалог, в котором люди придают значение окружающему миру и стремятся истолковать действия других. При этом интерпретация стимула осуществляется в промежуток времени между воздействием стимула и ответной реакцией. В этот момент происходит осмысление значения стимула и принимается решение как на него

реагировать. Получается, что стимул связывается с символом. А так как значения усваиваются в процессе социального взаимодействия, то они являются общими для всех. Отсюда следует, что основу поведения составляет интерпретация.

На наш взгляд, символический интеракционизм слишком большое внимание уделяет именно субъективным аспектам взаимодействия, характерным для отдельных индивидов, что не позволяет исследовать процессы социального взаимодействия, происходящие в больших социальных образованиях, включая групповые.

Таким образом, обобщая теории социального действия, можно сделать вывод, что основная разница между ними заключается в том, на что больше обращается внимание. Сторонники функционального подхода останавливают свое внимание на исследовании мотивов, интересов, ценностей, норм, лежащих в основе совершаемых систем действия. Тогда как представители, например, символического интеракционизма или теории социального обмена, управления впечатлениями делают акцент на внутренних процессах организации и возникновения взаимодействий. То есть анализируют сам процесс взаимодействия, но это есть сближение социального взаимодействия с коммуникацией.

Можно отметить, что в целом взаимодействие представляет собой совокупность отдельных актов социального действия и при этом включает в себя статусы (т. е. круг прав и обязанностей), социальные роли, социальные отношения, символы и значения.

Г. Х. фон Вригт предлагает различать причины поступков и их действенность. Под действенными основаниями поступка, он подразумевает, те основания, в свете которых мы понимаем поступок. Связующим звеном между поступком и его основанием является акт понимания. Процесс понимания предполагает вынесение оценки, зависящей от побудительных мотивов и душевного состояния, в котором совершается действие.

Объяснить, что происходит и почему именно так, можно при определенных условиях: если знать, *что* сделал субъект, если определить *причины*, т.е. основания, которые были актуальны для субъекта, когда он совершал действие, и если выбрать те основания, исходя из которых субъект *на самом деле* действовал.

Основания действия могут быть как внешними, так и внутренними. Во внутренних можно выделить две составляющие: сознательно-волевою и когнитивную. Под этим понимается индивидуальное намерение или желание совершить что-то, а также мое мнение (которое может быть верным или нет), что конкретное действие полезно или даже необходимо для достижения поставленной цели. К внешним основаниям можно отнести, например, ситуацию подчинения отданному приказу. В таком случае именно приказ является основанием для совершения действия. Здесь же можно найти и внутренние основания - например, «я подчиняюсь приказу, потому что не хочу, чтобы меня ругал начальник», т.е., чтобы избежать конфликта с начальником.

Если говорить о мотивационной основе действий, то она тоже может быть внешней и внутренней. К внешним основаниям следует отнести реакции на приказы, вопросы, обещания, правила и предписания всех видов - все институциональные способы поведения. Причем любые внешние основания должны быть восприняты и поняты субъектом действия, чтобы стать частью его мотивационной структуры - это внутренняя мотивация.

2.2. Социальная коммуникация и информационное взаимодействие: к постановке проблемы

Факт существования такого феномена, как информация, предполагает наличие ее производителей и потребителей. Производство, преобразование, хранение и передача информации происходит в общении. Проблема общения стала особенно актуальной в наши дни, когда

рост количества и уровень качества средств связи динамично меняет веками действовавшую систему социальных связей в обществе. Возникновение электронных средств связи внесло изменения в отношения между людьми, между человеком и техникой.

Мы не будем вдаваться во все тонкости спора о содержании и определении общения, так как это не является предметом нашего исследования, а выделим лишь некоторые его моменты. Трактовка общения осуществляется как на уровне межличностных отношений, («общение - взаимодействия между людьми...»¹⁰²), так и в более широком плане, когда общение используется для характеристики взаимодействий между различными социальными и культурными системами. Но каким бы ни был акцент, главное в трактовке общения - это наличие межиндивидуальных контактов. В контексте нашего исследования значима информационная сторона общения: «Общение является таким видом взаимодействия людей, в котором последние выступают по отношению друг к другу одновременно (или последовательно) и объектами и субъектами»¹⁰³.

А. В. Соколов выделяет в категории «общение» три основных момента: коммуникативный (обмен знаниями, идеями), интерактивный (обмен словами и действиями) и перцептивный (восприятие друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания). В процессе общения наряду с указанными можно выделить и еще целый ряд моментов, продолжая классификацию А. В. Соколова.

В рамках социологии «общение» рассматривается как социально обусловленный вид деятельности, связанный с процессами обмена мыслями и чувствами между людьми. Наряду с понятием «общение» существует понятие «речевая деятельность», которое трактуется как система мотивированных речевых действий людей в социально значимых ситуациях, обусловленных правилами и нормами речи, принятыми в обществе (В. П. Конецкая).

Нас же будет интересовать прежде всего коммуникативная сторона общения, термин «коммуникация» будет употребляться нами в качестве синонима общения, речевой деятельности, что не отменяет других контекстов, в которых «коммуникация», «общение» и «речевая деятельность» синонимами не являются.

Изучение социальной коммуникации началось в рамках теории бихевиоризма и символического интеракционизма. Основателем бихевиоризма считают Джона Б. Уотсона, который в основу коммуникации ставил не язык как систему, а сами речевые сигналы, манипулирование которыми дает возможность влиять на другого человека. Поведение он отождествил с системой видимых и латентных реакций, работающих по традиционной схеме «стимул - реакция». Закрепление возникающих реакций, по его мнению, подчиняется «закону упражнения», это означает, что многократное повторение одних и тех же реакций в ответ на одни и те же стимулы автоматизирует эти реакции.

Сторонники символического интеракционизма полагают, что в результате межличностного общения упорядочивается и формируется социальная структура, в таком случае развитие коммуникативных форм и будет представлять собой социальное развитие.

Персоналисты рассматривают коммуникацию как «способность личности открывать в себе чувство другого». А. Камю видел в общении не реальное подлинное взаимодействие индивидов, а только акт, в котором проявляется одиночество каждого человека,

следовательно, он пришел к выводу, что подлинное общение между людьми невозможно. Единственным способом подлинного общения, по мнению Л. Камю, является единение индивидов в бунте против «абсурдного мира».

К началу 40—50-х гг. XX в. в исследовании коммуникации складываются два подхода:

рационалистический и иррационалистический. Рационалистический взгляд на коммуникативные процессы основывался на концепции технологического детерминизма. К нему можно отнести также информационную теорию общества, которая придает средствам массовой информации роль единственного стимула и источника социального развития. Сама информация при этом рассматривается как основа развития и существования культуры и всех культурных ценностей. Иррационалистический подход связан с понимающей социологией, в основе которой находится концепция взаимопонимания между людьми. В ней анализируются действия, ставящие своей целью коммуникацию (т.е. сознательно использующие знаки) и не имеющие другой цели (А. Шюц).

Британская и американская антропология использует метод анализа социальных сетей. В подобного рода исследованиях особое внимание уделяется описанию и анализу возникающих в ходе социального взаимодействия и коммуникации связей (сетей) различной интенсивности и плотности (примером может служить социометрия Я. Морено). Сторонники данного направления работают в рамках теории бихевиоризма и структурализма, так как не принимают в расчет субъективно-психологические факторы, подчеркивая обусловленность человеческого поведения структурными образованиями, возникающими в ходе коммуникации.

В современной научной литературе определение коммуникации, в зависимости от акцента на том или ином ее структурном компоненте, дается с точки зрения трех подходов: социологического, языкового и собственно коммуникативного. В первом случае изучаются коммуникативные средства и связи с целями их применения, то есть речь идет о реализации социальных функций коммуникации. Второй подход связан с проблемами межличностной коммуникации, а третий - с проблемами воздействия массовой коммуникации на

развитие общественных отношений. Таким образом, сочетание этих трех подходов к исследованию феномена коммуникации позволяет изучать ее с точки зрения формы подачи информации, содержания контактов, возникающих между людьми в ходе различного рода взаимодействий и последствий сочетания формы и содержания не только на уровне межличностной коммуникации, но и групповой, массовой и других видов взаимодействий.

Социологический подход к коммуникации основан на концепции, ведущей свое начало от Ф. де Соссюра, А. Мейе, А. Соммерфельта, С. О. Карцевского, Е. Н. Трубецкого, Р. Якобсона, К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, в России - это В. В. Виноградов, Е. Д. Поливанов, Б. А. Ларин, Г. В. Степанов, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский и др. Общим для них является изучение языка как социального явления и средства общения.

Начало XX в. связано с возникновением двух подходов к изучению именно коммуникативной составляющей социальной коммуникации. Первый основан на технологическом детерминизме, представленном работами Д. Белла и З. Бжезинского, рассматривающих средства информации в качестве базового стимула и источника социального развития. Второй связан с уже названной, понимающей социологией и представлен работами П. Бергера, Т. Лукмана. Они опираются на феноменологическую теорию А. Шюца. В данном контексте действие выступает как основная цель осуществления коммуникации. Поэтому сторонники этого направления изучают процессы и механизмы, при помощи которых воспроизводится сама реальность. Ограниченность индивидуального опыта, считают они, можно преодолеть благодаря идеализациям, свойственным повседневному опыту. Это, в свою очередь, ведет к формированию стандартизированной, типологической структуры воспроизведения объектов. По мнению А. Шюца, типизации упорядочивают социальную

реальность и придают ей тем самым доверительный характер. Благодаря существованию социальных типизаций, множество возможных значений вещей сводится к значению, которое они имеют в момент актуального действия человека. Именно язык является главной «формой отложения типичных схем опыта, релевантных для данного общества». Следовательно, язык является и главным механизмом построения социальной коммуникации. «Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет мне необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение эти объективации и сама повседневная жизнь... Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу»¹⁰⁴.

Изучением процедур интерпретаций, скрытых, неосознаваемых, нерелфлексированных механизмов социальной коммуникации занимается этнометодология, ведущая свое начало от Г. Гарфинкеля. Ему удалось соединить феноменологию А. Шюца, американский прагматизм и символический интеракционизм. Сторонники данного направления считают, что обычно участники взаимодействий хорошо понимают свои действия благодаря языку, посредством которого в данном обществе объективируются значения вещей, а также благодаря знанию невербальных объективаций данных значений. В итоге все формы социальной коммуникации сводятся к речевой коммуникации и к повседневной речи. При этом анализируются связи социокультурного знания и речевых единиц, этнические факторы, обуславливающие социальную дифференциацию в коммуникации. Этнометодологи считают, что коммуникация содержит более существенную информацию, чем та, что выражена вербально и подчеркивает наличие фонового значения коммуникации, подразумевающего смыслы молчаливых действий, принимаемые участниками коммуникации.

«Действуя в повседневном мире, люди применяют вполне определенные приемы взаимодействия, в которых они обычно не отдают себе отчета. Основополагающий принцип повседневной жизни состоит в уверенности человека в том, что он способен понимать другого и познать его субъективный мир, что он, по меньшей мере, в состоянии... знать об этом мире то, что необходимо знать о нем»¹⁰⁵.

Таким образом, социальная реальность приобретает смысл благодаря тому, что в речевой коммуникации люди представляют значения своих суждений в виде тех объективных свойств, признаков, которые они придают реальности. «К социально одобряемому поведению в обществе относится не только определенное содержание здравого смысла, но и определенные принципы обращения с общим запасом знания данного общества. Каждому известно, что события идентифицируются как события определенного класса. Так как уже имеется схема такой идентификации, переданная всем в процессе социализации, Ego может ожидать, что Alter идентифицирует события таким же образом, исходя из того, что Ego делает это таким же образом. Так создается общая система универсально значимых символов, несомненный здравый смысл восприятия ситуаций, людей и объектов»¹⁰⁶.

Для объяснения действий людей Г. Гарфинкель использует документальный метод интерпретации. С его помощью, по мнению автора, можно реконструировать типы, благодаря которым наши действия и высказывания обретают другой смысл, причем сразу для обеих сторон коммуникации. При этом мы сталкиваемся с проблемой соотнесения действия и речи с индивидуальным типом. Такое соотнесение понимается ни из вещей самих по себе, ни из общего запаса знаний, а лишь из специфического, индивидуального контекста, его Г. Гарфинкель и называет «индексностью». Для него весь язык состоит из индексов, т.е. указаний на определенные взаимосвязи, придающие

вещам смысл. Исследователь рассматривает индексы, с помощью которых люди обозначают свой собственный мир. Индексы указывают на определенный контекст и являются ситуативными средствами референции, т.е. отнесения.

С точки зрения Г. Гарфинкеля, коммуникативные высказывания всегда имеют индексный характер. Это относится не только к устным высказываниям, но и, прежде всего, сопровождающих их мимике и жестам, тональности голоса и др. Индексные выражения направлены всегда на другого человека и склоняют его к тому, чтобы подтвердить контекст, который задан говорящим. Таким образом, речь идет о достижении согласия, но по поводу смысла, сконструированного одной стороной.

Существует и обратный процесс - деиндексация. Под ней он понимает попытку превратить индексные выражения в объективные, к таковым относятся высказывания, смысл которых можно понять без контекста. Гарфинкель рассматривает деиндексацию как попытку производства общего смысла, который до сих пор был потенциально сомнительным по меньшей мере для одного из участников взаимодействия. В повседневной жизни, как правило, не требуется переводить индексные и объективные выражения до такой степени, чтобы их мог понять любой другой. Достаточно того, чтобы это мог сделать конкретный другой, с которым мы находимся в ситуации непосредственного общения.

Г. Гарфинкель подчеркивает, что участники взаимодействий, которые воспринимают и употребляют индексные выражения, не обладают одинаковым знанием контекста, но молчаливо полагают это. Поэтому во избежание ложного понимания они выражаются неопределенно и сдержанно. Это означает, что, хотя и совершается выбор между смысловыми альтернативами, существуют различные возможности интерпретации этого выбора, другими словами, выбор получается не очень

строгим. В связи с этим, ученый выделяет следующие структурные признаки процесса понимания: смысл языковых выражений в социально организованных взаимосвязях действий является структурно неопределенным; неопределенность и эллиптический характер высказываний рассматривается в повседневной жизни не как ошибка, а как социально санкционированный и конститутивный ситуативно-адекватный прием повседневной речи (партнеры по коммуникации уверены в том, что другие понимают то, что подразумевается в высказывании, а то, что непонятно в данный момент высказывания приобретает смысл по мере дальнейшего прояснения в ходе беседы).

Таким образом, получается, что в повседневной жизни участники коммуникации пытаются редуцировать неопределенность путем интерпретации смысла, но при этом они не претендуют на однозначность. Г. Гарфинкель считает, что именно неопределенность языка облегчает коммуникацию, так как благодаря ей каждый получает возможность «встроиться» в общую реальность.

Этнометодология в итоге показывает, что не существует единой реальности, а есть множество реальностей, которое проявляется как поток неповторимых уникальных ситуаций. Необходимо отметить, что данная теория основывается на определенных теоретических допущениях: во-первых, она отождествляет социальное взаимодействие и речевую коммуникацию; во-вторых, она отождествляет исследование с истолкованием и интерпретацией действий и речи другого собеседника; в-третьих, она разделяет интерпретацию на два слоя: слой понимания и слой разговора; в-четвертых, она отождествляет структурную организацию разговора с синтаксисом повседневной речи.

Так или иначе исследование социальной коммуникации связано с изучением социальных факторов, способствующих формированию социального знания и оценочной категории коммуникации.

Также можно выделить несколько направлений в понимании социальной коммуникации. Первое из них основано на позитивистской методологии субъектно-объектных диспозиций. В рамках структурного функционализма онтология социальной коммуникации основывается на системных связях и функциях. Коммуникативные технологии в данном случае направлены на конструирование желаемого образа определенного субъекта и социальных связей в системе. «Социетальное общество должно быть "носителем" культурной системы, достаточно генерализированной и интегрированной для того, чтобы легитимизировать нормативный порядок. Подобная легитимация требует наличия специальной системы символов, позволяющей обосновать идентичность и солидарность сообщества, а также верований, ритуалов и других культурных компонентов, в которых данная символическая система воплощена»¹⁰⁷.

Другое направление представлено Ю. Хабермасом, который рассматривает межчеловеческие интеракции как инструмент реализации практических интересов людей, как способ эмансипации, освобождения от экономического, политического и других видов влияний, искажающих коммуникации и играющих латентную роль принуждения. «Из перспективы участников, понимание означает не эмпирическое согласие, а процесс обоюдного убеждения, который координирует действия нескольких участников на основе мотивации через основание. Понимание означает коммуникацию, нацеленную на действительное согласие, только поэтому мы можем надеяться через выяснение формальных свойств ориентированного на понимание действия на получение понятия рациональности, которое выражает взаимозависимость противоречивых моментов разума в современности, все равно отыщем мы эти моменты в культурных сферах ценностей в дифференцированных

формах аргументации или в коммуникативной практике повседневности»¹⁰⁸.

В дальнейшем представители данного направления сводят природу социального к субъектно-объектным отношениям, т. е. к принципу интерсубъективности и исключают объективность. В рамках этой точки зрения общество представляет собой сеть коммуникаций, а коммуникации создают возможность для самоописания общества и его самовоспроизводства. Например, для Н. Лумана коммуникация выступает как активная самоорганизующаяся среда: «Социальные системы образуются исключительно благодаря коммуникации, то есть разнообразные селективные процессы антиципативно или реактивно взаимно определяют друг друга»¹⁰⁹. Простейшей социальной системой для него являются интеракции, которые формируются через взаимное согласование действий и переживаний присутствующих участников общения. Таким образом, общество охватывает все действия, достижимые для соотнесения друг с другом в коммуникации.

Изучением социальных факторов речевой коммуникации занимались Дж. Серль, М. М. Бахтин, Н. Д. Арутюнова, И. М. Кобозева, Е. В. Падучева, С. И. Гиндин и др. Они исследуют высказывания, в которых реализуется установка собеседника. «Будучи отражением самого себя (своего употребления субъектом речи), язык становится также отражением говорящего: не только его действий, поступков, поведения и взаимодействия в социальном и межличностном пространстве, но и его внутренних - психологических, эмоциональных и ментальных - состояний»¹¹⁰.

Необходимо остановиться на направлении критического анализа дискурса, возникшего на основе критической лингвистики, которая сформировалась в Англии на рубеже 70-80-х гг. XX века и которая трактует язык как один из видов «социальной практики». К представителям данного течения можно отнести

Р. Фаулера, Г. Кресса, Ю. Хабермаса. Для них дискурс - «способ диалогически-аргументированного испытания спорного притязания на значимость с целью достижения общезначимого согласия»¹¹¹. Дискурс строится по определенным правилам: участие в нем открыто для любого способного к речи субъекта при его полном равноправии со всеми остальными участниками; участникам запрещается осуществлять какое-либо принуждение в целях достижения согласия; участники вправе действовать только на основе мотива кооперативного и аргументированного согласия.

В общем, под дискурсом можно понимать коммуникативное сообщение, выраженное в речевых формах. Субъекты, включенные в дискурсивную практику в ее преломлении массовым сознанием, создают непрерывные знаковые ряды - континуумы, в которые в той или иной степени встраиваются и фиксируются многократным повторением символические образования. То есть «дискурс - это вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний ее участников»¹¹². Представители данного направления исходят из того, что тексты являются результатом деятельности людей в определенной ситуации. При этом отношения коммуникатора и реципиента отражают различные модели социальных отношений людей. Проследить подобного рода взаимосвязи между людьми можно у Ю. Хабермаса на основе классификации типов социального действия, реализуемых в речевых ситуациях.

Он выделяет телеологическое действие, истоки которого находит у Аристотеля. В рамках этого типа актер стремится к осуществлению определенной цели посредством того, что он в данной ситуации выбирает средства, которые обещают принести успех, и соответствующим образом их применяет. Центральным здесь является момент «принятия решения» на основе выбора между альтернативными вариантами действия,

которое направлено на реализацию цели, руководимо правилами и основывается на толковании ситуации.

Если к ожиданию успеха субъектом добавляется еще ожидание этого же хотя бы одним актором, то действие становится стратегическим и трактуется утилитарно; т.е. это подразумевает, что человек выбирает и обсчитывает цели и средства с точки зрения максимизации собственной пользы (исследование этого типа действий находится в центре внимания теории принятия решений, теории игр в экономике, социологии, социальной психологии).

Регулируемое нормами действие связывается с поведением акторов определенных групп, которые ориентируют свои действия на общие им ценности. Нормы в этом случае выражают существующее согласие. Главное здесь - следование норме, которое означает выполнение ожидания относительно поведения (примером могут служить работы Э. Дюркгейма, Т. Парсонса). Нормативная модель действия является базовой для теории ролей.

Драматургическое действие относится к участникам интеракции, образующим друг для друга публику, перед которой они изображают самих себя. Актор вызывает у публики определенное представление о самом себе в той мере, в какой он более или менее целенаправленно раскрывается перед ней свою субъективность. Главным понятием в рамках драматического подхода - понятие «саморепрезентации» (И. Гофман).

В итоге коммуникативное действие - интеракция минимум двух способных к речи и действию субъектов, которые (вербальными или экстравербальными средствами) вступают в межличностное отношение. При этом акторы стремятся, по мнению Ю. Хабермаса, к взаимопониманию относительно ситуации действия, чтобы координировать свои планы действия и сами действия на основе согласия. Центральным понятием выступает понятие «интерпретация» или выработка определений ситуации, которые допускают согласие (Дж. Мид, Г. Гарфинкель). «Интеракция представляет собой решение

проблем, в рамках которых планы действия многих акторов координируются таким образом, что действия одного обретают согласованность с действиями другого. Вообще действие может быть описано как реализация плана, который основывается на значении ситуации для актора: актор посредством выполнения плана действия овладевает ситуацией, при этом ситуация действия образует фрагмент истолкованного актором окружающего мира. Проблема координации действий возникает тогда, когда актор может осуществить свой план действия только интерактивно, то есть еще, по меньшей мере, с помощью действия одного актора»¹¹³.

Следует отметить, что интеракции, реализуемые с помощью вербальных средств, различаются в зависимости от того, как осуществляется согласование планов действий и самих действий и какую роль играет при этом естественный язык (выступает ли он в качестве средства передачи информации или как основа социальной интеграции).

В. Н. Фурс подчеркивает, что коммуникативные действия могут ориентироваться не только на успех, но и на взаимопонимание. В данном случае участники преследуют индивидуальные цели при условии, что они могут согласовать друг с другом свои планы действия на основе общих определений ситуации. При этом роль координатора действий выполняет именно сила языкового взаимопонимания.

Исследование дискурса как логически целостной, социально обусловленной единицы коммуникации дает возможность представителям направления критического анализа дискурса «неречевые языки» (язык рекламы, мимики, жестов) рассматривать во взаимосвязи с языком человеческого общения как основного способа коммуникации. Воздействие социокультурных факторов на коммуникацию возможно изучать с помощью ситуационных моделей (П. Вундерлих, М. Хэллидей, Ю. Н. Караулов, Н. Л. Арутюнова, В. В. Петров и др.).

Таким образом, можно сказать, что основными компонентами изучения социальной коммуникации являются: социальные структуры, коммуникативные системы и способы коммуникации. «Теория коммуникации призвана дать целостное представление о закономерностях и существующих связях в различных типах и видах коммуникации. Ее методологическое обоснование включает в себя раскрытие структуры, принципов построения знания и способов познания, методов и средств деятельности»¹¹⁴.

Классическая парадигма коммуникации описана Г. Лассуэлом в 1948 г. Она базируется на последовательном ряде вопросов, касающихся передачи информации: кто передал, что передал, по какому каналу, кому и с каким эффектом (или какой эффект вызван). В социальной коммуникации доминирует коммуникативный аспект, а информационно-содержательный выполняет роль вспомогательного, т.е. наиболее важным является, *что* используется, *кто* участвует во взаимодействии, *как* используется информация и связи, *кому* адресуется информация и *куда* направлены коммуникативные связи.

Большая группа исследований посвящена изучению средств массовой информации. Странники функционального подхода рассматривают средства массовой информации с точки зрения доминирующей функции (например, политического контроля - Ч. Райт, Г. Мердок, П. Голдинг и др.). Анализом манипулятивной функции средств массовой информации и их роли в идеологизации общества занимались М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно и др. Теория гегемонии массовой коммуникации представлена в работах Н. Пулантзаса, Л. Альтюссера и др., которые исследуют различные формы отображения значимой для общества информации, а также механизмы, обеспечивающие формирование сознания масс и укрепления теоретических постулатов.

Отечественная школа разрабатывает теорию массовой коммуникации как вида социального общения. Один из ее

постулатов можно сформулировать так: массовая коммуникация реализуется только тогда, когда люди обладают выраженной общностью социальных чувств и общим социальным опытом (Б. А. Грушин, Б. М. Фирсов). Существует теория эгалитарной массовой коммуникации, которая строится на модели равных возможностей (Ф. И. Шарков и др.).

В рамках структурно-функционального направления (Р. Мертон и Т. Парсонс), считается, что все действия в обществе обуславливаются его потребностями. Само же общество складывается из множества индивидов, их социальных связей, взаимодействий и отношений. Структуру и функции массовой коммуникации его представители рассматривают с позиций системного подхода. В таком ракурсе можно выделить три основные функции коммуникативного процесса в обществе: во-первых, контроль общества за состоянием окружающей среды с целью предупреждения возможных разрушений в экологической системе; во-вторых, поддержание взаимосвязи общества и природы, в-третьих, сохранение и передача следующим поколениям социокультурного опыта.

XX век связан с формированием деконструктивизма или постмодернизма, который обращает внимание на исчезновение авторских прав на художественные произведения, так как они выполняют роль ограничителя в творческом процессе.

М. Маклюэн и А. Моль развивают культурную теорию коммуникации, которая подразумевает, что средства массовой коммуникации формируют характер общества, а «массовая культура» приобщает человека к духовным ценностям. М. Маклюэн, например, разделяет системы культуры на устные, письменные и аудиовизуальные, в зависимости от преобладающей системы и строится процесс мышления. Читая книгу, люди думают линейно и последовательно, а читая информацию в электронной форме - «мозаично», через интервалы.

Несмотря на такое многообразие подходов к изучению коммуникации, в науке так и не выработалось единого взгляда на коммуникативные процессы, посредством которых существует любой индивид, группа, общество, культура. В самом широком смысле слова Ф. И. Шарков определяет коммуникацию «и как систему, в которой осуществляется взаимодействие, и как процесс-взаимодействия, и как способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию»¹¹⁵.

В. П. Конечкая считает, что «коммуникация социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по разным каналам при помощи различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных и др.)»¹¹⁶.

Г. Г. Поченцов пишет: «Под коммуникацией мы будем понимать процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы. Исторически коммуникацией было именно это: принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть для коммуникации существенен переход от говорения одного к действиям другого»¹¹⁷. Данное определение, на наш взгляд, учитывает только односторонний момент передачи информации: от субъекта к объекту коммуникации, не рассматривая ее как взаимообмен, который постоянно присутствует, например, в ситуации непосредственного взаимодействия. Сам анализ коммуникации идет в рамках теории бихевиоризма, т. е. передача информации субъектом выступает в роли стимула, который влечет за собой реакцию объекта в виде определенного рода действия. Достаточно сказать, что передача информации не всегда преследует цель вызвать ответное действие, целью может являться и бездействие, и прекращение уже имеющего место быть действия, либо процесс передачи информации может быть отдален во времени от момента передачи до ее фактического

применения в действиях.

Довольно часто в научной литературе не разводятся понятия «коммуникация» и «общение», и именно в этом ключе трактуют понятия «коммуникативный процесс» и «участники коммуникативного процесса».

А. В. Соколов указывает: «Коммуникативное действие - завершенная операция смыслового взаимодействия, происходящая без смены участников коммуникации. Субъектами, вступившими в коммуникацию, могут преследоваться три цели: во-первых, реципиент желает получить от коммуниканта некоторые привлекательные для него смыслы; во-вторых, коммуникант желает сообщить реципиенту некоторые смыслы, влияющие на поведение последнего; в-третьих, и коммуникант, и реципиент заинтересованы во взаимодействии с целью обмена какими-то смыслами»¹¹⁸. Данное определение учитывает как заинтересованность обеих сторон коммуникации друг в друге, так и возможность возникновения взаимодействия по желанию или инициативе одной из сторон коммуникации, и цели, преследуемые участниками коммуникации.

Т. В. Науменко понимает под коммуникацией «информационное воздействие субъекта коммуникации на объект, преследующее цели, заданные субъектом»¹¹⁹, предлагая различать коммуникацию и общение именно по способу организации отношений между его участниками внутри взаимодействия. Главная особенность коммуникации - выстраивание отношений в системе «субъект - объект», в то время как общение - это отношения в системе «субъект - субъект»: «Общение - синоним речевой коммуникации. Оно представляет собой субъект-субъектное отношение. Процесс коммуникации протекает по принципу передачи информации от субъекта к объекту, в то время как общение предполагает взаимодействие субъектов по поводу объекта... Общение, в отличие от коммуникации, является двусторонним процессом обмена информацией между субъектами

коммуникативного акта. В процессе общения за счет обмена и выработки новых духовных значений происходит увеличение объема информации и обогащение ее содержания... Одна из самых распространенных форм общения - диалог, который в качестве конечного результата предполагает не просто обмен мнениями, а выработку общих позиций по обсуждаемому вопросу либо уточнение позиций друг друга»¹²⁰.

В процессе коммуникации, как считает Т. В. Науменко, в силу односторонней передачи информации, часть ее утрачивается. Этому способствуют психические особенности восприятия, например уровень сопротивляемости к воспринимаемой информации. С такой позицией трудно согласиться, так как, во-первых, Т. В. Науменко, по нашему мнению, слишком узко и однобоко трактует сам процесс коммуникации - как систему, работающую только в одном направлении; во-вторых, если субъект коммуникации заинтересован в том, чтобы объект способствовал достижению его целей, то он будет организовывать содержание информации и выбирать способы ее передачи таким образом, чтобы она не вызывала сопротивления со стороны объекта, а напротив, была ему доступна и побуждала к выполнению требуемого действия. То, что пишет автор, имеет весьма ограниченную область применения, и распространяется на жестко организованные социальные системы (армия, исправительные учреждения и т. п.).

Отличительной особенностью социальной коммуникации А. В. Соколов считает то, что «объектом взаимодействия между коммуникантом и реципиентом является осмысленное сообщение, и совершается взаимодействие не в психической (внутренней коммуникации), а в социальной среде, то есть в социальном времени и пространстве. Сообщение имеет чувственно воспринимаемую форму (звук, изображение), но может и не иметь ее - гипноз, психическое заражение и т. п.»¹²¹. А. В. Соколовым не учтена деятельностная сторона

социальной коммуникации.

Б. А. Родионов предлагает отличать коммуникацию как определенную направленность обмена информацией от коммуникативной функции явлений как конкретного способа связи, взаимодействия материальных объектов между собой. Социальную коммуникацию он понимает «как средство организации совместной деятельности на основе направленной передачи и обмена информацией»¹²².

Условием социальной коммуникации является социальный контакт. «Социальный контакт, - пишет Родионов, - это связь между людьми на основе включенности в систему совместной деятельности. Он фиксирует... функциональную сторону взаимоотношений людей, содержание же этих отношений может быть выражено в той или иной форме коммуникации, где всегда большую, если не первостепенную роль играет ценностный аспект контактов людей»¹²³. Назначение контакта - дать возможность для процесса обмена информацией, степень контактности социальных явлений имеет существенное значение для эффективного протекания самой коммуникации. Назначение социальной коммуникации заключается в выполнении коммуникативной функции социума. Средства реализации социальной коммуникации могут быть различные - от народных собраний до информационных агентств и международных организаций.

В итоге социальную коммуникацию можно определить как «контактный вид социальной связи, условие и специфический результат социального взаимодействия, Средство организации совместной деятельности социума на основе направленной передачи информации, взаимосвязи социальных институтов с целью удовлетворения коммуникативных потребностей, обеспечения эффективности социального управления и реализации общественных отношений»¹²⁴.

Тот факт, что социальная коммуникация представляет собой социальное взаимодействие, в основе которого

лежит направленная передача информации, позволяем рассматривать ее в качестве информационного взаимодействия.

Теория информационного взаимодействия была разработана В. З. Коганом, который не только описал его место и роль в социальных системах, но и выделил особенности прединформационного сигнального взаимодействия в дочеловеческой живой природе, дал подробный анализ структуры информационного взаимодействия на основе состояния информации и характера реализации субъектно-объектных отношений участников инфопроцессов.

Также он в своих работах подчеркивает, что «информационное взаимодействие... возникает на той ступени существования материи, которая ознаменована появлением кибернетических систем, не способных существовать вне процессов производства информации, ее передачи и потребления»¹²⁵. При этом В. З. Коган связывает виды информационных взаимодействий с формами движения материи, делая акцент на том, что смена форм движения материи не ведет к исчезновению предыдущих видов информационных взаимодействий, а рождает новые. Главное отличие в таком случае заключается не в количественных, а в качественных изменениях.

Для нас наиболее актуальным является информационное взаимодействие, существующее в рамках социальной формы движения материи. Оно принципиально отличается от предыдущих форм тем, что для него характерны: во-первых, осознанность инфопроцессов, которая составляет их основу; во-вторых, возникновение языковых знаковых систем, благодаря чему становятся возможными хранение и передача информации на различные расстояния.

Информационное взаимодействие, как и социальная коммуникация, социальное взаимодействие, предполагает существование субъекта - производителя информации и

объекта - потребителя информации в данном случае. Характеризуя их положение и взаимосвязь в информационном взаимодействии, В. З. Коган подчеркивает, что субъектом такого взаимодействия может быть индивид или группа, которые производят или передают информацию, и объектом тоже может быть тот же самый индивид, социальная группа или все общество. Именно этим обусловлен характер и скорость протекания взаимодействия, так как субъект в своих действиях должен постоянно ориентироваться на специфические характеристики объекта, в противном случае достижение целей, преследуемых субъектом информационного взаимодействия, может оказаться под угрозой.

Описывая содержание информационного взаимодействия, В. З. Коган указывает, что момент передачи информации субъектом в ситуации «лицом-к-лицу» одновременно позволяет выявить и получить обратную информацию относительно объекта взаимодействия и его изменений, возникающих в процессе контакта. В таком случае субъект может внести необходимые коррективы в процесс взаимодействия, т. е. повысить степень его эффективности. Здесь мы имеем дело с характерным феноменом: «Субъект переживает состояние «перевертывания» и осознает себя в качестве объекта, осуществляя эту операцию на базе рефлектирующего отношения с противостоящим индивидом или группой таковых»¹²⁶. Следовательно, речь может идти о двунаправленности информационного взаимодействия и единстве двух процессов - субъектно-объектного и объектно-субъектного, причем во втором случае интенсивность связи будет ниже, чем в первом.

Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на зависимость сторон инфовзаимодействия, одна из них всегда будет ведущей - именно та, которая играет ведущую роль при осуществлении инфоконтакта, т. е. является производителем и передатчиком информации. Сразу следует отметить, что не всегда первенство в

установлении отношений может принадлежать потребителю информации (адресату), он, испытывая потребность в того или иного рода информации, может сам начать ее поиски. Но он никогда не сможет удовлетворить, эту потребность, если необходимая ему информация не будет кем-то произведена и сохранена в определенной знаковой форме, либо ему самому придется стать ее производителем, и тогда уже перейти из разряда объекта информационного взаимодействия в разряд субъекта. Именно, исходя из этого, производителя информации следует рассматривать как ведущую сторону) информационного взаимодействия, а потребителя - как его активного участника.

При более пристальном изучении субъекта информационного взаимодействия становится очевидным, что производитель информации и ее транслятор не всегда будут представлять собой одно и то же лицо, особенно это относится к массовой информации. Наиболее наглядным примером выступает процесс обучения.

Информационное взаимодействие сопровождает человечество на протяжении всей его истории, постепенно расширяясь и усложняясь, приобретая все новые формы. Если рассматривать его с точки зрения отдельных структурных единиц, то это будут инфоконтакты, представляющие собой акты передачи-приема информации. Вполне естественным, на наш взгляд, является исследование информационного взаимодействия не как процесса непрерывной трансляции общего потока информации, а как передачу отдельных инфоблоков, состоящих из отдельных инфоединиц, в роли которых могут выступать отдельные слова, семантические образования, синтагмы - в зависимости от масштаба их анализа.

В. 3. Коганом разработана последовательная схема протекания информационного взаимодействия в виде пяти сменяющих друг друга фаз.

1. *Предфаза*. Предшествует процессу производства и

потребления информации. На этой стадии «происходит контакт с базовым фактом, под которым понимаются свойства вещей, отношения объективного мира, проявляющиеся в процессе человеческой деятельности, будь то деятельность познавательная или преобразующая»¹²⁷. Необходимо подчеркнуть, что вычленение из окружающего мира отдельных фрагментов происходит благодаря избирательному отношению человека к действительности и совершается в процессе вычленения базового факта в результате оценочного отражения, которое напрямую зависит от целей и потребностей субъекта информационного взаимодействия. Предфаза является непременным условием производства информации.

2. *Фаза производства.* «На этой стадии производящий придает полученным сведениям, выступающим в роли содержания, ту или иную знаковую форму, тем самым создавая сообщение, производя информацию. К этой же стадии следует отнести все процедуры, связанные с упорядочением информации и формированием массивов информации, предназначенных для последующей передачи»¹²⁸. Основной акцент в этой фазе ставится на формы, средства производства информации, выбор кодирующей системы. От того, насколько она будет точно отражать знания, полученные на первом этапе, и от того, насколько она будет доступна принимающему и потребляющему информацию, будет зависеть ценность самой информации и возможность ее использования (ценность информации для потребителя).

3. *Фаза передачи.* На этом этапе «происходит передача информации при помощи соответствующей системы технических средств (опосредованный инфоконтакт) или без таковых (непосредственный инфоконтакт)»¹²⁹. Нам известно три способа передачи информации: устный, или «face-to-face», письменный и электронный. Разговор о ценностных аспектах на фазе производства предполагает вычленение возможностей каждого из этих способов

передачи информации, их роли в сохранении качества информации и доступности для потребления и использования получателем.

4. *Фаза потребления.* «Получив информацию, люди используют ее»¹³⁰. Именно в фазе потребления включается вторая сторона информационного взаимодействия объект. На этой стадии понятие ценности приобретает более сложный характер. Если на предфазе - создание информации в качестве ценных признаются явления и события реальности, способы их отражения и возможности средств передачи информации, то в этой фазе происходит оценка информации и ее значимости с позиций объекта информационного взаимодействия, с точки зрения его целей и потребностей, его личностных установок. Для объекта существенно не только содержание передаваемой информации, способы и средства ее передачи, но и сам источник информации.

Процесс инфовзаимодействия есть процесс субъектно-объектных отношений, а так как под объектом понимается тоже человек, то особенно значительную роль на этом этапе играют психические явления. Мы можем многого не понимать в получаемой информации, мы можем заведомо сомневаться в ее истинности, но если мы верим субъекту информационного взаимодействия, то любая информация

может рассматриваться и приниматься в качестве ценной.

Примером такого положения вещей являются культуры и цивилизации харизматического типа, в основе которых лежит вера в вождя и поклонение ему; культуры традиционного типа, в которых особенно сильна роль традиций и религии, в них потребляемая информация обладает абсолютной ценностью для объекта. Необходимо учитывать момент ценности передаваемой информации и для субъекта инфовзаимодействия. Передавая

информацию, он заинтересован в ее использовании объектом с результатом, выгодным для передающего субъекта. На основе этого субъект производит отбор содержания и средств передачи.

5. *Постфаза.* «Использование информации индивидом и группами людей вряд ли можно рассматривать как процесс, всегда проходящий в явной форме»¹³¹. Судить о достижении целей субъекта инфовзаимодействия можно только по поступкам и действиям потребителя информации. Но этот процесс может протекать и в скрытой форме, иметь временную протяженность. Процесс усвоения информации и перевод ее во внутренние структуры сознания и действия человека, как и процесс усвоения ценностей, имеет ряд этапов: от чисто внешнего («простое знание и понимание») до полного внутреннего усвоения - интернализации (информация становится «своей» и начинает использоваться как в мыслительной, так и в практической деятельности).

Рассматривая структуру информационного взаимодействия и социальной коммуникации, можно заметить, что у них много общего. В обоих случаях имеется субъект и объект взаимодействия, содержание, по поводу которого оно возникает, средства и способы организации этого содержания. Но при этом в пятичленной схеме информационного взаимодействия акцент делается на процессах производства и передачи информации, в то время как исследователи социальной коммуникации в зависимости от целей анализа выделяют в ней такие компоненты, как: ситуация, в которой возникает взаимодействие, ролевые позиции участников, сам ход действия, ключ, нормы и жанры (Д. Хаймс). Д. Берло обращает внимание на коммуникативные умения, установки, знания, социальную систему, культуру; Дж. Фишман ставит акцент на ценностях, выводимых из поведенческих сфер общения, исследуя коммуникативную сеть, непосредственную интеракцию (личную, формальную и т.д.).

Й. Краус выделяет в структуре коммуникации три слоя: объективный, субъективный и внешний. Объективный проявляется в речевой ситуации и отражается в речевой функции как цели общения, в форме

речи (устная, письменная), в степени спонтанности и подготовленности речи, в показателях приватности или официальности, в числе и расположении участников, в непрерывности и прерывности речевого акта, в прямом или опосредованном общении, в отражении обстановки общения в тексте. Субъективный слой связан с персональными особенностями участников взаимодействия: социальный статус, пол, возраст, жизненный опыт, психологические характеристики, авторские интенции и их реализации в интерпретации адресата, отношение участников к теме, восприятие мира в рамках идеологии (реальный или ожидаемый мир). Внешний слой обусловлен культурным уровнем общества, традицией жанровых форм, социальным, идеологическим и культурным аспектами общения, техническими возможностями (частное письмо, массовая коммуникация).

В итоге становится очевидным, что понятие «социальная коммуникация» включает в себя более широкий спектр параметров исследования, а информационное содержание - только ее часть. Поэтому информационное взаимодействие можно рассматривать как частный аспект социальной коммуникации, одну из ее сторон, в большей степени касающуюся ее содержания, так как оно связано с процессами производства, передачи и использования информации - именно здесь наиболее ярко проявляют себя ценностные аспекты, которые играют ведущую роль в инфообменных процессах.

Следовательно, информационное взаимодействие - это вид социального взаимодействия, возникающий в связи и по поводу производства, передачи и потребления информации субъектом и объектом коммуникации.

Если рассмотреть соотношение понятий «информационное взаимодействие» и «социальное взаимодействие», то необходимо заметить, что первое является одним из видов второго. В рамках социологии социальное взаимодействие исследуется в контексте изучения человеческого поведения, его структуры, целей,

мотивов и потребностей. Но так как социальное поведение - это целая система или серия поступков, возникающих в связи с каким-то или по поводу какого-то содержания, то в качестве этого содержания и может выступать процесс передачи и обмена информацией, т. е. информационное взаимодействие. Если начинать выстраивать цепочку с момента создания информации, которая затем становится содержанием, то необходимо говорить об информационном взаимодействии, которое составляет ядро социального взаимодействия, так как все развитие человеческого общества определяется процессами циркулирования информационных потоков.

В любом случае мы имеем дело с взаимодействием кого-то с кем-то, однако отношения между участниками могут выстраиваться по-разному.

Между партнерами могут быть отношения равноправия, что возможно в случае признания обеими сторонами равноправия сознания каждого. Отношения равноправия между партнерами по взаимодействию являются предметом пристального внимания М. Бубера, поскольку равноправное взаимодействие возможно в ситуации «прорыва» одного сознания к другому, в ситуации одновременного различения и идентификации себя и другого. «Прорыв» к другому осуществляется на уровне чувств и эмоций и свое выражение находит в третьем: в Боге. Изучая проблему диалога, М. Бубер выделяет три типа отношений, в которые включен человек: отношение к природе, которое «замирает на пороге языка», отношение с другими людьми, где оно принимает речевую форму и жизнь духовными сущностями. В любом типе отношений индивид раскрывает себя как личность и индивидуальность. Индивидуальность выявляет себя, обособляясь от других индивидуальностей, личность же выявляет себя, вступая в отношения с другими личностями. «Личность осознает самое себя как участвующую в бытии, как сосуществующую, и через это - как существующую. Индивидуальность осознает самое

себя как существующую так и не иначе. Личность говорит: "Я есть", индивидуальность - "Я такова". "Познай самого себя" означает для личности: познай себя как бытие, для индивидуальности: познай свой способ бытия»¹³².

Общение, согласно Н.А.Бердяеву, можно рассматривать как выход из состояния замкнутости на самом себе. Оно есть прорыв через пространство и время к другому. « "Я", смотря в зеркало, хочет увидеть свое отражение..., чтобы подтвердить свое существование в другом. В действительности "Я" хочет отразиться не в зеркале..., а в другом "Я", в "Ты", в общении. "Я" жаждет, чтобы какое-либо другое "Я" в мире, кто-либо другой (не объект) окончательно его признал, утвердил, увидел его в красоте, услышал, отразил... Нарциссизм есть неудача любви, отражение в объекте, при котором субъект остается в самом себе, не выходит из самого себя»¹³³.

При равноправных позициях участников взаимодействия можно говорить об одинаковой ценности партнеров друг для друга, вне зависимости от предмета сообщения. Эта ситуация изначально ориентирует их на возможность услышать, понять друг друга.

Другой вид взаимодействия партнеров можно охарактеризовать как принудительный. Он находит свое воплощение в основном в формах управления. Взаимодействие в этом случае может осуществляться посредством отдавания приказов (причем адресат изначально должен признавать властные полномочия адресанта), в процессе обучения (когда акцент ставится на репродуктивных методах) и в процессе внушения суггестии (когда используется принудительная сила слова). Такой тип взаимодействия партнеров по коммуникации для субъекта имеет ценность с точки зрения достижения своих целей. Объект для субъекта ценен лишь как инструмент, средство, поэтому объект должен обладать такими качествами, как исполнительность, обязательность и т.п., что облегчает «силовой половине»

коммуникации продвижение к намеченной цели.

Третий тип взаимодействия между коммуникантом и реципиентом - это подражание. В этом случае позиции субъекта и объекта как бы меняются местами. Активная роль субъекта переходит в пассивную, и наоборот. При подражании объект сам выбирает себе субъекта и использует его в качестве образца. Коммуникант зачастую даже может не сознавать своего участия в коммуникативном акте, либо его может вообще не существовать. Возникают объектно-субъектные отношения. В этом виде взаимодействия в первую очередь следует говорить о ценности субъекта для объекта, позиция и отношение субъекта к объекту и способы подражания не имеют значения.

Итак, три основных способа реализации взаимодействия - это диалог, управление и подражание.

Возможность и ценность информационного взаимодействия связана с адекватным чувственным отражением друг друга общающимися субъектами, накоплением и правильным обобщением ими информации друг о друге, а также с ситуацией, в которой происходит общение, с социальными ролями, которые играют участники коммуникации в социальной группе или за ее пределами, с социальной и физической ориентированностью участников по отношению к центру группы, что, в свою очередь, будет определять значимость их друг для друга, объем, содержание и форму сообщения, неравномерность количества информации, исходящей от разных участников коммуникативной группы. На выбор формы общения будет также влиять канал связи, код сообщения, социально обусловленные варианты речи, неязыковые голосовые сигналы.

Средства коммуникации, которыми пользуются для установления контакта друг с другом, общественны по своему происхождению и индивидуальны по употреблению.

Информация, поступающая в процессе взаимодействия

к каждому из участников, складывается из тех сигналов, которые человек в ходе совместной деятельности получает непосредственно о других участниках. В нее обязательно входят сведения, которые он прямо черпает о себе через посредство своих экстеро-, проприо- и интерорецепторов, сигнализирующих о ходе его собственного участия в деятельности, достигаемых результатах, его состояниях и пр. Индивид также постоянно получает информацию о внешних для всех участников деятельности условиях, в которых, а может быть и благодаря которым, эта совместная деятельность разворачивается. Индивид получает информацию и об общих итогах деятельности.

Степень влияния сигналов информации, поступающей от другого человека, и преимущественный отклик на одни из них и полное или частичное игнорирование других зависят не только от объективного значения этих сигналов для результатов совместной деятельности, но и от их субъективного значения, которое может не совпадать с объективным. Значимость сигнала, т. е. субъективное отношение человека к поступающей информации, влияет и на объем переработки получаемой информации.

Необходимо учитывать, что, вступая в контакт, мы не только передаем какую-то информацию о каком-то предмете, но и о самих себе, своем состоянии, своем отношении к предмету и собеседнику, который в результате процесса «перевертывания» занимает нашу позицию. При этом происходит «перевосложение» воспринимающего информацию в передающего, т. е. подчинение его ритму разговора, письма и пр. по принципу идентичности. С одной стороны, «Я», вступая во взаимодействие, полностью подчиняет своего собеседника своему видению, в противном случае коммуникация будет иметь нулевое значение, а с другой стороны, «Я», понимая его, уподобляется ему. Таким образом, то, что сообщается субъектом взаимодействия, всегда переводится в термины, близкие объекту коммуникации, и идентифицируется с его личным опытом, что и является обязательным условием

декодировки сообщения.

В противном случае в ситуации непереводимости «Я» оказывается не в состоянии осуществлять коммуникативные действия, не владеет коммуникативным пространством и испытывает своего рода коммуникативный шок. Происходит акт переживания своей неидентичности, эффект «выбрасывания» «Я» из ближайшего к нему пространственно-временного порядка.

В структуре информационного взаимодействия важно не только содержание, но и семиотическая, знаковая форма сообщаемого. Форма сообщаемого определяется многими факторами, важнейшими из которых являются язык, на котором создается сообщение и индивидуальные особенности субъекта сообщения.

В качестве важнейших составляющих структуры информационного взаимодействия можно выделить субъекта, содержание и формы сообщения, так называемую невидимую модель, обусловленную ограниченностью языка, объекта, объем тезауруса субъекта и объекта, наличие у субъекта и объекта хотя бы предполагаемого одинакового языкового опыта и одинаковой картины мира, которые позволяют осуществлять процесс кодировки, декодировки и перекодировки поступающей информации, а также «прочитывать цели» участников коммуникации, что в свою очередь и будет определять ценностные характеристики информационного взаимодействия, протекающего как на уровне межличностных, так и на уровне межкультурных контактов. Весьма условно их можно разделить на ценностные аспекты, относящиеся к форме и содержанию информационного взаимодействия, которые играют важнейшую роль в организации и управлении процессами взаимодействия в обществе и культуре.

Говорить о ценностных аспектах информационных процессов допустимо по следующим причинам:

1. Любой акт производства, передачи и

воспроизводства информации можно исследовать с точки зрения целей и потребностей участников информационного взаимодействия, на основе чего и говорить о качестве информации как об одном моменте ее ценности.

2. Любая информация, предназначенная для передачи, может быть ценной с точки зрения объекта ее потребления, следовательно, любая информация обладает потенциальной ценностью.

3. Любой процесс создания и передачи информации есть результат субъектно-объектных отношений, которые могут рассматриваться в качестве ценностных, делающих возможным производство и передачи информации. Причем в качестве базового факта на стадии производства может выступать любой фрагмент действительности, что позволяет говорить о ценности источника информации для субъекта.

4. Любые способы передачи информации (устный, письменный, электронный) могут рассматриваться в качестве ценностных форм, позволяющих человечеству транслировать свой опыт.

5. Создание языка обусловило знаковый характер человеческой культуры и человеческого общения, сделав знак «социокодом человечества», следовательно, можно говорить о ценности языка как средства человеческой памяти, познания мира и общения.

ГЛАВА 3. ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

3.1. Ценностные аспекты внешних форм протекания информационного взаимодействия.

Коммуникация, как и инфовзаимодействие, постоянно сопровождает развитие человеческого общества, но это не означает, что общий поток инфовзаимодействия не возможно расчленить на пространственно-временные элементы. За единицу инфовзаимодействия можно принять отдельный инфоконтакт, т. е. отдельный акт передачи- приема информации. Следовательно, процесс инфовзаимодействия можно представить не как трансляцию вообще всей информации, а как передачу неких образований - инфоблоков, в роли которых могут выступать отдельные слова, семантические образования, синтагмы.

Огромную роль в протекании информационных процессов имеют формы передачи информации или знаковая система, с помощью которой информация оформляется и направляется к объекту.

Используя пятичленную структуру инфовзаимодействия, можно заметить, что семиотика наиболее активно проявляет себя на фазе производства, в рамках которой идет инфогенез, и на фазе передачи, где реализуются коммуникативные функции инфосемиотики. Только та знаковая форма, которая понятна и удобна как для субъекта, так и для объекта инфовзаимодействия, делает оптимальным весь ход процесса. В случае неадекватности знаковой формы, выбранной при инфогенезе субъектом, акт приема и потребления информации объектом может совершиться частично или не совершиться совсем.

В случае доступности знаковой формы для объекта процесс декодировки информации будет продолжаться на

фазе потребления. В этой ситуации полнота извлечения прямо пропорциональна доступности знаковой формы для объекта, а адекватность извлеченного содержания базовому факту в значительной степени зависит от удачности выбора субъектом знаковой формы на фазе производства. Используемая им семиотическая система должна быть релевантной базовому факту и способной отразить в знаковой форме весь его объем и содержание.

Если под инфовзаимодействием понимать осмысленное взаимодействие, то коммуникативное понимание - это понимание знакового смысла сообщения. Процесс осмысления связан с психическим отражением объектов познания (сообщений), в результате которого создаются и воссоздаются старые, но по-новому увиденные, так или иначе эмоционально окрашенные системы концептов и образов. Более узко под смыслом одного определенного сообщения можно понимать то содержание, которое слово (высказывание, оборот речи и т.д.) получает в данном контексте употребления, в данной речевой ситуации. Можно говорить о трех уровнях понимания коммуникативных сообщений:

- реципиент не постигает глубинного смысла сообщения, ограничиваясь лишь поверхностным восприятием;
- реципиент получает новое для него знание: в таком случае происходит слияние коммуникативного понимания с познавательным;
- реципиент запоминает, повторяет, переписывает отдельные слова или фразы, не понимая даже поверхностного смысла сообщения: в этом случае можно говорить лишь о псевдокоммуникации, когда нет движения смысла, а есть лишь движение материальной оболочки знака.

На основе приведенной выше классификации, вслед за Н. И. Жинкиным, можно дать определение сущности коммуникации: «В процессе коммуникации происходит преодоление устаревшей информации и переустройство

памяти на новую, более совершенную. Это достигается тем, что наличная информация, принятая при участии аналоговой сенсорики (непосредственно доступная интеллекту), преобразуется в сети интеллекта на множество дискретных единиц, соответственно накопленной ранее системе предметных отношений (знаний). Обработка интеллекта состоит в том, что возникает гипотеза о более оптимальном распределении с учетом новой информации, и этот "замысел" поступает на речевой выход»¹³⁴.

Целью информационного взаимодействия, как правило, является адекватная передача информации. Положительным результатом коммуникации принято считать ситуацию, в когда информация, полученная адресатом, полностью идентична той, которую отправил адресант, и наоборот. В идеальной ситуации необходимо, «чтобы они (участники взаимодействия - *Т. Чапля*) в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную одну и ту же личность, так как код включает в себя не только набор правил шифровки-дешифровки сообщения, но и обладает многомерной иерархией»¹³⁵. Но подобная ситуация реально возможна только теоретически, на практике дело обстоит несколько иначе. Для адекватности передаваемого сообщения необходим ряд условий. Субъект и объект должны пользоваться абсолютно идентичными кодами, обладать единством языкового опыта, тождественным объемом памяти, единством представлений о норме, языковой референции и прагматике, одним способом усвоения традиций и раскрытием их по одинаковым индивидуальным законам. Выполнение всех этих условий, или даже одного из них, невозможно в силу личностного своеобразия каждого человека.

Понятие кода подразумевает представление о структуре, искусственно созданной и введенной благодаря договоренности. Код ориентирован на искусственный

язык, естественный язык - это не только код, но и некоторая история, которая имеет индивидуальное развитие и преломление. Гипотетически передача информации внутри структуры, пользующейся искусственным языком, действительно гарантирует участникам информационного взаимодействия высокую, абсолютную степень понимания, но его ценность будет очень невысока, а количество передаваемой информации будет строго ограниченным; можно сказать, что участники такого взаимодействия очень хорошо смогут понимать друг друга, но им будет не о чем говорить. Использование кода действительно является эффективным средством передачи информации в определенных случаях: при отдаче команд, в различных чрезвычайных ситуациях и т.п.

Согласно У. Эко, код устанавливается тогда, когда участник взаимодействия имеет в своем распоряжении набор известных символов, из которых он осуществляет выбор, комбинируя их по известным правилам. Благодаря этому формируется приблизительная структура кода, включающая в себя две оси: вертикальную парадигматическую (набор символов и правил их сочетания) и горизонтальную - синтагматическую (комбинация символов, представляющих собой речь). «Код - это факт культуры, который описывается с помощью системы отношений, устанавливаемой кодом и усваиваемой данным сообществом в данное время»¹³⁶. Таким образом, код является результатом селективного отношения человека к окружающему миру, а также средством описания и освоения этого мира, так как по мере роста информации об окружающей действительности возникает потребность в создании определенных схем, которые бы упрощали возможность «овладения» этим миром. Код в конечном итоге становится средством управления (в некотором смысле) процессами, протекающими в культуре и обществе, т. е. выполняет роль некоторого унифицирующего средства, позволяющего людям понимать друг друга, объединяя их тем самым в

единое сообщество. Код служит транслятором различного рода информации, является средством осуществления взаимодействий, коммуникации.

По мере создания и развития кодовых систем оформляются особые структуры восприятия и отражения мира и отношений внутри него. Такой процесс схематизации, пронизывающий все структуры и уровни этого мира, имеет двойное значение: с одной стороны, он облегчает жизнь человека с себе подобными, именно потому, что дает ему в руки инструмент не только познания, но и понимания себя и другого; с другой стороны, ограничивает свободу индивида, предлагая ему готовые средства и системы символов по освоению мира. Следует отметить, что коды являются продуктами культуры, они оформляются и изменяются в ходе ее эволюции и в результате оказываются совместимыми с большим количеством других систем.

Благодаря существованию различных кодовых систем, мы получаем возможность оценивать действия других людей, начиная с предписывания интересов, выяснения мотивов «для того, чтобы» и вплоть до мотивов «потому, что». Такого рода возможность Н. Луман рассматривает как генерализацию, под которой он понимает «обобщение смысловых ориентаций, делающее возможным фиксацию идентичного смысла различными партнерами в различных ситуациях с целью извлечения тождественных или сходных заключений»¹³⁷. Полученная таким образом относительная свобода от ситуации редуцирует в каждом отдельном случае усилия по производству и оценке информации и избавляет от необходимости полной переориентации при переходе от одного случая к другому. В результате поведение и его осмысление становится предсказуемым. Таким образом, «код - это такая структура, которая для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент»¹³⁸.

Существование кодов играет большую роль в создании

комплексных систем, причина этого кроется в способности кодов к одновременной универсализации и спецификации. При этом, как подчеркивает Н. Луман, каждый код строится на сопряжении позитивного и негативного, и смысл заключается не в длительности или вероятности распределения этих возможностей, а именно в наличии таковых, что способствует дальнейшему развитию процессов взаимодействия.

Эффективность кода зависит от степени абстракции, с помощью которой он отражает ту или иную систему отношений. Главный признак кода - это его обезличенность, позволяющая выстроить дифференцирующую схему безотносительно к какому-либо конкретному лицу. Явно, что по мере накопления информации о том или ином фрагменте окружающей действительности код все меньше будет зависеть от конкретного лица и все больше - от условий самого кода. То есть получается, что чем больше дифференцируются области, охватываемые кодом, тем большее влияние он будет на них оказывать, определяя условия и возможности их существования и взаимодействия. Параллельно с этим будут идти процессы дифференциации внутри каждой отдельной системы общества и культуры, в итоге это приведет к возникновению смежных кодов, которые будут отличаться большей конкретностью и контекстуальностью, но меньшей степенью нормативности и публичной «выразительности», зависимостью от внутрисистемного функционирования и других специфических особенностей (умения нравиться, знания своего окружения, истории).

Любой код изначально дуально структурирует возможности схематизации, причем только в этом случае он и способен стать кодом. Бинарность является необходимым условием существования и формирования кода, так как только в этой форме возможна комбинация универсализма и спецификации, т.е. каждый элемент кода должен быть однозначно соотнесен с другим определенным элементом. При этом бинарный схематизм

служит не разделению, как может показаться на первый взгляд, а соединению противоположного. Дуальность облегчает переход от первого определения ситуации к его противоположности, потому что для этого требуется только отрицание, допущение которого внутрь системы ею же и регулируется.

Главное требование, предъявляемое ко всем кодам, заключается в том, что они не должны мешать способности участников взаимодействия к переработке информации. Один из таких кодов - язык. И это позволяет говорить о ценности его самого. В первой половине XX в. была выдвинута гипотеза Сепира - Уорфа, согласно которой язык имеет абсолютную ценность, так как логический строй мышления всецело определяется языком. Характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятия так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения, имеющего силу лишь для этого языка. Признание абсолютной ценности языка дает основания говорить об отсутствии объективного, общезначимого характера познания, потому что язык, согласно гипотезе Сепира - Уорфа, предстает как самодовлеющая сила, творящая мир, а не как результат отражения человеком окружающего мира.

Таким образом, можно говорить о подчинении человека языку, о невозможности посредством языка выражать внутренние состояния, так как для выражения боли или радости обычно используют жесты, иногда междометия, а язык способен только именовать, но, с другой стороны, мы не можем выразить себя, свою субъективность и сообщить о ней без помощи языка.

Э. Сепир выделяет основные черты, присущие всем языкам:

1. Язык в своей основе - система фонетических символов для выражения поддающихся передаче мыслей и чувств.
2. Язык представляет собой не только

последовательность артикулированных звуков, но его значимая структура зависит от бессознательного отбора фиксированного количества «фонетических позиций» или звуковых единиц.

3. Наличие психических качеств:

а) язык выступает как совершенная символическая система, использующая абсолютно однородные средства для обозначения любых объектов и передачи любых знаний, на которые способна данная культура. Это качество дает возможность переступать пределы непосредственно данного индивидуального опыта и приобщаться к общепринятому пониманию окружающего мира;

б) язык весьма тесно переплетается с реальным человеческим опытом, замещая его в том смысле, что в процессах межличностного поведения язык и деятельность взаимно дополняют друг друга.

Э. Сепир и Б. Уорф подходили к языку, отталкиваясь от непосредственных наблюдений за речевыми процессами. Примерно в это же время лингвисты исследовали язык в других, более «теоретических» аспектах. Ф. де Соссюром и его последователями изучалась структура языкового знака. В конечном итоге и этот подход вывел ученых к проблемам взаимосвязи восприятия мира и языка и объективного характера картины мира.

Вопрос о знаковом существе языка имеет свою предысторию: в античности примером может служить диалог Платона «Кратил», а также труды стоиков, в средневековье - это представители схоластики. Ф. де Соссюр представил язык как сложную знаковую систему, построенную на принципах соответствия означаемого и означающего. Теория Ф. де Соссюра стала почвой для толкования языка как константной структуры, доступной всем членам общества. Это толкование основывается на том, что означающее и означаемое в языке находятся в отношении строгой взаимной

предопределенности, вследствие чего языковые знаки поддаются одинаковой интерпретации со стороны всех членов данного языкового коллектива, что и обеспечивает им лингвистическое тождество за счет того, что сами эти знаки предстают как номенклатура языковых средств, пригодных для выражения любых мыслей, одинаково послушных и безразлично обслуживающих все группы и слои общества.

Такой подход удобен для различного рода классификаций, применяемых для описания языка классической лингвистикой. Но функционирующий язык не может быть системой тождественного соответствия означаемого и означающего, напротив, он осуществляется и множеством отступлений от тождественности, поэтому корректно говорить о соотношенности плана формы и плана содержания. Язык осуществляется в речи. Концепция разделения речи и языка принадлежит Ф. де Соссюру. Он последовательно различал речь как результат использования языка при индивидуальном говорении и язык как систему взаимосвязанных знаков. Речь в его понимании индивидуальна, линейна, явно наблюдаема, язык же, напротив, социален, нелинеен (многомерен) и воспроизводится только умозрительно.

Взаимоотношения между речью и языком можно назвать диалектическими. Язык определяет речь, так как считается с условиями коммуникации, именно он прокладывает путь от интеллекта к действительности, чтобы партнеры от субъективных восприятий действительности перешли к объективному ее пониманию. Речь содержит неизмеримо больше информации, чем язык, она содержит информацию о языке, о той части действительности, о которой говорится в речи, и о говорящем человеке во многих аспектах.

Любой акт речи, как и акт информационного взаимодействия (инфоконтакт), включает в себя: отправителя (субъекта), получателя (объекта), форму сообщения, канал связи, код, тему, обстановку, что дает

право рассматривать акт речи как взаимодействие сквозь призму субъектно-объектных отношений.

Взаимодействие в сфере общения осуществляется, как правило, через речевую коммуникацию, которая включает в себя следующие элементы: но меньшей мере два коммуникативных партнера; предмет или событие, по поводу которого организуется общение; знак (знаковая система), посредством которого коммуникативные партнеры сообщают друг другу относительно предмета или события то, что они мыслят или чувствуют. В широком смысле слова коммуникация включает отношения между людьми, основанные на использовании языка, познание, оценку и влияние субъекта и объекта коммуникации друг на друга посредством знаков или знаковых систем.

Язык постоянно соучаствует во всех мыслях и поступках, и человек не в состоянии отменить или ограничить это соучастие, «язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности»¹³⁹.

Под разными углами зрения язык может выступать как устойчивое образование, используемое в качестве ключа к системе человеческой мысли, формам существования культурно-исторических традиций, к природе человеческой психики. Как надындивидуальное социальное учреждение язык может служить для характеристики национальных особенностей, как колеблющееся и изменяющееся явление с глубинной «ландшафтной» (М. Хайдеггер) структурой язык является соучастником процесса самоосуществления личности.

Язык также - это система, в которой представлены объективная действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его

мыслями, чувствами, поступками. В языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах этого взаимодействия. Следует подчеркнуть, что «отдельные люди, усваивая язык, пользуются им не только в общении, но и во всей своей языковой по форме, то есть сознательной, психической деятельности. Язык также участвует в мышлении, как и в общении, оформляя мысль или фиксируя ее для индивида. Язык участвует в таких собственно мыслительных функциях, как осознание эмоциональных переживаний путем их означения или означения запоминаемого содержания и включение его в соответствующие словесные связи для удержания в памяти и т. д.»¹⁴⁰. Конечно, язык не может существовать вне культуры, вне системы социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни. Исследуя проблему взаимосвязи языка и культуры, Э. Сепир писал: «Внутреннее содержание всех языков одно и то же - интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма ... не что иное, как коллективное искусство мышления, искусство, свободное от несущественных особенностей индивидуального чувства... Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же - то, как думают»¹⁴¹.

Внутри любого культурного сообщества существуют определенные группы и слои, которые выстраивают свой собственный язык. В зависимости от того, как члены данного говорящего сообщества относятся к соблюдению правил использования языка, складываются языковые особенности различных функциональных подсистем.

В каждой социальной группе, по утверждению Р. Барта, складывается своя картина восприятия мира, побуждающая индивида думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те элементы действительности, которые признаны данной картиной восприятия мира. На индивидуальном уровне это приводит

к тому, что из накопленных форм восприятия мира индивид заимствует «свой язык», а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности. Поэтому человек в силу использования «чужого языка», уже существовавшего до него, многократно использованного и используемого другими, обречен «разыгрывать» свои собственные эмоции и чувства на чужой «языковой сцене».

Благодаря возможности перехода от индивидуального, субъективного к интерсубъективному, и в этом смысле к объективному, усвоение правильного употребления языковых выражений можно рассматривать как усвоение соответствующих различий (или классификаций) в мире, что является необходимым условием социальной коммуникации различных носителей языка.

Одной из особенностей языка является то, что «относительно небольшой набор лингвистических элементов функционирует в огромном множестве разных контекстов и обстоятельств... Большинство слов или даже более крупных лингвистических единиц (units) обладают определенной степенью неясности, неопределенности и двусмысленности. Эти свойства делают слова и выражения более многогранными и широкоохватными, что позволяет им удовлетворять самым разным требованиям, которые может предъявлять к ним обыденный дискурс»¹⁴². Из этого следуют определенные свойства языка: неясность, неопределенность (слово, по мнению А. К. Кафанья, можно считать неопределенным, если в том контексте, в котором оно появляется, оно дает меньше информации, нежели дало бы какое-то другое слово), полисемия.

В научной литературе, выделяют следующие функции языка:

- общения, которая реализуется в трех вариантах (индивидуально-регулятивном – избирательное воздействие на поведение одного или нескольких человек; коллективно-регулятивном - в условиях массовой коммуникации; саморегулятивном - планирование

собственного поведения);

- социализации; владение языком порождает чувство общности с другими, дает возможность установления социальных контактов даже в малознакомом окружении;

- накопления и наследования культуры;

- развития индивидуальности (качество голоса, фонетическая организация речи, быстрота и четкость произношения и т.п.);

- мышления (мысль, как правило, находит свое выражение в языке, перестраивает его и побуждает к развитию, язык выступает в роли создающего «транспортера» мысли).

Э. Сепир отмечает: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, - это всего лишь иллюзия. В действительности же "реальный мир" в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества - это разные миры, а вовсе не один и тот же мир различными навешенными на него ярлыками»¹⁴³.

Так как язык пронизывает собой весь социальный мир, то он выполняет функцию объективации и устанавливает порядок, в рамках которого этот мир приобретает значение и смысл. Благодаря этому язык позволяет создавать определенные схемы интерпретации (типизации) реальности, способствующие пониманию и общению. В итоге получается, что социальная жизнь человека - это

жизнь, которую он разделяет с другими посредством языка. «Язык объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех, кто относится к данной лингвистической общности, становясь и основой, и инструментом коллективного запаса знания. Более того, язык предусматривает средства объективации нового опыта, позволяя включать его в уже существующий запас знания, и представляет собой одно из наиболее важных средств, с помощью которого объективированные и овеществленные седиментации передаются в традиции данной общности»¹⁴⁴.

Каждый индивид начинает свою жизнь с последовательного вхождения в социум, в культуру. Главным здесь является процесс интернализации, непосредственного постижения или интерпретации объективного факта как определенного значения, как проявления субъективных процессов, происходящих с другим. Это означает, что «Я хорошо понимаю другого» (но не обязательно правильно). Интерпретация составляет основу понимания с одной стороны других людей, с другой - мира как значимой и социальной реальности. Основным инструментом понимания выступает язык. Вместе с языком и посредством языка различные мотивационные и интерпретативные схемы интернализуются в качестве институционально определенных.

П. Бергер и Т. Лукман предлагают рассматривать повседневную жизнь индивида как процесс выработки им речи, речевых моделей, которые постоянно поддерживают, видоизменяют и реконструируют его субъективную реальность. Только благодаря речи одни предметы окружающего мира «выпадают» из него, другие, наоборот, добавляются, одни сектора само собой разумеющегося ослабевают за счет усиления других. В результате субъективная реальность того, что никогда не проговаривается, оказывается шаткой. Именно речевой акт дает четкие контуры ранее расплывчато и неясно

определяемым предметам, он словно рождает, их из небытия. «Индивид "вговаривает" себя в эти сомнения, они объективируются как реальность в рамках собственного сознания»¹⁴⁵. То есть речь поддерживают реальность, «проговаривая» различные элементы опыта и «помещая» их в определенные места окружающего мира.

Таким образом, язык реализует мир в двояком смысле: он его постигает и он его производит, и в этом заключается его ценность. «Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования... В самом широком смысле поддерживающими реальность другими будут все те, кто использует тот же самый язык. Значимость эту можно проследить по тому, что подразумевается под "общим языком" - от групповых предпочтений в первичных группах к региональным или классовым диалектам и к национальному сообществу, которое определяет себя посредством языка»¹⁴⁶.

Из такого рода рассуждений следует, что общение, его интенсивность, частота, последовательность и согласованность будут являться основным условием эффективного поддержания существующей реальности. В противном случае может произойти утрата образа окружающего мира, рассогласование между отдельными его фрагментами, что, в свою очередь, может стать причиной утраты индивидом связи с миром и с самим собой. Чтобы этого не происходило, общество и культура вырабатывают различные техники предотвращения подобной ситуации (например, переписка с родственниками, находящимися на расстоянии и т. п.). При этом формируются определенные виды и правила общения, например, контакты между людьми, занимающими различные социальные статусы.

Возможна и другая ситуация - когда субъективная реальность полностью трансформируется, такое тотальное изменение реальности, ее образа принято называть

альтернативой. Более наглядно ее можно представить как «демонтаж» предшествующей структуры субъективной реальности, самым ярким примером в истории может быть момент религиозного обращения. Наиболее легко он протекает в ситуации полной изоляции от прежнего окружения, но это не всегда возможно, поэтому вновь возникшее сообщество будет выполнять функцию по «уничтожению» прежней реальности и созданию новой. Одним из ключевых моментов является изменение аппарата общения и состава собеседников. Так как происходит процесс тотального изменения окружающего мира, то все его элементы, включая значимых других, должны быть истолкованы заново, переопределены. Подобный процесс реинтерпретации ведет к появлению разрывов в индивидуальной биографии, для примера это можно обозначить как «до Рождества Христова» и «после Рождества Христова». Обычно такое перетолкование происходит по формуле «Тогда я думал, теперь я знаю». Часто это предполагает перенесение на прошлое нынешних схем интерпретации («Я знал уже тогда, но не вполне отчетливо»).

Как правило, реинтерпретация также предполагает перетолкование прошлых событий и лиц, которые ранее обладали значимостью. Все это осуществляется с помощью одного и того же языка, благодаря тому, что «язык выделяет совместно пережитые отрезки жизни, фиксирует их и закрепляет текучую фактуру познаваемой реальности - язык может даже стереотипизировать совместно познанный материал. Но эта стереотипизация не сходна с той стереотипизацией, что опирается на общие понятия, которые хотя тоже выполняют функцию называния, но изымают подлежащее обозначению из специфического пространства опыта. Интересующий же нас вид стереотипизации отличается тем, что он не обобщает, не развивается в сторону классификации явлений по признаку рода и вида (классификации, которая стремится абстрагироваться от всякого особого

пространства опыта), а признает свою связь со специфическим пространством опыта и свое субъективное отношение к нему, свой перспективизм, выделяя из него лишь сиюминутное, уникальное, единственное в своем роде»¹⁴⁷. Именно стереотипизация выступает той формой абстракции, которая приводит к более или менее стандартной, хотя и довольно расплывчатой, концептуализации обыденного мышления и к неизбежной многозначности слов обыденного языка.

Любой язык можно рассматривать как некий набор соотношений, который предопределяет, какие черты или фрагменты реального мира будут достойны выражения, а также то, какие качества этих черт и какие отношения между ними будут заслуживать внимания и какие типизации, концептуализации, абстракции, обобщения и идеализации будут релевантными для достижения типичных результатов типичными средствами. «Не только в составе любого родного языка, но и в его морфологии и синтаксисе отражается социально одобренная система релевантностей языковой группы»¹⁴⁸.

Язык, с точки зрения А. Шюца, позволяет людям процесс переживания окружающего мира и самих себя в нем подвести под общие схемы опыта, другим словами, интерпретировать их, что и является результатом соотношения знака с тем, что он обозначает. Таким образом, происходит сведение незнакомого к знакомому, в итоге подобные схемы опыта сами можно рассматривать как готовые, предварительные знания, и тогда уже сами схемы опыта становятся схемами интерпретации.

Следовательно, вступая во взаимодействие с другими людьми, мы вступаем во взаимообмен определенными схемами опыта или интерпретаций, которые лежат в основе нашего взаимопонимания. Подобные схемы А. Шюц называет знаками. «Знаковые отношения представляют собой особое отношение между интерпретативными схемами, прилагаемыми к предметам внешнего мира, называемым знаками»¹⁴⁹.

При этом он так же, как и другие исследователи, считает главной функцией знака - функцию замещения. При информационном взаимодействии акт знакового понимания предполагает, что означающее интерпретируется не как сам предмет, а как то, что он обозначает: «... привычное выражение, согласно которому знак всегда является "знаком чего-то", двусмысленно. С одной стороны, знак - "знак для" значения знака, а именно того, что он означает (денотативная функция знака), но знак в тоже время и "знак для" того, что выражает, то есть переживания сознания того, кто знак употребляет. Знак по сути своей - знак, поданный мной или Другим, и поданный чтобы выразить переживание сознания; и поскольку знак всегда отсылает к действию подающего его разумного существа, то ему присуще свойство симптома переживаний сознания того, кто его подает (выразительная функция знака)... Знаки - это предметности действия или артефакты, которые не толкуются по интерпретативным схемам, конституирующимся на основании переживаний их как самостоятельных предметностей внешнего мира или хранящихся в запасе в соответствующем опытном контексте для подобных переживаний предметностей физического мира (адекватные интерпретативные схемы), но которые в силу особых предшествующих переживаний подводятся под иные (неадекватные) интерпретативные схемы, конституированные на основе политегических полаганий актов опытного познания других физических или идеальных предметностей»¹⁵⁰.

Смысловой контекст, который будет соединять эти знаки как интерпретативные схемы, в понимаемый знак для того, кто его подает и интерпретирует, А. Щюц называет «знаковой системой». Необходимо отметить, что такого рода смысловые контекстные связи возникают не между самими знаками, а между значениями этих знаков, т.е. тем «для чего знак, является знаком», а так как эти значения постигаются только с помощью знаков и в

знаках, то между ними должна обязательно существовать связь.

Одной из особенностей знака является его относительная объективность существования по отношению к тому, кто его использует, т. е. он принадлежит знаковой системе независимо от знания о том, что значит данный знак и выражением какого переживания сознания подающего его он является.

Следовательно, любую знаковую систему можно рассматривать как схему нашего опыта в двояком смысле. Во-первых, это схема выражения, т.е. знак уже, по крайней мере, однажды употреблялся субъектом для означаемого, даже если это и не осознавалось самим субъектом. Во-вторых, знаковая система - это интерпретативная схема, т.е. субъект уже толковал прежде соответствующий знак как знак данного означаемого. Владение знаковой системой, например языком, в таком случае, подразумевает постижение значения отдельного знака в рамках данной системы с эксплицитной ясностью. Это возможно только тогда, когда знаковая система (язык) и входящие в нее отдельные знаки уже имеются в наличии в модусе знания как схема выражения и как схема интерпретации.

Роль знака заключается в том, чтобы репрезентировать, замещать какую-либо вещь, выступая ее субститутотом, «подлинной» сущностью этой вещи для сознания. Поэтому знак можно определить как «материальный, чувственно воспринимаемый объект (явление, свойство, действие и т. п.), как правило, отличающийся от объекта, им обозначенного, выступающий в познании и общении людей как представитель информационно замещающий некоторый предмет или совокупность предметов, их свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщения или компонентов сообщений»¹⁵¹. Отсюда вытекают основные функции знака: информационное замещение, гносеологическая функция (при восприятии

знака в сознании реципиента всплывает представление о денотате).

Исходя из данного Ф. де Соссюром разграничения между парадигматическими и синтагматическими отношениями в языке, Р. Барт описывает несколько типов отношений, присущих знаку. Во-первых, внутренние отношения, соединяющие означающее с означаемым, при этом знак относится к некоторой определенной типологической группе, из которой он извлекается для включения в речь. Во-вторых, внешние отношения, которые присоединяют знак к другим знакам в высказывании, располагая их позади или впереди других в речевой цепи. Эти отношения предполагают существование для каждого знака определенного упорядоченного множества форм, от которых он отличается благодаря некоторому минимальному различию, необходимому для изменения смысла. Здесь знак сопоставляется уже не со своими «братьями», а со своими «соседями», в результате образуется некоторая кратковременная значимая связь между ними.

Взаимосвязь и взаимозависимость этих типов отношений постоянно присутствует в речи. Первый тип демонстрирует взаимодействие между формой и содержанием, которое находится в постоянной динамике, второй тип реализуется в акте запроса: знак запрашивается из некоторого упорядоченного множества, и именно этот запрос порождает смысл сообщения. Для производства запроса человеку оказывается достаточным сделать выбор из уже готового набора элементов, что способствует соединению и разъединению взаимозаменяемых частей, комбинация которых производит смысл.

Исследователи выделяют несколько форм употребления знаков:

- информативная: («... заключается в том, что одна система посылает другой системе с внутренней моделью информации с намерением так изменить ее внутреннюю модель, чтобы определенные предметы и явления среды

понимались этой системой именно так, как того желает первая система»¹⁵²);

- оценочная: это употребление знаков с целью вызвать какой-то принципиальный подход в отношении некоторых объектов, потребностей, ответов или знаков. В этом случае происходит навязывание определенного способа поведения (реклама). Причем адекватность оценочной функции знаков, в отличие от оценки вообще, заключается в вопросе, является ли она действенной при достижении цели, побуждении индивида к совершению желательного предпочтительного действия по отношению к той или иной вещи;

- инциптивная: в данном случае знаки производятся для определения способа, каким интерпретатор знака реагирует на что-либо, т. е. вызываются более или менее специфические ответы. При инциптивном употреблении знаков стремятся направить поведение по определенным каналам, а не только передавать информацию или достигать предпочтения той или иной вещи.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что не всегда содержание знака относится только к одному объекту, чаще всего он указывает на множество вещей из реального мира, либо несколько знаков могут указывать на один и тот же объект. «Каждый знак, хотя бы потенциально, если не фактически, имеет связи с другими знаками, ибо только с помощью других знаков может быть сформулировано то, к учитыванию чего знак готовит интерпретатора»¹⁵³. Подобная взаимозависимость между знаками складывается благодаря тому, что существует определенная взаимосвязанность явлений, с одной стороны, и действий - с другой стороны, и на основе этого возникает язык и его структура, которая демонстрирует взаимозависимость между объективными явлениями и поведением.

Ч. У. Моррис на основе исследования содержания знаков выделяет их типы. Знаки, обозначающие единичный объект, он называет индексами; знаки, которые

могут обозначать множество вещей, т. е. могут сочетаться различным образом со знаками, которые эксплицируют или ограничивают их область применения (в таком случае они имеют связь со всеми знаками и тем самым имеют универсальную имплицативность, т.е. имплицитуются каждым знаком языка) он называет индексальными, характеризующими и универсальными. Отсюда следует, что знаки могут различаться тем, в какой степени они обуславливают определенные ожидания.

Первым предпринял попытку классификации знаков Ч. С. Пирс. Он провел различие между «материальными качествами» - означающим любого знака и «непосредственной интерпретацией», т. е. означаемым, и на этой основе выделил три типа знаков, связанных с отношениями, возникающими между означающим и означаемым: 1) иконические знаки (фактическое подобие означающего и означаемого); 2) индексы (фактическая, реально существующая смежность означающего и означаемого); 3) символы (установление по соглашению усвоенной смежности означающего и означаемого. Такая связь называется правилом).

Подчеркнем, что правила употребления знаков и знаковых средств обычно не формулируются теми, кто их употребляет, или формулируются лишь частично, скорее они существуют как навыки поведения, так что фактически встречаются только некоторые сочетания знаков, и только некоторые сочетания знаков производятся от других, и только некоторые знаки применяются к определенным ситуациям.

Употребление знаков напрямую зависит от ситуации действия, в которой они будут использоваться. Дж. Мид выделил в структуре действия три фазы: восприятие, манипуляцию и завершение. В связи с этим на каждой из ступеней будет меняться и характер знака: «Знак является *означающим*, ...если он означает наблюдаемые свойства окружающего или действующего лица; *оценочным*, если он означает завершающие свойства того или иного объекта

или ситуации... знак является *предписывающим*, если он означает, как надо реагировать на объект или ситуацию, чтобы удовлетворить руководящий импульс»¹⁵⁴.

Исходя из этого, Ч. У. Моррис выделяет четыре случая применения знаков: информативный, оценочный, побудительный и системный. Характеризуя знак с точки зрения его функций и роли, Ю. А. Шрейдер обращает внимание на следующие его особенности: во-первых, это способность знака в ряде случаев замещать обозначаемое; во-вторых, это не тождественность знака и денотата; в-третьих, это многозначность соответствия «знак—денотат» (т. е. конвенциональность обозначений). Он подчеркивает, что многозначность может проявляться двояко: один и тот же знак может обозначать разные объекты (омонимия или, в частном случае, полисемия знака), и один и тот же денотат может определяться разными знаками.

Кроме того, знак может не только обозначать конкретный денотат, но и указывать его место в мире, его отношение к Универсуму. Следовательно, знак - «... это не только условная метка обозначаемого, но и ярлык, определяющий какие-то свойства обозначаемого»¹⁵⁵. В своей концепции знака Ю. А. Шрейдер опирается на известный треугольник Г. Фреге, который включает в себя знак, денотат и концепт. Ключевым в этой триаде, на наш взгляд, является понятие концепта. «Концепт - это информация, которую знак несет о возможных денотатах, об их положении в системе реальных, об их месте в Универсуме. Выбор денотата определяется конкретной ситуацией. Концепт определяется местом знака в некоторой знаковой системе»¹⁵⁶.

Именно концепт определяет зависимость между знаком и денотатом, он является систематическим приемом обозначения. Но можно посмотреть на этот процесс и с другой стороны: знаковая ситуация также диктует тот или иной выбор знака с учетом присущего ему концепта. Таким образом, знак в данном случае выполняет две функции: обозначает денотат и выражает концепт, т. е.

десигнат данного знака.

Наполняемость знака, его содержание напрямую зависит от объема поля денотатов, которые могут его составлять. Ю. А. Шрейдер предлагает различать в связи с этим экстенсионал и интенсионал знака. Под первым он подразумевает количество всех допустимых денотатов, т.е. то, что составляет конкретное значение или все применяемые значения. Под вторым он имеет в виду «анкету» или «ярлык» предмета или события, выражающий их соотношение с другими предметами или событиями, т. е. это то, что можно назвать смыслом знака, понятием, которое соответствует знаку, или способом, которым знак указывает место обозначаемого в системе явлений. «Интенсионал знака - это содержание понятия или характеристика концепта, то есть характеристика содержания знака»¹⁵⁷.

В реальности, когда мы говорим о знаке, то имеем в виду денотат или концепт, но если речь идет о сообщении, то имеется в виду информация, которую он несет слушателю. В ситуации сообщения главную роль играет ориентация на конкретного адресата, способного воспринять нужную информацию из текста, и конкретная ситуация, в которой происходит передача и прием сообщения.

Следовательно, изучение знака возможно с двух позиций. В рамках исследования его самого как некой реальности и его существования и функционирования в системе культуры, в культурных текстах и сообщениях, циркулирующих в обществе.

В рамках информационного подхода можно говорить о различии первичной семантики текста, т. е. общепринятом в данной знаковой системе смысле, который складывается из смысловых элементарных знаков, и глубинной семантики, т. е. цели, ради которой автор создал этот текст. Именно здесь наиболее активно проявляют себя ценностные аспекты информационного взаимодействия между автором и текстом, текстом и его потребителем,

содержанием и способами его организации в данном случае можно говорить об относительном характере ценности, тогда как на уровне первичной семантики речь идет об абсолютной ценности самого текста и тех знаках, которые были использованы при его создании.

В итоге можно выделить семантические функции языка, следуя концепции К. Бюлера: 1) языковой знак - это символ, так как он соотносится с предметами и положением дел, 2) языковой знак - это симптом (примета, индекс), так как он зависит от отправителя, внутреннее состояние которого он выражает; 3) языковой знак - это сигнал, так как он обращен к слушателю, чьим внешним поведением или внутренним состоянием он управляет так же, как и другие коммуникативные знаки.

Таким образом, «знак можно определить как любой материальный фактор, продуцируемый или используемый живым существом в качестве средства фиксирования актуальной для индивидуального и интегративного поведения информации и средства ее направленной передачи»¹⁵⁸.

Кроме того, что знаки характеризуются своим объективным содержанием информации о реальности, они имеют и субъективные черты. Вступая во взаимодействие с индивидом (объектом), каждый субъект не только дает знать о чем-то кому-то, но и узнает нечто от кого-то. Одновременно с этим он соединяет со знаком некий особый смысл, который связан именно с его личным опытом, в котором этот знак формировался и используется, это и есть та субъективная часть, которая «окружает» объективный смысл знака, представляющий собой его тождественное ядро.

Но для того, чтобы мы, вступая во взаимодействие с другими людьми, могли понимать друг друга, в нашей памяти должно иметься предварительное знание о внутреннем мире того, кто использует знаки. Это то самое знание, которое лежит в основе опытно-познавательных актов, в которых означаемое (а вместе с тем и знак)

утвердилось для того, кто его использует как знак, т. е. сообщает ему субъективный смысл, который интерпретатор сообщения должен истолковать наряду с объективным значением, чтобы понять того, кто этот знак адресует кому-либо. К этому субъективному смыслу добавляется еще «дополнительный» смысл, это то, что «прирастает» к знаку благодаря контексту, в котором он употребляется. Следовательно, смысл сообщаемого возможно установить только после интерпретации этих двух планов: объективного значения и субъективной функции выражения сообщенного знака адресатом. При этом можно выяснить, что имеет в виду адресант, сообщая что-либо, а именно свое переживание сознания, нацеленное на мотивы сообщаемого. Следует учитывать, что сообщение всегда осмысливается субъектом только в рамках некоторой замышляемой деятельности, цель которой обычно находится за пределами самого акта информационного взаимодействия, так что сообщение мотивируется этой самой целью действия. Как пишет А. Шюц, «чтобы я не говорил тебе, говорю я это ради некоторого «для того, чтобы» или для того только, чтобы быть понятым тобой, или для того, чтобы вызвать некоторое твое особое поведение. Поэтому всякая передача сообщения мотивирована восприятием сообщения со стороны адресата, а именно, в модусе "для того, чтобы"»¹⁵⁹. Нетрудно заметить, что цели, преследуемые субъектом информационного взаимодействия, совпадают с теми функциями, которые выполняет знак (о них уже было сказано выше).

Систему отношений, возникающих в ходе социальных взаимодействий, в том числе информационного, можно рассматривать сквозь призму двух типов мотивов: 1) это мотив «для того, чтобы...» и 2) мотив «потому, что...». При этом их ориентация может соотноситься с прошлым и будущим положением дел, которое является желательным для актора. К мотивам «для того, чтобы...», согласно

А. Шюцу, относятся все действия (в том числе речевые), которые замышляются как осуществившиеся и на которые ориентируется деятельность субъекта; мотивы же «потому, что...» относятся к давно прошедшим переживаниям актора, и к ним он обращается уже после совершения всей деятельности или отдельных ее фаз, причем все они для него имеют единственный смысловой контекст.

Таким образом, вступая в информационное взаимодействие (коммуникацию), субъект и объект не смогут понять друг друга, если не смогут расшифровывать мотивы «для того, чтобы...», то есть, если им не будет понятен замысел действия (сообщения), который объект, принимая информацию, может реконструировать в своем сознании.

Если рассматривать знак с позиции использующего его, но мнению А. Шюца, то он оказывается погружен в некоторый смысловой контекст, охватывающий множество обстоятельств:

1) для субъекта, использующего знак в определенном смысловом контексте, он (знак) заключает в себе те переживания, знаком которых является;

2) сам знак есть элемент определенной знаковой системы, т. е. определенного смыслового контекста, так как использованию знака всегда предшествует знакомство или изучение знаковой системы, частью которой он является. То есть полаганию знака предшествует его интерпретация;

3) всякое полагание знака есть деятельность по приданию ему определенного смысла, посредством выражения;

4) смысловой контекст является основой другого смыслового контекста более высокого порядка, причем поначалу без учета индивидуального адресата сообщения;

5) адресат сообщения в рамках широкого контекста может быть соотнесен с самим процессом сообщения. В этом случае сообщение передается не ради его восприятия, а ради побуждения этим сообщением реципиента к определенному поведению;

б) так как сообщение происходит в отношении адресата *сейчас, здесь и так* (время, пространство, средство передачи), то оно благодаря мотиву «для того, чтобы...» может быть включено в более широкий контекст.

Необходимо учитывать тот момент, что, вступая во взаимодействие, мы всегда ориентируемся на Другого. «Полагание смысла с использованием знаков в ситуации установки на Чужого - это совершение процесса сообщения, и "для того, чтобы" этого действия - вызвать у адресата особые процессы сознания, а именно - понимание со стороны адресата... всякое сообщение представляет собой социальное взаимодействие, тогда как всякое восприятие сообщения осуществляется в установке на Чужого»¹⁶⁰.

Процесс понимания включает два аспекта: интерпретацию и ее результат. При этом нужно помнить, что субъект информационного взаимодействия обладает своим определенным опытом, в соответствии с которым он и будет строить сообщение. Но как только сообщение будет сформулировано или оформлено, оно уже станет частью культурной реальности, приобретет свой особый, онтологический статус. Поэтому объект взаимодействия уже будет иметь дело не непосредственно с адресантом, с сообщением, в процессе интерпретации которого в сознании реципиента будут продуцироваться свои мысли и идеи. В таком случае информационное взаимодействие можно рассматривать как процесс корреляции сознаний коммуникантов.

Нельзя забывать о том, что любое взаимодействие включено в определенный культурный контекст и протекает в нем. Контекст выполняет роль границы самих взаимодействий и интерпретативных процессов. Сколько бы ни говорили об индивидуальном, субъективном опыте отражения мира, следует помнить об относительности этой точки зрения. Все люди, входящие в то или иное

культурное сообщество, ограничены как в своих возможностях отражения (познания) мира, так и выражения этого понимания. Все смысловое поле культуры, в которое погружен человек, огромно, но не безгранично. Именно оно диктует нам законы восприятия, отражения и выражения познанного. Следовательно, основным из условий успешного протекания взаимодействий является принадлежность участников к единой культуре, что, в свою очередь, предполагает тождественное владение языком и совпадение «концептуальных схем» коммуникантов.

Если рассматривать информационное взаимодействие изнутри, то в нем можно выделить тоже две стороны, которые связаны с его структурой: креативную и интерпретативную (кодирование и декодирование сообщения). Процесс создания сообщения начинается с контакта субъекта с базовым фактом (об этом уже было сказано выше), что включает в себя совершение некоторых мыслительных актов или осмысление некоторого фрагмента культурной реальности с помощью определенной знаковой системы (например, языка). Любой мыслительный процесс не может протекать сам по себе. Наши мысли так или иначе облачаются в ту или иную материальную форму — знак. Только благодаря ему каждый, кто его использует, имеет возможность экспликации своих мыслей и их трансляции вовне. В силу того, что каждый из нас выступает носителем какой-либо культуры, мысли и идеи, возникающие в процессе взаимодействия, всегда имеют концептуальное обоснование. «Такие концептуальные основания для мыслей и идей коммуникатора, возникающие у него в процессе текстообразования и знаковая сторона которых фиксируется в феноменах устной или письменной речи, мы называем концептуальной схемой коммуникатора»¹⁶¹.

Отметим, что само сообщение можно рассматривать как феномен культуры, благодаря тому, что оно узнаваемо адресатом в своей существующей знаковой форме как

сообщение, обладающее смыслом для адресата в том отношении, что оно может быть им осмыслено посредством процедуры интерпретации (декодирования).

Если сравнить процесс порождения сообщения и его расшифровки, то в первом случае субъект, создавая его использует свое индивидуальное владение языком, опосредует (называет) определенные предметы определенными именами; во втором случае адресат осуществляет процедуру соответствия знаков в контексте своего владения языком их предметному значению. Следовательно, «процедура интерпретации обладает двойственным характером, включая две операции: декодирование и некоторую дедуктивную операцию подведения декодированного содержания текста под основополагающие принципы концептуальной схемы адресата»¹⁶². В итоге процедуры создания сообщения и его интерпретации носят двойственный характер: кодирование-декодирование, выведение-подведение - и являются обратными по отношению друг к другу.

Объективным основанием реализации успешных информационных взаимодействий в культуре является наличие в данном культурном контексте некоторых образований, intersubjectively принимаемых в рамках данного культурного сообщества в качестве оснований осуществления взаимодействий. «Должна существовать принятая конвенциональная процедура, имеющая определенные конвенциональные результаты, включающая употребление определенных слов определенными лицами при определенных обстоятельствах»¹⁶³.

Следовательно, основное условие, ценность информационного взаимодействия заключается в реальной возможности и способности коммуникатора адекватно расшифровывать (декодировать) полученное сообщение, т.е. переводить воспринятые мысли в план собственного сознания без существенных потерь смысла, который был заложен адресантом. Таким образом, проникновение в суть

воспринимаемой информации и адекватная реакция на нее являются объективным признаком взаимодействия людей в обществе, а степень, условия и возможность их реализации можно рассматривать в качестве ценностных оснований этих взаимодействий.

В. М. Соковнин выделяет следующие факторы, влияющие на процесс взаимопонимания: 1) уровень (степень) знания значений слов данного языка и знание предметной действительности, отраженной в этих значениях (то, что принято называть тезаурусом); 2) субъективная интерпретация интерсубъективных значений языка (которую ограничивает избыточность речи); 3) коммуникативный опыт индивидов; 4) индивидуальные способности декодирования чужой мысли, воспроизведения ее, перевода на собственный язык; 5) интерпретация воспринятой мысли. Сама процедура интерпретации тоже имеет ряд ступеней: интерпретация языка - объекта (его значений), интерпретация мысли - объекта (чужая мысль), выраженной с помощью слов. Другими словами, вначале можно говорить о «поверхностном» понимании, которое связано с извлечением из сообщения эксплицитной информации, поставляемой самой структурой языка, затем начинается «глубинное» понимание, т. е. извлечение из сообщения скрытой информации, эксплицирующейся только при наложении языковой информации на другие информационные структуры - психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т. д.

В итоге интерпретация представляет собой многоаспективный процесс, который регулируется общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, структурой проблемной области, социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников взаимодействия. Соответственно и результат интерпретации в идеале представляет собой многокомпонентную структуру, которая включает в себя все возможные «проекции»

языкового содержания высказывания (сообщения) на всю структуру знаний адресата.

Сложна и противоречива деятельность участников информационного взаимодействия на уровне используемого ими языкового материала. Для интерпретации высказывания каждый из участников постоянно обращается к своей языковой памяти, к своему уникальному языковому опыту. Языковая память каждого формируется в результате бесконечного множества коммуникативных актов, реально пережитых или потенциально представимых. Каждая мысль пробуждает цитатный конгломерат, актуализируя отдельные его компоненты, те, в свою очередь, через различные ассоциативные связи притягивают к себе другие языковые частицы как возможные способы выражения мысли. Говорящий субъект (как и пишущий) реализует одни из них и исключает другие. Вследствие многократно повторяемых актов отбора мысль принимает все более четкие очертания по мере ее воплощения в конкретных языковых выражениях. Конечным результатом этого процесса является получившееся высказывание, которое представляет собой «компромисс между тем, что говорящий "намеревался" высказать (но само это намерение становится для него образно ощутимой действительностью лишь в ходе языкового воплощения), и тем, что «получилось» в силу свойств использованного языкового материала»¹⁶⁴.

Подобная ситуация возникает и в момент восприятия чужого высказывания. Происходит перевод поступающего языкового материала в ассоциации и связи языковой памяти воспринимающего, поэтому весь смысловой образ коммуникации непрерывно движется в сознании участников.

Важную роль при осуществлении взаимодействия играет не только единство мира образных представлений партнеров, но и представление о личности партнеров,

предшествующий опыт контактов, понимание жанровых, ситуативных, тематических условий общения. Для общения типично обсуждение мнений партнеров по поводу актуальных для них проблем, сообщений, ситуаций, что, в свою очередь, может привести к взаимодействию или противостоянию, взаимопониманию или поляризации, взаимообогащению или размежеванию, к формированию ценностных представлений субъекта и объекта. Сравнение оценок и ценностей участников информационного взаимодействия задает степень их совместимости в деятельности и взаимодействии.

Человеческое бытие включает в себя взаимодействие со своим окружением (родственники, семья, социальные группы, общество) и обращенность внутрь себя, взаимодействие с самим собой, дающее возможность почувствовать свою отдельность от других. Эта двойственность находит свое продолжение в двух формах взаимодействия: «Я - Другой» и «Я - Я». В первом случае переменными оказываются внешние элементы модели (субъект заменяется объектом), а сообщение и код остаются постоянными, меняется только носитель информации (в данном случае не важно, что происходит с объектом после получения информации), а во втором случае носитель информации остается неизменным, но само сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл. Это связано с тем, что в процессе усвоения новой информации вводится в действие так называемый второй код, т. е. происходит сжатие сообщения и перевод его на язык, понятный лишь объекту информационного взаимодействия, а в результате в недрах сознания адресата сообщение перекодируется в единицы его структуры сознания.

Можно сказать, что в канале «Я - Он» происходит лишь передача некоторого объема информации, а в системе «Я - Я» эта информация качественно трансформируется, что приводит к перестройке Я. «В

первом случае адресант передает сообщение другому, адресату, а сам остается неизменным в ходе этого акта. Во втором, передавая самому себе, он внутренне перестраивает свою сущность, поскольку сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникативного акта, меняется»¹⁶⁵.

Семиотика на уровне неформальной межличностной коммуникации довольно проста. В этом случае достаточно, чтобы знаковая форма была понятна и доступна одному субъекту и одному объекту. Как правило, информация на уровне межличностного взаимодействия отражает несложные базовые факты, относящиеся к сфере обыденного, а не научного сознания, следовательно, не предполагает использования терминологического аппарата, а потому легко кодируется и декодируется. Кроме того, субъект и объект находятся в состоянии непосредственного контакта, что позволяет корректировать процессы кодировки-декодировки в ходе инфовзаимодействия.

Семиотика на уровне массовой коммуникации также не достигает высоких степеней сложности. Это связано с тем, что информация, рассчитанная на массового потребителя, отражает бесконечный класс базовых фактов, каждый из которых должен быть введен в систему существующих представлений. При этом во имя восприятия отдельные детали базовых фактов нивелируются, что ведет к нивелированию знаковой формы. Это объясняется тем, что в подобном случае информация распространяется по системе ретинальной связи, соединяющей субъекта с неопределенным числом объектов, каждый из которых отличается от других не только тезаурусом, но и семиотической предуготовленностью.

Таким образом, информационное взаимодействие основной тип взаимодействия людей, который складывается в процессе развития культуры и связан с

необходимостью передачи информации. Направление и конфигурация коммуникативных взаимодействий очерчиваются многообразными отношениями, в которые вступает индивид на трех уровнях: в практике оперирования вещами, в межличностном общении и в ситуации обращения к культурным ценностям. На каждом из уровней формируется свой ценностно-коммуникативный контекст, в котором действуют особые механизмы образования и трансформации знаний, свои критерии и формы рациональности, а тем самым и особые способы ведения рассуждений, т. е. типы мышления.

Человек с самого рождения попадает в сетку коммуникативно-практических отношений, свойственных конкретному времени, месту, культуре, группе и т. п., и всю жизнь находится под воздействием информации, которую он получает по различным каналам, а также имеет возможность влиять на сообщения через них или другие формы коммуникации.

Информация и информационные взаимодействия в течение многих лет формируют морально-психическую атмосферу не только отдельной личности, но и отдельных социальных групп, общества. Причем воздействие информации и информационных взаимодействий на личность нельзя оценивать только по принципу полезности, выгоды или соответствия конкретной ситуации, в качестве критерия может выступать сохранение или разрушение личности как целого. Ценность коммуникативных и информационных взаимодействий и информации может определяться степенью их воздействия на личность: ценность будет тем больше, чем больше информация и информационные взаимодействия будут способствовать сохранению личности как целого, актуализации ее стремления к саморазвитию, самопознанию и т.п. И наоборот, ценность информационных взаимодействий и информации будет тем ниже, чем более отрицательно они будут воздействовать на личность, вести к ее разрушению как

целого.

Выше уже говорилось о том, что информация, усвоенная сознанием, регулирует поведение человека на разных уровнях и в самых разных проявлениях. Можно выделить краткосрочное и долгосрочное влияние информации и информационных взаимодействий на сознание. Это связано с тем, что сознание имеет когнитивную (информационную) и аффективную (оценочную) стороны.

Адекватность, полнота воздействия информации на сознание обеспечивает образ реальности, когнитивную модель мира и ситуации, понимание себя и своих возможностей. Оценка, усвоение, использование информации, полученной в результате информационных взаимодействий, и соответственно поведение человека зависят от особенностей отдельной личности, от структуры ее сознания. Информационно-психические воздействия оказывают влияние на все компоненты сознания - психические процессы (восприятие, память, воображение, мышление, внимание), психические состояния и психические свойства личности.

Признаками отрицательного воздействия информации и информационных взаимодействий могут выступать изменения, вызывающие неадекватное отражение мира и своего места в нем. Здесь можно говорить о деградации личности, когда упрощаются формы отражения действительности, упрощаются и огрубляются реакции, наблюдается переход от высших потребностей (в самоактуализации, социальном признании) к низшим (физиологическим, бытовым), происходит сдвиг в ценностях, жизненных позициях, ориентирах, мировоззрении личности. На практике это может проявляться в совершении антисоциальных действий.

Другой причиной отрицательного характера информации и информационных взаимодействий может служить противоречие между объемом информации для отдельной личности и социальной группы и/или общества.

Известны случаи, когда сама информация (ее количество, содержание, форма подачи и т. п.) может стать причиной состояния неопределенности, которое испытывает человек относительно той или иной ситуации и своих действий в ней. Основным показателем такого положения является субъективное чувство удовлетворенности или неудовлетворенности по отношению к собственной информированности. Это чувство может оцениваться как чувство информационной недостаточности или информационной избыточности.

Результаты изучения чувства удовлетворенности или неудовлетворенности могут быть получены путем опросов, бесед, интервью. Практическим выходом для личности, испытывающей чувство неудовлетворенности в условиях неопределенности информации и осознающей это положение, может стать психическая поддержка в виде обеспечения необходимой информацией, объяснения непонятной информации, помощи в выборе достоверной информации и т. п.

Одной из причин неудовлетворенности может служить неосознанное чувство, сформировавшееся в предшествующих информационных взаимодействиях, которые исказили и сузили сознание. Чем больше сознание искажено, тем больше человек сопротивляется информации, которая может разрушить, дестабилизировать такое состояние сознания. Попытки воздействовать на сознание другой информацией, которая требует работы сознания, ломки стереотипов и предубеждений, вызывают негативную реакцию личности. В таком случае, видимо, трудно говорить об адаптации как положительном процессе, так как она несет в себе скрытую опасность при изменении условий. Адаптация становится дезадаптированностью личности, неумением оценивать информацию и действовать в изменившихся условиях. Показателем сформированности и зрелости личности являются ее действия в изменившихся условиях, адекватность отражения окружающего мира. Примером

нарушения могут служить личности, ставшие жертвами информационно-психических воздействий со стороны различных организаций - религиозных, политических и т.п.

Когда искажение информации (когнитивный диссонанс) происходит по причине ее несоответствия установкам личности и вызывает сильные эмоциональные реакции, в действие вступают механизмы психологической защиты личности. К таковым относятся: подавление (нежелание знать или понимать); замещение (поиск виноватых); реактивные образования (отвращение, отвержение); компенсация (представление о преодолении своей несостоятельности); отрицание (игнорирование информации); проекция (перенос своих отрицательных эмоций на другого); интеллектуализация (нахождение оправдания); регрессия (отказ от самостоятельных решений). Еще одна причина когнитивного диссонанса связана с согласованием новой информации с когнитивными структурами личности. Суть ее заключается в изменении одного из элементов информации, добавлении новых элементов, снижении значимости тех элементов, которые не соответствуют изменяющимся установкам.

И механизм психической защиты, и когнитивный диссонанс действуют на бессознательном уровне и выступают основным препятствием для усвоения личностью новой информации.

Личность отличается устойчивостью к различным информационным воздействиям, что проявляется в избирательности при выборе информации, умении оценивать негативные и противоречивые воздействия. Личность считается устойчивой, если она способна произвести критический анализ, оценку поступившей к ней информации, если у нее сформированы умения принимать решения, производить анализ и синтез информации, выбирать из альтернатив и т.п.

Формирование ядра личности самосознания - происходит в течение всей жизни человека через

посредство когнитивных процессов самооценки, самопознания и самоопределения. Основу этих процессов составляют информационные воздействия, а их результатом служит усвоение, принятие или отвержение норм и ценностей общества, в котором человек живет.

3.2. Ценностные характеристики различных видов и форм информационного взаимодействия.

Человеческое сообщество существует благодаря информационным взаимодействиям и посредством них. Они являются залогом непрерывности развития общества, так как играют огромную роль в сохранении и передаче накопленного опыта, как в диахронном, так и синхронном направлениях.

Необходимо отметить, что инфоконтакты имеют четкие пространственно-временные характеристики. С точки зрения времени инфоконтакты имеют начало и конец и могут быть связаны с конкретными отрезками времени. Пространственно инфоконтакты могут носить непосредственный и опосредованный характер. В первом случае индивид, выступающий в роли субъекта, находится в личном контакте с объектом, во втором - связан с ним через систему соответствующих технических средств.

Отметим, что ценность непосредственных личных контактов связана с субъектом и объектом информационного взаимодействия, их ролью и значением друг для друга. Причем такая связь может носить как явный, так и скрытый, имплицитный характер. Безусловная связь между персонифицированностью информации и отношением к ней потребителя обнаруживается в тех случаях, когда информация персонифицирована через имя, уже закрепившееся в сознании потребителя в связи с определенной тематикой, определенным уровнем подачи, стилем и т.п.

В. З. Коган пишет, что: «... система связей в системе "информация-потребитель" может меняться в одном из

двух направлений.

1. Персонализированность привлекает внимание к потреблению именно данной информации. Здесь налицо и основе отношения типа "Я люблю читать произведения данного автора. Это произведение подписано его именем, следовательно, я прочту это произведение". Это тип прямой связи.

2. Внимание объекта привлечено к данной информации независимо от того, кто обозначен в качестве автора. Но тем самым внимание привлечено и к имени. Здесь можно говорить о модели: "Я люблю читать произведения, посвященные данной тематике, следовательно, я люблю читать то, что пишет данный автор". Это тип обратной связи»¹⁶⁶.

Проблема персонализированности имеет значение как в случае непосредственных, так и опосредованных инфоконтактов. Как уже отмечалось, она напрямую влияет на выбор источника информации объектом, степень сто доверия, а следовательно, и на возможность для субъекта повлиять или изменить ход мыслей и действий объекта в нужном направлении. Субъект может влиять на объект и процесс взаимодействия двояким образом: передаваемой информацией и своей личностью, которая выражена путем персонализации информации. Указанная проблема связана с такими вопросами, как уровень потребления информации, степень согласия с предлагаемыми через информацию идеями, отношение потребляющего информацию к производящему ее и т.д.

Кроме персонализированности инфоконтактов, большое значение имеют пространственные характеристики, скорость протекания инфопроцессов, их темп, ритм и эффективность. Можно выделить два момента в изучении информационных связей:

1) возможность установления обратной связи, так как без нее трудно говорить о наличии взаимодействия как такового;

2) степень жесткости и императивности (официальности), поскольку от степени свободы участников информационного взаимодействия самым недвусмысленным образом зависит их активность.

Выше было произведено деление информационных контактов на непосредственные и опосредованные. В первом случае установление обратной связи между участниками происходит одновременно с прямой, а во втором случае установление обратной связи возможно лишь по истечении некоторого времени после возникновения прямой.

Ценность непосредственных личных контактов заключена именно в возможности установления надежной обратной связи. Это в конечном итоге влияет и на эффективность протекания информационных процессов. Субъект в процессе информационного взаимодействия может «по ходу дела» уточнить свою позицию, разрешить возникающие противоречия, скорректировать свои действия, выбрать оптимальные средства и способы выражения для достижения своих целей. Объект, в свою очередь, может задать интересующие его вопросы, попросить нечто разъяснить, т. е. «может облегчить» для себя процесс восприятия и понимания информации. При непосредственных личных контактах процесс понимания текста сообщения становится управляемым, и тем самым повышается его эффективность.

Самой распространенной формой непосредственных личных контактов является диалог. Обычно он представляет собой совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них цель или хотя бы направление диалога. Такого рода цель или направление могут быть заданы изначально, но могут быть выявлены в процессе непосредственного общения. Иногда цель может быть очень четко определена, но может оставаться весьма смутной и неясной, оставляя собеседникам широкое тематическое поле высказываний. В любом случае на каждом этапе диалога некоторые

реплики исключаются как коммуникативно-неуместные. В соответствии с этим Г. П. Грайс сформулировал основной принцип и категории диалога. Это принцип кооперации, соблюдение и выполнение которого возможно лишь при следовании определенным постулатам:

- высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога, но и не больше, чтобы не вызывать сомнений;

- высказывание должно быть истинным. Для этого участники не должны говорить того, что они считают ложным, и того, для чего нет достаточных оснований;

- важную роль в диалоге выполняют способы выражения. Это требуется для того, чтобы участники выражались ясно, избегали неоднозначности и многословия.

Диалог можно рассматривать не только как способ взаимодействия, но и как особое отношение, включающее не только непосредственное общение, но и опосредованное. В случае непосредственного взаимодействия участников важную роль в достижении целей диалога играют не только языковые выражения, но и тон голоса, жанр высказывания, жесты, мимика и т. п. Современная психология знает немало случаев, когда человек говорит и пытается убедить собеседника в одном, а его жесты, поза и мимика убеждают в обратном. Исследования, проводимые в этом направлении, имеют большое значение для «правильного» прочтения намерений говорящего. Ф. Ницше в свое время написал: «Люди свободно лгут ртом, но рожа, которую они при этом корчат, все-таки говорит правду»¹⁶⁷. В работах А. Пиза описано много случаев, когда человек пытаясь убедить собеседника в искренности своих слов, жестами говорит об обратном: в процессе разговора касается кончика носа, поправляет галстук (если это мужчина) и т. д. Самые первые исследования воздействия на аудиторию невербальных средств принадлежат античным авторам.

Цицерон в трактате «О произношении» уделил большое внимание использованию голоса и телодвижений во время публичных выступлений. К социально обусловленным невербальным знакам можно отнести: покачивание головы как знак отрицания, пожимание плечами как выражение недоумения, складывание ладоней при убедительной просьбе и т. п. Сегодня сложилась наука, изучающая движения, имеющие смысл - кинесика. Парадный шаг американских, британских, немецких войск демонстрирует это своеобразие: американцы свободно сгибают колени, британцы желают это в незначительной степени, а немцы свой «гусиный» шаг выполняют прямыми ногами.

Большое разнообразие имеется в кинемах отрицания и согласия. Например, на Цейлоне принято в знак согласия подбородок дугообразно двигать налево вниз, а заднюю часть правой руки накладывать на повернутую кверху ладонь левой руки, при этом приседать на скрещенных ногах. В Латинской Америке мужчины приветствуют друг друга стереотипными объятиями, держа голову над правым плечом приветствуемого, зато после трех шлепков по спине, голова переносится на другое плечо, и следуют другие три шлепка.

В каждой культуре существуют общепринятые кинемы вежливости и уважения: поклоны, реверансы, книксены. В Индии и Океании почтение к старшему выражают тем, что садятся, а в Европе - встают. В Древнем Риме полагалось прятать руки в одежду в присутствии старших. Кардиналы, когда приближаются к папе, чтобы оказать ему почести или принять шляпу, оборачивают руки своими мантиями.

Такого рода кинемы стали основой возникновения этикета и церемониала. Эти жесты и правила поведения стали подобны естественному языку и занимают по результатам исследований 60-70% от общего объема информации, передаваемой при взаимодействиях, т. е. на осмысленную речь остается 30-40%.

М. М. Бахтин считал диалогические отношения «особым типом смысловых отношений, членами которых

могут быть только целые высказывания (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых выражаются) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний»¹⁶⁸.

Самым простым видом диалогических отношений являются отношения между репликами реального диалога, например в житейской беседе, научной дискуссии, политическом споре и т. д. Наиболее сложны диалогические отношения между высказываниями, отделенными друг от друга во времени и в пространстве на уровне диахронического среза, но при сопоставлении обнаруживающие между собой хоть какую-нибудь смысловую конвергенцию.

В обычном бытовом диалоге возникает ситуация, когда субъект и объект персонально совпадают, например при обмене письмами. В такой ситуации каждое лицо выступает сразу в двух ролях. Высказывание одного уже есть, а его ответ еще предстоит, тогда при построении высказывания адресант будет стараться определить предстоящий ответ, предвосхитить его. Построение высказывания будет всегда учитывать апперцептивный фон его восприятия: насколько адресат осведомлен по поводу данной ситуации, круг его знаний в данной культурной области общения, его взгляды, убеждения, предубеждения, симпатии и антипатии. Также обязательно будет учитываться социальный статус адресата: положение, ранг, вес в обществе, возраст, пол, характер взаимоотношений с говорящим и степень их личной близости. Все эти особенности будут влиять на выбор речевых жанров - фамильярных или интимных.

Оба эти жанра, с точки зрения М. М. Бахтина, рассматривают адресата вне рамок социальной иерархии и общественных условностей, порождая тем самым особую откровенность речи, достигающую в фамильярных жанрах до цинизма, в интимных стилях это ведет к стремлению полного слияния субъекта и объекта взаимодействия. В

фамильярных жанрах это выражается в отпадении всех речевых запретов, в «площадной громкой откровенности, назывании вещей своими именами». Эти жанры играют положительную роль в моменты разрушения официальной картины мира, официальных идеологических установок и т.п.

Опосредованное общение имеет ряд трудностей. Основная из них связана с невозможностью быстро и оперативно устанавливать обратную связь, когда фаза передачи и фаза потребления информации разделены во времени и в пространстве. На наш взгляд, наибольшее значение в этом случае играют средства и способы передачи информации. Конечно, это не означает того, что понижается роль других факторов (личность субъекта, возраст, социальный статус и т. п.), но взаимодействие посредством, например, текста предъявляет особенно высокие требования к формам и способам передачи информации, к тому, насколько субъект взаимодействия осведомлен относительно личности, потребностей, целей, языкового опыта объекта. При опосредованных контактах субъект должен предвидеть вопросы, сомнения, которые могут возникнуть у объекта при приеме и усвоении информации. То есть он должен не только произвести информацию и придать ей знаковую форму, доступную и понятную для объекта, но и как бы воспринять передаваемое сообщение его глазами. В таком случае ценность опосредованного взаимодействия определяется доступностью и степенью понятности информации для объекта.

Ниже мы проследим особенности трех способов взаимодействия: устного, письменного и электронного - и исследуем проявление ценностных аспектов в каждом из них.

Если рассматривать диалог в рамках устной формы взаимодействия, то он будет представлять собой «такое взаимодействие двух речевых субъектов, осуществляемое посредством вербальной активности, при котором каждое

последующее высказывание дискурсанта суть реакция на высказывание речевого партнера»¹⁶⁹. Ценность таких взаимодействий определяется степенью и эффективностью возможностей предсказания реакций партнеров по поводу произносимых реплик и как, следствие, предполагает высокую степень понимания и согласованности реплик диалога.

В ситуации устного взаимодействия для каждого из участников важно, чтобы для его успешного протекания оно включало в себя следующие элементы: 1) получение информации; 2) идентификацию, выделение из общего фона объектов восприятия; 3) интеграцию получаемой информации с прошлым опытом; 4) вычисление нового метода подобия и различения (т.е. оценка принятой информации); 5) интерпретацию; 6) интерполирование подтекста, следующего высказывания, намерения; 7) интроспективную оценку всего процесса. Таким образом, ценность информационного взаимодействия в форме устной коммуникации напрямую зависит от возможностей субъекта и объекта реализовать все вышеназванные условия восприятия сообщения (или части из них, если субъект, например, желает скрыть свои намерения и мотивы передачи данного сообщения), в данное время, в данном месте, в данной форме, данному лицу. В реализации части условий ценность будет определяться тем, насколько адресанту удалось достичь своих целей.

Ретроспективный взгляд на историю существования человечества и формы взаимодействия позволяет рассматривать устные способы связи как первую технологию, с помощью которой человек смог по-новому познать и описать мир и самого себя. «Слова - своего рода становление информации, которое протекает с высокой скоростью и может охватить собой всю среду и весь опыт. Слова - это сложные системы метафор и символов, или выносимые вовне чувства. Это технологии эксплицитности. Благодаря переводу непосредственного чувственного опыта в голосовые символы можно в любое

мгновение пробудить и восстановить из памяти весь мир»¹⁷⁰. Как считает М. Маклюэн, именно создание алфавита стало той технологией, которая, с одной стороны, породила «цивилизованного человека», а с другой - позволила ему «отстранить» себя от мира и своих дел в эмоциональном плане.

Устная форма взаимодействия, или ситуация «лицом-к-лицу», с точки зрения выстраивания отношений может быть названа «ты-ориентацией», в которой каждый конкретный участник переживается лично. Эта ориентация может быть как односторонней, так и взаимной. Во втором случае можно говорить о возникновении «мы-отношения» или реальном равноправном партнерстве. Акт непосредственного взаимодействия тогда предполагает, что объект вовлечен в эти партнерские отношения «лицом-к-лицу». Ситуация возникающего диалога означает, что объект (адресат) понимает объективный знаковый смысл слов. При этом ситуация «лицом-к-лицу» также характеризуется общностью времени, выражающейся в синхронизации двух его потоков, и пространства, т. е. обязательное телесное присутствие участников. В данном случае определение партнерами друг друга осуществляется еще и с помощью постоянного перекрестного обращения или взаимного отражения «Я».

Непосредственное взаимодействие осознанно или бессознательно переживается участвующими в ней людьми. Осмысленное переживание включает познание (восприятие, перцепцию) коммуникантом и реципиентом друг друга, использующее этические и эстетические критерии, ситуационные расчеты, привычные симпатии и антипатии. В результате в сознании взаимодействующих складывается образ (имидж) друг друга, который может быть привлекательным или отталкивающим, безразличным или волнующим и т. п.

Устное взаимодействие, как известно, использует вербальные и невербальные средства связи. Речевая деятельность осуществляется абстрактно мыслящим левым

полушарием головного мозга, где расположены центры речи. Именно это полушарие считается «говорящим». Правое полушарие не участвует в речевой деятельности, так как не способно воспринимать словесные смыслы, но реагирует на невербальные сигналы. Вербальная система всегда работает параллельно с невербальной, речь и жестикуляция дополняют друг друга.

Первая система может быть совершенно сознательной, а вторая - бессознательной. Языковое взаимодействие в отличие от жестового является в большей степени официальным и социально признанным, поэтому часто неосознанные символы жестов могут интуитивно интерпретироваться в данном контексте как психологически более значимые, чем реально использованные слова. В таких ситуациях налицо конфликт между эксплицитным и имплицитным взаимодействием в ходе накопления социального опыта индивида. Невербальные реакции менее контролируемые и выдают действительные помыслы говорящего. Это объясняется тем, что невербальные сигналы обрабатываются на подсознательном уровне правым «чувствующим» полушарием головного мозга, а речевые высказывания - левым мыслящим «абстрактно».

Устные формы взаимодействия можно рассматривать так же как обмен высказываниями, которые могут иметь модус сообщения, речевого действия или аксиологического высказывания.

Сообщение прежде всего информативно. Оно подразумевает передачу новых для адресата сведений об изменениях, происходящих в мире. Сообщение преобразует знания говорящего в информацию и пополняет информационный фонд адресата, помогая ему ориентироваться в изменяющемся мире. Содержание сообщения дескриптивно. В нем описываются происходящие в мире события, сообщение о которых превращает их в факты и налагает на говорящего ответственность перед адресатом за достоверность

информации, за соответствие фактов действительности.

Как правило, сообщение делает очевидец, наблюдатель, который прямо или через посредников передает информацию заинтересованным лицам, предоставляя им возможность стать сонаблюдателями, как бы присутствовать в нескольких местах одновременно. Типичный жанр сообщения - новости в средствах массовой информации. Их специфика состоит в том, что в большинстве случаев адресат не имеет возможности проверить достоверность информации и выступает только как получатель сообщения, его реакция на него остается за кадром. Массовая информация по преимуществу - это однонаправленное «квазиадресованное» распространение информации. В данном случае не предполагается активного взаимодействия с адресатом. Чаще всего сообщение имеет форму утверждения.

Речевое действие говорящий совершает не в связи с информационной потребностью адресата, а под давлением внутренних и внешних обстоятельств, связанных с прагматической ситуацией. При встрече мы приветствуем друг друга, в ситуации незнания - обращаемся с вопросом, на дне рождения - поздравляем, когда хотим уйти в отпуск - пишем заявление. Обращаясь к адресату, говорящий побуждает его стать участником коммуникативной и прагматической ситуации.

Коммуникативный смысл речевого действия заключается в том, чтобы задать участие адресата в изменении окружающего мира, побудить его к реакции на содержание высказывания. Но программа этой реакции предопределена говорящим и потому ограничена. Это не свобода выбора, а выбор из предоставляемых возможностей: на вопрос - нужно ответить, совет — принять или отклонить, на просьбу - согласиться выполнить или отказаться. При этом реакция адресата не обязательно должна быть речевой, но она должна быть, в этом и заключается прагматический смысл ситуации.

В отличие от сообщения речевое действие

интенционально. В нем содержится потребность, вынужденность, необходимость, желание и обязанность говорящего изменить прагматическую ситуацию, создать новое положение дел, которое не может быть оценено как истинное или ложное. Речевое действие нельзя проверить, так как оно не описывает действительность, а создает ее.

«Квазидискурсный» случай речевого действия обращение говорящего к самому себе. Реагируя на прагматическую ситуацию, осознавая ее или принимая сообщения о ней, веря им, человек вырабатывает тактику своего поведения.

Аксиологическое высказывание передает отношение человека к миру. Оно синтезирует сообщение и речевое действие. Как речевое действие, оно актуализирует ситуацию, а как сообщение - приписывает ей некоторые свойства, причем эти свойства не дескриптивны, а оценочны и направлены на выражение реакции по поводу ситуации и апелляцию к мнению адресата.

Оценка побуждает говорящего что-то сообщить, а реакция на ситуацию как на несоответствующую потребностям говорящего становится стимулом к речевому действию. Реакция на аксиологическое высказывание представляет собой психологическое воздействие («Опять ты опоздал!»).

Переход от устного способа передачи информации к письменному связан также с переходом к алфавитному письму. Как пишет М. Маклюэн, алфавит «стал средством создания "цивилизованного человека", то есть обособленных друг от друга индивидов, равных перед письменным правовым кодексом. Обособленность индивидов, непрерывность пространства и времени и единообразие кодов - вот главные признаки письменных и цивилизованных обществ»¹⁷¹. При этом сам алфавит может выступать также средством и способом кодирования и передачи информации. Его возникновение и существование приводит к тому, что происходит снижение

роли таких органов чувств, как слух и осязание. Сам факт существования алфавита означает переход к единообразию и унификации, что находит свое выражение в формировании определенного способа мышления и познания мира. С точки зрения М. Маклюэна, алфавит позволил человеку научиться расчленять любого рода опыт на единообразные элементы с целью ускорения действия и изменения форм (что наиболее наглядно проявляется в прикладных науках).

Для культуры алфавит является способом единообразной обработки и осмысления мира с помощью зрения. В древних обществах, где превалировал устный способ передачи информации, доминирующим чувством был слух, поэтому там существовала одновременность действия и реакции, а письменность разделяет их.

Не существует единого взгляда на эволюцию письма. Большинство склоняется к однолинейной эволюции: сначала предметное письмо (символы, изображения, узелковое письмо), вплоть до пиктограмм (рисуночное письмо), затем иероглифическое, слоговое и затем буквенно-фонетическое. Другие ученые считают, что пути перехода от устного слова к записанному многообразны и нестандартны и зависят от местных социально-культурных условий, в частности от нежелания грамотных жрецов, писцов и чиновников облегчать доступ в их сословно-кастовую группу.

Постепенно священность слова перемещается на книгу. Книжное слово становится гарантом истинности и незыблемости. Именно с этим связан обычай клятвы на книге. Христианство, ислам, иудаизм - это религии Писания. В средние века сложилась своеобразная иерархия книжных жанров по признаку святости. Наиболее почитаемой была литургическая, т.е. используемая во время богослужения, литература (Служебники, Требники, Часословы, Минеи и т.п.) и каноническое Священное Писание (Ветхий и Новый Завет), ниже рангом шли жития святых (агиографии), церковная учебная литература

(Катехизисы), поучения отцов церкви и в самом низу этой иерархии находилась светская (мирская) литература.

Параллельно с этим происходит социальная дифференциация населения по признаку грамотный неграмотный. Овладение грамотой считалось немаловажным личным достижением, поэтому школа стала форпостом письменности. Если у бесписьменных народов социализация молодежи начиналась с освоения производственных навыков, то цивилизованные общества приобщали учеников, прежде всего, к счету, чтению и письму. Социальный престиж и карьера начинают зависеть не от силы ума, сообразительности, выносливости, а от школьной выучки, доступа к знаниям. В итоге человек попадает в зависимость от письменной культуры, хотя и не может освоить ее полностью.

Развитие письменности имело и ряд негативных последствий. Человек устной культуры знал и хранил в памяти только то, что ему было необходимо для жизни, развитие книжной культуры, особенно изобретение книгопечатания, приводит к тому, что происходит накопление огромного количества знаний, часть из которых будет осваиваться человеком, но в жизни ему никогда не пригодится, а часть вообще не будет никогда востребована, вследствие него утрачивается цельность мироздания, которая была присуща устной культуре.

Также можно говорить о негативных последствиях письменности и применительно к каждому человеку. По мере знакомства с большим массивом знаний у него может возникнуть противоречие между теми нормами и требованиями, которые изложены в книгах, и смыслами, которые поступают к нему по каналам непосредственного общения. Это может привести к тому, что образованный человек начнет страдать раздвоением личности и муками совести.

Подобного рода негативные последствия М. Маклюэн связывает и с развитием книгопечатания. «Единообразие просочилось также в сферы речи и письма, обернувшись

установлением единой тональности и установки по отношению к читателю и сюжету на протяжении всего сочинения. Произошло рождение "литератора". Распространившись на устное слово, эта литературная равнотональность позволила грамотным людям сохранять в речи единый "высокий слог", надо сказать совершенно невыносимый, а прозаикам XIX столетия - принять моральные качества, которым сегодня мало кто взялся бы подражать. Пропитка разговорного языка единообразными качествами письма выравнивала нашу грамотную речь до тех пор, пока она не стала более или менее сносным акустическим факсимиле единообразных и непрерывных визуальных эффектов книгопечатания. Из этого технологического воздействия вытекает еще один факт, состоящий в том, что юмор, сленг и драматическая напористость англо-американской речи стали монополией полуграмотных»¹⁷². В итоге получается, что процесс возникновения и развития «среднего языка», который М. Постер связывал с развитием электронных способов передачи информации, начался еще в эпоху появления алфавита, ставшего именно той технологией, которая привела человечество к определенного рода унификации и нивелировке во всех сферах жизни, подводя все явления реального мира под некий общий стандарт.

Возникновение и распространение письменности, по мнению М. Маклюэна, по-новому расставило акценты между способами познания мира, заменив «ухо на глаз». В результате человечество получило возможность видеть этот мир на некотором расстоянии, т. е. перед ним, что, в свою очередь, подарило индивиду целостное восприятие - «одним взглядом и сразу». Культуры древних, основанные на слуховом способе восприятия и познания мира, использовали глаз как тактильный орган, чем, по всей видимости, и можно объяснить такое большое значение магии в их жизни. Письменность породила и выработала в человеке привычку все в этом мире располагать одно под

другим, одно в другом, так как именно существование письменного кода приводит к тому, что речь начинает восприниматься как содержание.

Развитие книгопечатания М. Маклюэн связывает с пробуждением в человеке индивидуализма и стремления к самовыражению, постепенно печатная публикация стала средством сохранения памяти о себе. Печатная культура довела до максимального размаха процессы сегментации и гомогенизации, что отнюдь уже не способствует взаимодействию между различными областями знания и дисциплинами, как это было в момент начала эпохи печатной книги. Если сравнить устное и печатное слово, то не трудно заметить, что устное употребление слов предполагает наибольшую конкретность и нюансность, чем письменное, которое погружено в большой визуальный контекст. Следовательно, главная ценность его заключается в активной унификации орфографии и значения. В итоге диалог при непосредственном общении превратился в упакованную информацию, в подручный товар, а уже сама информация затем стала особым ресурсом, владение которым играет теперь ключевую роль в различных отраслях общественной жизни.

Ценность письма как такового определяется тем, что оно не ограничивается ролью простой опоры памяти для запечатления или воспроизведения ранее слышанного устного текста, а также тем, что оно не требует предварительного заучивания, но дает возможность воспринимать любую новую информацию, любой впервые прочитанный текст, при этом не требуется предварительного знания всего записанного текста, а позволяет усваивать его фрагментарно, кусками. Следовательно, любому человеку достаточно усвоить раз и навсегда относительно ограниченное число знаков, с помощью комбинации которых можно создавать бесчисленное множество текстов, любую новую информацию и передавать ее другим.

Информационное взаимодействие посредством

письменности связано с созданием или производством текстов. В отличие от речи, которая всегда развертывается линейно, текст - нелинеен, иерархичен и довольно жестко организован вокруг авторских намерений. Если рассматривать процесс порождения текстов, то, по мнению Т. М. Дридзе, он включает в свою структуру те же элементы, что и предметные действия: ориентировочные, исполнительные и контрольно-коррекционные. «Текст в качестве единицы знакового общения (социокультурной коммуникации) представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность и может быть определен как система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) партнеров по общению»¹⁷³.

Таким образом, процесс создания текстовых сообщений включает в себя, помимо содержательного момента, еще способ и средства его организации, которые, кроме индивидуальных особенностей понимания, восприятия и отражения мира, предполагают и некий инструментарий по выражению смысла, заданного, как правило, извне - культурой, определяющей способы построения и работы мышления. Культура в данном контексте выполняет роль начала, задающего некие шаблоны по организации и способам передачи информации в любых формах взаимодействия. То есть «... стремясь к реализации определенного коммуникативного намерения, автор текста ставит ему на службу как объект описания, то есть то, о чем идет речь, или тему, так и целую серию приемов, реализуемых средствами языка. Замыслом оказывается то, для чего или ради чего предпринимает автор названные усилия»¹⁷⁴. Сам процесс реализации замысла представляет собой постоянную отработку корреляцию как самого замысла, так и способов его реализации.

Нельзя забывать о том, что текст всегда кому-то адресован, и в зависимости от этого он может выполнять различные функции. Функция текста - это понятие динамичное. Так как текст находит своего читателя, т.е. связь между адресатом и адресантом становится из возможной действительной, то он начинает жить по своим законам. Объясняется это тем, что к моменту, когда произведение оказывается востребованным, ситуация, в которой оно создавалось и функционирует, может кардинально поменяться. Любой автор, создавая текст, делает это только в своей особенной субъективной ситуации, а воспринимается и читается текст в зависимости от времени и места в бесчисленном множестве объективных ситуаций.

Субъективная ситуация предполагает не только живую действительность, в которой создается текст, но и изменяющееся внутреннее состояние автора текста, его внутреннее отношение к этой действительности. «Эта субъективная ситуация может не быть описана в тексте, мало того, она может оказаться не реконструируемой на основании текста»¹⁷⁵.

Поэтому при чтении - декодировке того или иного текста одновременно реконструируется и поведение автора, которое А. М. Пятигорский называет описанием. Параллельно с описанием просматриваются и другие разновидности поведения. Дешифровка взаимосвязи этих способов поведения приводит к выявлению функции текста. «Если создание текста рассматривать как разновидность поведения, создание данного текста - как акт поведения, то функцией будет одновременно совершаемый акт поведения, входящий в субъективную ситуацию как элемент, выбор которого определяется задачами и целями, которые ставит перед собой потребитель (читатель)»¹⁷⁶.

Именно то, с какими целями обращается потребитель текста к нему, составляет мотивационную природу письменного сообщения, и тем насколько он способствует

достижению их, будет определяться ценность текста для адресата. Главной особенностью письменного сообщения является тот факт, что время его фиксации и передачи не совпадает, а одно предшествует другому. В сравнении с устным способом передачи во время чтения письменного сообщения адресат отвлекается от времени его фиксации, а слушая речь, произносимую для аудитории, отвлекается от времени его передачи.

Когда автор создает текст, он сам его конструирует, т.е. выстраивает его модель. В этом случае существует вероятность того, что идеальной модели будет соответствовать реальная модель. В таком ракурсе ценность письменного сообщения, с точки зрения его создателя, заключается и определяется, с одной стороны, тем, насколько имеющийся на выходе текст на самом деле совпадает с замыслом автора, с другой - тем насколько получившееся сообщение способно изменить поведение объекта взаимодействия в необходимом субъекту русле. Это можно увидеть либо по действительно изменяющемуся поведению, либо по сигналу со стороны объекта, либо понять в ответном текстовом сообщении. В ситуации, когда подобные действия, сконструированные автором сообщения, совпадают с поведением объекта, можно наблюдать реализацию целей субъекта и соответственно высокую ценность письменного сообщения в отношении его адресанта.

Взаимодействие посредством письменного текста предполагает, что не только создатель сообщения, но и его потребитель тоже оказывает влияние на текст, и, по сути, с момента отчуждения текста автором мы имеем дело уже с совсем другим сообщением и совсем другой субъективной ситуацией. Отсюда следует, что чем менее реальна обратная связь, тем меньше вероятность рассмотрения текста как единого произведения со стороны субъекта и объекта.

Если мы сравним устную, непосредственную и письменную опосредованную формы взаимодействия, то

увидим, что первая отличается непосредственной чувственной данностью и ее результат возникает и исчезает в ходе и по мере совершаемого речевого действия. Вторая строится на сохранении речевого произношения с помощью образа. Таким образом, создание и восприятие речи протекают раздельно, поэтому для читателя речь перестает быть чувственной данностью, а для пишущего она может утрачивать жесткую отграниченность и выделенность. Можно сказать, что письмо характеризуется внутренней замкнутостью, представляет собой «отвердевший» язык. «Письмо явлено нам как некое символическое, обращенное внутрь самого себя, преднамеренно нацеленное на скрытую изнанку языковое образование»¹⁷⁷.

Существенной чертой письменной формы взаимодействия следует признать тот факт, что любой текст (и в этом заключается его ценность) предполагает использование общепонятной системы знаков языка, поэтому любой текст, с одной стороны, содержит в себе, все те общепринятые нормы, концепты, которые характерны для данной языковой системы, а с другой - он всегда является чем-то индивидуальным и неповторимым, тем, ради чего он создан. В этой неповторимости заключается весь его смысл, вся его ценность как произведения вообще и как произведения данного автора в частности.

Р. Барт до предела углубляет различия между устным и письменным сообщением, что позволяет ему говорить о существовании письменного сообщения только в сознании объекта информационного взаимодействия. Ценность письменного текста состоит в том, что он, в отличие от предметного, вещного мира живет по своим законам. Все в мире подвержено разрушению и смерти, но для текста смерть есть рождение. Смерть текста с «физиологической» точки зрения (т. е. завершение его создания) дает ему совсем другую, новую жизнь. Текст умирает тогда, когда его перестают читать. Вся человеческая реальность

(предметный мир) соотносится с процессами энтропии, тогда как любой письменный текст связан с негэнтропией: чем он старше, тем большим количеством информации обрastaет.

Всякое восприятие текста субъектом (возвращение к тексту, повторное чтение, цитирование) есть новое событие в жизни текста. В данной системе координат можно говорить о ценности субъекта для текста, которая заключена в особом способе прочтения этого текста, особенно если между субъектом восприятия и текстом лежат целые исторические эпохи. Вступая во взаимодействие с тем или иным письменным источником, субъект несет в себе уже другой культурный концепт, другую картину мира, поэтому он может увидеть в тексте такие смыслы, которые изначально в нем не были заложены.

Любой текст, как и устное высказывание, имеет адресата. Тогда ценность текста заключается не только в степени его понятности для адресата, но также и в степени его непонятности для других в случае, когда текст обращен к какому-то конкретному лицу. Ценность текста, обращенного ко всем, характеризуется степенью его понятности для всех. Чтобы достичь понятности, автор учитывает объем памяти адресата, обязательный для всех говорящих на данном языке и для всех принадлежащих данной культуре. Если мы хотим понять тот или иной текст и на основе этого будем реконструировать тип общей памяти, характерной для данного текста, и образ его получателей, то мы всегда найдем в тексте скрытый образ адресата. Отсюда вытекает другая черта ценности текста - он содержит в себе все звенья коммуникативной цепи: автора, аудиторию и предмет, который послужил поводом для общения.

Теперь обратимся к взаимодействию, опосредованному электронными средствами связи. Использование новых видов связи имеет огромные последствия. Ценность электронных средств связи заключена в увеличении

дальности взаимодействий, уменьшении значения географической близости. При этом становится очевидным, что применение этих средств ведет к большому деструктивным последствиям. С электронными средствами связи становятся невозможными «разговоры за закрытыми дверями». Электронные средства связи используют особый вид языка, главное назначение которого - как можно более точная передача определенного количества информации, передача, исключая оценочное, субъективное отношение к информации субъекта и объекта. В современной западной социологии такой язык получил название «среднего языка» (М. Постер). Этот язык формирует новые условия языкового обмена: аннулирует контексты, он изначально монологичен и однозначен в значительно большей степени, чем все другие языки.

Если сравнивать формы взаимодействия между людьми, то при устной субъекты как члены сообщества, скреплены определенными связями друг с другом. При письменной - участники взаимодействия как разумные автономные субъекты самостоятельно строят связи между линейными символами. «Средний язык» изменяет социальную структуру говорящих и разрушает референтность речи, необходимую для каждого члена общества. Он вовлекает реципиента в игру с процессом самоопределения, продлевая возможность вступления во взаимодействие с различными видами дискурса.

По мнению М. Постера, с появлением электронных средств связи никто не знает, что именно говорит субъект, весьма размытыми оказались внешние границы передачи сообщений, что ведет к невозможности точного перевода сообщений на язык адресата и понимания их смысла. Наиболее яркий пример такого положения — это реклама. В ней, как правило, берется значение слова, которое не имеет традиционной связи с предметом и прикрепляется к предмету, тем самым устанавливается новая лингвистическая и коммуникативная реальность, новая связь между предметом и образом.

М. Постер выделяет три ступени производства информации: 1) устно опосредованный обмен «лицом-к-лицу», 2) письменный обмен, опосредованный печатью, 3) электронно опосредованный обмен.

Первая ступень характеризуется согласованием символов, вторая - знаковой репрезентацией, третья - информационным моделированием. В первом случае субъект задается как расположение произносимого через внедрение его в совокупность межличностных отношений. Во втором субъект конструируется как агент, являющийся центром рациональной/воображаемой автономии. В третьем субъект децентрализуется, рассеивается и множится в сплошной неустойчивости - предоставляя информацию о себе для самых различных баз данных, «раздваиваясь» в процессе написания текстов на компьютере благодаря зеркальному отражению экрана, обусловленному податливостью текста, используя новые возможности коллективного авторства и игр с идентичностью, предоставляемые компьютерными сетями.

Таким образом, происходит замена линейного текста нелинейным гипертекстом. Книжность изначально была связана с линейной последовательностью знаков, поэтому письменные тексты в этом смысле одномерны: они читаются буква за буквой, слово за словом и не иначе. Но мышление человека не линейно, а многомерно, и в нем каждый смысл связан с другими смыслами не только в силу пространственно-временной смежности, но и в силу разнообразных формальных и содержательных ассоциаций. Поэтому письмо лишь частично выражает мысль, подменяя ее гибкую многомерность жесткой одномерностью.

Электронные средства связи породили новую разновидность текста - гипертекст, который представляет собой совокупность содержательно взаимосвязанных знаков, где от каждого знака в процессе чтения можно перейти не к одному единственному, непосредственно следующему за ним знаку, а ко многим другим, так или

иначе связанным с данным. В итоге воспроизводится многомерность человеческого мышления, и значит, смысловое взаимодействие получается более полным и точным, чем в ситуации линейного письма. Для моделирования многомерных связей между знаками требуется виртуальное пространство, которое создается современными компьютерными системами. Причем в гипертекст в качестве смысловых элементов могут включаться не только отдельные слова, фразы или документы, но и изображения, музыкальное сопровождение, т. е. все средства мультимедиа. В результате человек превращается из читателя в пользователя мультимедийных взаимодействий, оперирующего письменной и устной речью, изображениями любых видов, кино- и видеороликами, таблицами и схемами, созданными компьютером по его требованию.

Кроме деления информационных контактов на непосредственные и опосредованные, целесообразно дифференцировать их на формальные (регламентируемые каким-либо руководящим органом, имеют определенным образом фиксированные правила поведения участников и режим информационных процессов) и неформальные (подчиняющиеся лишь неписаным правилам человеческих взаимоотношений и зависящие от воли, настроений, симпатий и антипатий участников). При сравнении формальных и неформальных информационных контактов можно заметить, что они различаются по своей продолжительности: первые происходят время от времени (научные конференции, симпозиумы, круглые столы и т. п.) и выражают собой момент дискретности в информационном взаимодействии; длительность вторых зависит, как уже говорилось, от воли и настроений взаимодействующих сторон. Неформальный информационный контакт может быть установлен в любой момент и может продолжаться любое количество времени. Участники неформальных взаимодействий почти всегда

готовы вступить в контакт, поэтому неформальная информационная связь выражает собой момент непрерывности в информационном взаимодействии.

Нельзя отрицать ценность формальных каналов коммуникации, они знакомят участников с новинками в различных отраслях знания, способствуют возникновению новых контактов. Тем не менее, следует, видимо, признать массу преимуществ, которыми обладают неформальные информационные контакты. Здесь вновь необходимо вернуться к разделению контактов на непосредственные и опосредованные, так как наибольшую ценность будет иметь непосредственное информационное взаимодействие (формальное или неформальное), чем опосредованное. Суть заключается в том, что в первом случае налицо «перевертывание» участников взаимодействия: субъект способен быстро превращаться в объект, и наоборот, поэтому возможно своевременное установление надежной обратной связи. На уровне синхронического среза в качестве ценности инфовзаимодействия выступает обратная связь, а само взаимодействие носит двунаправленный характер, что повышает эффективность самой связи. При опосредованном взаимодействии информационная связь носит однонаправленный характер, а «перевертывание» участников процесса и установление обратной связи отдалены во времени и в пространстве. Такая отдаленность (разделенность) сказывается на содержании информации, знаковой форме, стиле изложения и т.п., поэтому мы имеем дело скорее с прогнозом, чем с результатом реального взаимодействия.

Помимо внешних факторов и форм взаимодействия (непосредственные и опосредованные) большое значение и ценность имеет тезаурус субъекта и объекта, под которым понимается определенный запас предварительных сведений, знаний и т. п. Одним из первых к теме исследования тезауруса в отечественной науке обратился Ю. Л. Шрейдер, разрабатывавший семантическую теорию информации, призванную осветить проблемы смысла и

аксиологии социальной информации. Ю. А. Шрейдер акцентировал внимание на том, что в ряде случаев, например при анализе научного текста, получение существенной информации возможно только при наличии достаточного объема предварительной информации по данному вопросу. Ученый пришел к выводу, что текст объективно очень содержательной статьи может не дать никакой информации неспециалисту в данной области науки, так как его тезаурус будет близок к нулю. Следовательно, модель, позволяющая описывать процесс семантического анализа текста, должна содержать описание представления о внешнем мире некоторого наблюдателя. Такое описание Ю. А. Шрейдер и предложил назвать тезаурусом.

В инфовзаимодействии роль тезауруса весьма велика. Степень полноты потребления и приема информации на первый взгляд зависит от широты и глубины тезауруса. Но нельзя не обратить внимание на тот факт, что в таком случае информация может оказаться излишней, избыточной, а следовательно, и непотребленной. Объект не найдет в ней ничего нового, она не будет для него ценной сама по себе, и ценность инфоконтакта тоже будет сведена к нулю.

При обратной ситуации, когда тезаурус чрезвычайно мал, и объект не может понять содержания информации, последняя вновь остается невостребованной. Поэтому для информационного взаимодействия ценностью будет являться некоторая критическая масса или критический объем тезауруса. Это означает, что «тезаурус объекта должен достигать такого объема, который позволял бы понимать предлагаемую субъектом информацию и в тоже время не лишал ее новизны»¹⁷⁸.

Тезаурус может быть рассмотрен в качестве одной из ценностных характеристик инфовзаимодействия. Наиболее наглядным доказательством этого служит процесс обучения, в котором преподаватель как субъект передает не просто какое-то количество информации, отражающей

прошедшие этапы взаимодействий, не просто какой-то объем информации, а строит весь процесс в определенной структуре и последовательности. В этом случае критическая масса тезауруса должна отвечать двум требованиям: 1) она должна быть понятной и доступной; 2) она должна не ограничиваться дублированием тезауруса, а дополнять и наращивать его в той или иной степени. Иначе результаты инфовзаимодействия могут быть сведены к нулю, так как в первом случае, информация не будет понята, во втором - она будет уже известна, т.е. потреблена ранее.

Поэтому ценность инфовзаимодействия может определяться тем, насколько субъект, готовясь к передаче информации, способен оценить объем тезауруса объекта, для того, чтобы форма и содержание информации соответствовали бы критическому объему тезауруса, одновременно достигая его и не превосходя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель нашего исследования состояла в рассмотрении ценностных аспектов информационного взаимодействия.

Анализ литературы показал наличие диаметрально противоположных точек зрения на природу и сущность, место и роль ценностей в жизни отдельного человека и общества в целом. Во многом такая неоднозначность связана с тем, что ценность как феномен признается всеми, но реально не существует.

Одним из итогов нашего исследования является выделение некоторых важных аспектов в феномене ценности:

- понятие ценности формируется в деятельности;
- ценность есть средство выражения отношения к действительности;
- в основе ценности лежит личностное знание. Познание ценностей

возможно только при наличии

субъекта, который вступает в ценностные отношения с объектом, что говорит о двукомпонентном содержании ценностей: субъективном и объективном.

Проявление ценностей в обществе возможно в оценке, как результате ценностного отношения. Оценка также включает в себя субъективный и объективный момент.

Манифестация ценностей происходит в процессе взаимодействия индивидов, один из видов которого - информационное взаимодействие.

Выявление ценностных аспектов информационного взаимодействия возможно по следующим критериям:

1. Любой акт производства, передачи и восприятия информации можно исследовать с точки зрения целей и потребностей участников информационного взаимодействия, что дает основу для анализа качества информации как ее ценности.

2. Любая информация, предназначенная для передачи, может быть ценной с точки зрения объекта ее потребления, следовательно, любая информация обладает

потенциальной ценностью.

3. Любой процесс выработки и передачи информации есть процесс информационного взаимодействия, или субъектно-объектных отношений, которые могут рассматриваться в качестве ценностных как способы, делающие возможным обмен информацией. Причем в качестве объекта на стадии производства информации может выступать любой текст (в широком понимании этого слова), что позволяет говорить о ценности источника информации с позиции оценивающего субъекта.

4. Любые способы передачи информации (устный, письменный, электронный) могут рассматриваться в качестве ценностных форм, позволяющих человечеству транслировать свой опыт.

5. Язык обусловил знаковый характер человеческой культуры и человеческого общения, сделав знак «социокодом человечества», следовательно, можно говорить о ценности языка как средства человеческого общения и описания мира.

6. Ценность информации и информационного взаимодействия может определяться степенью их воздействия на личность: ведут они к разрушению личности как целого или направлены на ее сохранение и развитие.

Информационное взаимодействие имеет ценность с точки зрения адекватного чувственного отражения друг друга общающимися субъектами. Главная особенность информационного взаимодействия заключается в его осмысленности, результатом чего служит достижение целей его участников. Ценностным моментом инфовзаимодействия является акт субъектно-объектных отношений, где в качестве ценности выступают сами партнеры, причем эта ценность может иметь односторонний (подражание, управление) и двусторонний (равноправие) характер.

Основное условие положительного взаимодействия -«перевоплощение» воспринимающего информацию в

передающего по принципу идентичности. В противном случае следует говорить о нулевой коммуникации.

Также нами рассмотрены основные компоненты, совпадение и наличие которых является залогом успешного информационного взаимодействия: субъект, передающий информацию; объект, к которому обращено сообщение; объем тезауруса субъекта и объекта; владение языковой - знаковой системой, с помощью которой передается сообщение; наличие у субъекта и объекта хотя бы предполагаемого одинакового языкового опыта и одинаковой картины мира позволяющих осуществлять процессы перекодировки поступающей информации, а следовательно, не только понимание сообщения, но и целей, которые преследует субъект информационного взаимодействия, передавая эту информацию именно в такой форме и именно данному объекту.

Результат информационного взаимодействия может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер. Непосредственный результат - это немедленная реакция объекта на те или иные действия субъекта (слова, поступки, жесты и т. д.), фиксирование которых позволяет сразу сделать вывод о достижении или невозможности достижения целей, преследуемых субъектом. Кроме того, при непосредственной и немедленной реакции объекта субъект имеет возможность скорректировать свои действия в направлении оптимального продвижения к своим целям. Нередко поступающая к индивиду информация не может использоваться сразу по причине невозможности или нежелания ее усвоения, но она может оказаться необходимой спустя какое-то время. В таком случае мы имеем опосредованный или отдаленный результат состоявшегося когда-то взаимодействия.

Элементарной единицей информационного взаимодействия выступает диалог, представляющий собой совместную деятельность участников, признающих какую-то общую для них цель. Диалог может быть непосредственным и опосредованным (когда участники

разделены во времени и в пространстве). При непосредственном взаимодействии его результат возникает и исчезает сразу по мере совершаемого речевого действия. При опосредованном взаимодействии язык как бы застывает. В его основе лежит сохранение речевого произношения. Письменный текст, в отличие от явлений материального мира, живет по своим законам. Все в мире подвержено энтропийным процессам, текст же соотносится с негэнтропийными процессами: чем текст старше, тем большим количеством информации он обладает. Для текста каждый читатель может рассматриваться в качестве ценности. Степень ценности текста зависит также и от адресата. Если текст создан для какого-либо конкретного лица, то его ценность заключена не только в степени его понятности для данного лица, но и в степени его непонятности для других. Если текст обращен ко всем, то его ценность характеризуется степенью его понятности для всех. Ценность текста состоит еще и в том, что он включает в себя все звенья коммуникативной цепи: автора, аудиторию и предмет, который послужил поводом для общения.

Другим видом опосредованного взаимодействия являются компьютерные средства связи. Их ценность заключена в том, что они преодолели расстояние и время, устранив значение географического фактора, но породили множество других проблем, поставили вопрос о конфиденциальности информации, заложенной в компьютер, создали свой «средний язык», который аннулирует контексты и носит монологический характер.

В качестве основных форм инфоконтактов предложены непосредственные и опосредованные. К ценностным характеристикам отнесена возможность установления обратной связи, что прямым образом влияет на эффективность протекания информационных процессов.

В монографии инфоконтакты делятся на формальные и неформальные. В качестве основы для их различия

используется временная продолжительность контактов. Ценность формальных каналов коммуникации связана с возможностью получения новой информации участниками инфопроцессов, возможностью установления новых контактов; неформальные каналы коммуникации проявляют себя на уровне синхронического среза, позволяя устанавливать надежную обратную связь.

Одним из ценностных аспектов инфовзаимодействия является тезаурус его участников - субъекта и объекта. Определены значение и роль его широты и глубины наполнения для осуществления коммуникации, а также отмечено, что тезаурус объекта должен отличаться таким объемом, который бы позволял потреблять информацию, одновременно не лишая ее новизны.

В исследовании подчеркивается роль знаковой формы для успешного осуществления инфоконтактов. Ценность знаковой формы заключается в ее понятности, доступности и удобстве как для субъекта, так и для объекта инфовзаимодействия. Доступность знаковой формы для объекта облегчает процесс декодировки информации на фазе потребления, и тогда полнота извлечения информации прямо пропорциональна доступности знаковой формы для объекта, а адекватность извлеченного содержания базовому факту будет зависеть от выбранной знаковой формы субъектом на фазе производства.

В заключении работе выделено несколько причин, которые ведут к разрушительным последствиям для личности в результате получения информации и информационных взаимодействий:

- неадекватность отражения информацией

окружающего мира, что нередко может исказить поведение отдельной личности, вызвать смещение ценностей, жизненных позиций и т.п.;

- противоречие между объемом получаемой информации для отдельной личности и социальной группы, что может означать состояние неопределенности,

а отсюда и неудовлетворенности личности. Практическим выходом в таком случае может стать объяснение непонятной информации, выбор достоверной информации и т.д.: результат предшествующего неосознанного искажения сознания, что выражается в неумении личности действовать в изменяющихся условиях;

- искажение информации по причине ее несоответствия установкам личности, когда в действие вступают механизмы психологической защиты и так называемый, когнитивный диссонанс, связанный с согласованием новой информации с уже имеющейся.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ¹ *Столович, Л.Н.* Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии / Л.Н. Столович. - М.: Республика, 1994. - С. 75.
- ² Там же. - С. 10.
- ³ *Шелер, М.* Избранные произведения / М. Шелер. - М.: Гнозис, 1994.-С. 287.
- ⁴ *Кузнецов, Н.С.* Человек: потребности и ценности / Н.С. Кузнецов. - Свердловск: Изд-во Уральск.ун-та, 1992. - С. 133.
- ⁵ *Парсонс, Г.Л.* Человек в современном мире / Г.Л. Парсонс. - М.: Прогресс, 1985.- С. 197.
- ⁶ Там же. - С. 198.
- ⁷ *Лосский, Н.О.* Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. - М.: Республика, 1994.-С. 250-251.
- ⁸ *Знанецкий, Ф.* Методологические заметки / Ф. Знанецкий, У. Томас // Социология в странах Центральной и восточной Европы. - М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. - С. 161.
- ⁹ Там же. - С. 162.
- ¹⁰ *Любимова, Т.Б.* Понятие ценности в буржуазной социологии / Т.Б. Любимова. // Социальные исследования. - М.: Изд-во АН СССР. 1970.-Вып. 5.-С. 65.
- ¹¹ *Кузнецов, Н.С.* Указ.соч. - С. 133.
- ¹² *Тугаринов, В.П.* Личность и общество / В.П. Тугаринов. — М.: Мысль, 1965. -С. 3.
- ¹³ *Подольская, Е.А.* Ценностные ориентации и проблема активности личности / Е.А. Подольская. - Харьков: основа, 1991. - С. 41 - 42.
- ¹⁴ *Попов, С.И.* Категории ценности и оценки и марксистская философия/ С.И. Попов// Философские науки. - 1965 - № 5 - С. 56.
- ¹⁵ Ценностные аспекты развития науки. - М.: АН СССР, 1990 С. 106 107.
- ¹⁶ *Лосский, Н.О.* Указ.соч. - С. 250.
- ¹⁷ *Лосский, Н.О.* Указ.соч. - С. 287.
- ¹⁸ *Мамардашвили, М.К.* Лекции о Прусте / М.К. Мамардашвили. -М.: Ad marginet, 1996. - С. 93-97.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Лосский, Н.О.* Указ.соч.- С. 288.
- ²² Там же.
- ²³ *Гартман, Н.* Эстетика / Н. Гартман. - Киев: «Ника - Центр», 2004 г. - С. 440.
- ²⁴ Там же. - С. 441.
- ²⁵ Там же. - С. 442.
- ²⁶ Там же. - С. 445.
- ²⁷ Там же. - С. 448.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. - С. 461.
- ³⁰ Там же. - С. 462.
- ³¹ Там же. - С. 463.
- ³² Там же. - С. 482.
- ³³ Там же. - С. 545.
- ³⁴ Там же. - С. 546.
- ³⁵ Там же. - С. 549.
- ³⁶ *Каган, М.С.* Философская теория ценности/ М.С. Каган. - СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. - С. 95.
- ³⁷ Там же. - С. 97.
- ³⁸ *Фомина, Л.П.* Понятие и типы ценностных ориентации: автореф.дис.канд.филос.наук / Л.П. Фомина- Л., 1976. - С. 6.
- ³⁹ *Каган, М.С.* Указ. соч. - С. 167.
- ⁴⁰ Там же. - С. 68
- ⁴¹ Там же.- С. 156.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. - С. 167.
- ⁴⁴ Там же. - С. 53.
- ⁴⁵ *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра // Ф. Ницше. Сочинения в 2-х тт. - Т.2. - М.: Мысль, 1990. - С. 42.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Афанасьева, И.Г.* Социалистические ценности и ценностные ориентации личности / И.Г. Афанасьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986 -С. 39-40.
- ⁴⁸ *Кузнецов, Н.С.* Указ. соч.-С. 159.
- ⁴⁹ *Хапсироков, А.Я.* Отражение и оценка. автореф. дис. доктора филос. наук / А.Я. Хапсироков. - М, 1991. - С. 15.
- ⁵⁰ *Выжлецов, Г.П.* Познание и оценка в искусстве слова: автореф. дис.канд.филос.наук / Г.П. Выжлецов. - Л., 1973. - С. 5.

- ⁵¹ Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. - М.: Юрист, 1995.-С. 44-45.
- ⁵² Ивин, А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. - С. 42 - 43.
- ⁵³ Хэар, Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. - С. 191.
- ⁵⁴ Семенюк, Э.П. Информационный подход к познанию действительности / Э.П. Семенюк. - Киев: Наук.думка, 1988. - С. 58.
- ⁵⁵ Коган, В.З. Маршрут в страну информологию / В.З. Коган. - М.: Наука, 1985.-С. 20.
- ⁵⁶ Харкевич, А.А. О ценности информации // Проблемы кибернетики. -М., 1960.-Вып. 4.-С 56.
- ⁵⁷ Там же. - С. 55.
- ⁵⁸ Коган, В.З. Теория информационного взаимодействия. Философско-социологические очерки / В.З. Коган. - Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1991.- С. 119.
- ⁵⁹ Коган, В.З. Информационное взаимодействие. Опыт анализа субъектно-объектных отношений / В.З. Коган. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.- С. 121.
- ⁶⁰ Моль, А. Теория информации и эстетическое восприятие / А. Моль. -М.: Мир, 1966. -С. 51.
- ⁶¹ Полетаев, И.А. К определению понятия «информация». II. Прагматический аспект. О ценности информации / И.А. Полетаев. // Исследования по кибернетике. - М., 1970. - С. 232.
- ⁶² Василенко, В.А. Философский анализ проблемы ценности информации / В.А. Василенко // Информация в организации и проведении научных исследований. — Киев, 1968. - Вып. 1. - С. 76.
- ⁶³ Там же.- С. 79.
- ⁶⁴ Там же. - С. 80.
- ⁶⁵ Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. - СПб.: «Искусство -СПБ», 2000. - С. 289-290.
- ⁶⁶ Луман, Н. Власть / И. Луман. - М.: Практика, 2001. - С. 51.
- ⁶⁷ Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. - М.: Прогресс, 1990.-С. 495.
- ⁶⁸ Там же. - С. 602-603.
- ⁶⁹ Там же. - С. 347-348.
- ⁷⁰ Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. - М.: Академический проект, 2000. - С. 134 - 135.
- ⁷¹ Там же. - С. 419-420.
- ⁷² Там же. - С. 436.
- ⁷³ Там же. - С. 460-461.
- ⁷⁴ Там же. - С. 462.
- ⁷⁵ Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. -М.: Книжный дом «Университет», 2002. - Ч. 2 - С. 31.
- ⁷⁶ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. - М.: Политиздат, 1992. - С. 27.
- ⁷⁷ Там же. - С. 81.
- ⁷⁸ Там же. - С. 42.
- ⁷⁹ Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. - М.: Академический проект, 2003. - С. 51.
- ⁸⁰ Там же. - С. 57.
- ⁸¹ Там же. -С. 75.
- ⁸² Там же. - С. 128.
- ⁸³ Гидденс, Э. Новые правила соц. метода // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. - М.: Книжный дом «Университет», 2002.- Ч.2 - С. 298.
- ⁸⁴ Он же. Устроение общества... - С. 306 - 307.
- ⁸⁵ Там же. - С. 310.
- ⁸⁶ Там же. - С. 219.
- ⁸⁷ Гофман, И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М: Книжный дом «Университет», 2002. — Ч. 2 — С. 64.
- ⁸⁸ Там же. - С. 67.
- ⁸⁹ Там же. - С. 68.
- ⁹⁰ Там же. - С. 70-71.
- ⁹¹ Там же. - С. 90.
- ⁹² Тернер, Дж.: Аналитическое теоретизирование // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. - М.: Книжный дом «Университет», 2002.-Ч.2- С. 216.
- ⁹³ Там же.-С. 219.
- ⁹⁴ Там же. - С. 219.
- ⁹⁵ Там же. — С. 220.
- ⁹⁶ Там же. - С. 223.
- ⁹⁷ Там же. - С. 224.
- ⁹⁸ Там же. - С. 224.
- ⁹⁹ Там же. - С. 226.
- ¹⁰⁰ Там же.- С. 229-230.
- ¹⁰¹ Там же.- С. 230.

- ¹⁰² Демин, М.В. Проблемы теории личности / М. В. Демин. - М.: Изд-во Моск.ун-та, 1977. - С. 37.
- ¹⁰³ Дубровский, Д. И. Информация, сознание, мозг / Д. И. Дубровский. - М.: Высш.шк., 1980. -С. 4.
- ¹⁰⁴ Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М: Медиум, 1995. -С. 41, 55.
- ¹⁰⁵ Абельс, Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс. - СПб.: Алетейя, 2000 - С. 142.
- ¹⁰⁶ Там же. - С. 151.
- ¹⁰⁷ Парсонс, Т. Понятие общества... - С. 22.
- ¹⁰⁸ 108. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия / Ю. Хабермас. // Вестник МГУ. - Серия 7 - Философия - № 4 - 1993. - С. 59.
- ¹⁰⁹ Луман, Н. Указ.соч. С. 12.
- ¹¹⁰ Логический анализ языка: Язык речевых действий. - М.: Наука, 1994.-С. 92.
- ¹¹¹ Фурс, В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В.Н. Фуре. - Минск: ЗАО Экономпресс, 2000. - С. 66.
- ¹¹² Шарков, Ф.И. Истоки и парадигмы исследований социальной коммуникации / Ф.И. Шарков // СОЦИС - 2001 - № 8 - С. 56.
- ¹¹³ Фурс, В.Н. Указ. соч. - С. 89.
- ¹¹⁴ Шарков, Ф.И. Указ. соч. С. 57.
- ¹¹⁵ Он же. Основы теории коммуникации / Ф.И. Шарков. - М: Наука, 2002. - С. 5.
- ¹¹⁶ Конечкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечкая - М.: Междунар.ун-т бизнеса и управления «Братя Карич», 1997. - С. 9.
- ¹¹⁷ Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. - М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. - С. 14.
- ¹¹⁸ Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В. Соколов. - СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. - С 41.
- ¹¹⁹ Науменко, Т. В. Социология массовых коммуникаций в структуре социального знания / Т.В. Науменко // СОЦИС - 2003 - № 10 - С. 40.
- ¹²⁰ Там же. - С.41.
- ¹²¹ Соколов, А.В. Введение в теорию социальной коммуникации / А.В. Соколов. - СПб.: СПбГУП, 1996. - С. 22.
- ¹²² Родионов, Б.А. Коммуникация как социальное явление / Б.А. Родионов. - Ростов н/Д.:Изд-во Рост.ун-та, 1984. - С. 33.
- ¹²³ Там же. - С. 35.
- ¹²⁴ Там же. - С. 47.
- ¹²⁵ Коган, В.З. Информационное взаимодействие (опыт анализа субъектно-объектных отношений) / В.З. Коган. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980 - С. 48.
- ¹²⁶ Там же -С. 51.
- ¹²⁷ Коган, В.З. Теория... С. 49.
- ¹²⁸ Там же. - С. 50
- ¹²⁹ Там же. - С. 50.
- ¹³⁰ Там же. - С. 50.
- ¹³¹ Там же. - С. 50.
- ¹³² Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. - М.: Высшая школа, 1993. - С. 40
- ¹³³ Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. - М.: Республика, 1994 - С. 269.
- ¹³⁴ Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. - М.: Наука, 1982.-С. 92.
- ¹³⁵ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история / Ю.М. Лотман. - М: Языки русск.культуры, 1996.-С. 13.
- ¹³⁶ Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. - Б.м., ТОО ТК «Петрополис», 1998. - С. 62.
- ¹³⁷ Луман, Н. Указ. соч. - С. 51.
- ¹³⁸ Там же. - С. 53.
- ¹³⁹ Гаспаров, Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. Гаспаров. - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - С. 5.
- ¹⁴⁰ Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 2-е изд-е, стереотипное / А.А. Леонтьев. - М.: Едиториал УРСС, 2003 - С. 66.
- ¹⁴¹ Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. - М: Издат. Группа «Прогресс», 1993. - С. 193.
- ¹⁴² Кафанья, А.К. Формальный анализ определений понятия «культура»// Антология исследований культуры. Т.1 Интерпретация культуры. - СПб.: Университетская книга, 1997 - (Культурология XX век). - С. 92-93.
- ¹⁴³ Сепир, Э. Указ.соч. -С. 261.
- ¹⁴⁴ Бергер, П, Лукман, Т. Указ.соч. - С. 113-114.
- ¹⁴⁵ Там же. - С. 249.
- ¹⁴⁶ Там же. - С. 249-250.

- ¹⁴⁷ Мангейм, К. Избранное: Социология культуры / К. Мангейм. - М., СПб.: Университетская книга, 2000. - (Книга света) - С. 389.
- ¹⁴⁸ Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - (Серия «Книга света»). — С. 519.
- ¹⁴⁹ Там же. - С. 830.
- ¹⁵⁰ Там же. - С. 830-831.
- ¹⁵¹ Антонов, А.В. Информация, восприятие, понимание / А.В. Антонов. - Киев: Наук, Думка, 1988. - С. 29.
- ¹⁵² Коршунов, А.М. Теория отражения и эвристическая роль знаков / А.М. Коршунов, ВВ. Мантатов. - М.: Изд-во МГУ, 1974. - С. 65.
- ¹⁵³ Моррис, Ч.У. Из области основной семиотики // Семиотика: Антология. - М.: Академ. Проект; Екатеринбург «Деловая книга», 2001 -С. 50.
- ¹⁵⁴ Он же Из книги «значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: Антология. - М.: академ. Проект; Екатеринбург: деловая книга, 2001.-С. 132.
- ¹⁵⁵ Шрейдер, Ю.А. Семиотические основы информатики / Ю.А. Шрейдер. - М.: «ИМПИКР», 1975 - С. 7.
- ¹⁵⁶ Там же. - С. 8.
- ¹⁵⁷ 157. Там же. - С. 11.
- ¹⁵⁸ Соковнин, В.М. О природе человеческого общения (опыт философского анализа) / В.М. Соковнин. - Б.М.: Мектеп, 1973. - С. 9.
- ¹⁵⁹ Шюц А. Указ. соч. - С. 844.
- ¹⁶⁰ Там же. - С. 870.
- ¹⁶¹ Шнейдер, В.Б. Нормативные основания достижения адекватного понимания в актах речевой коммуникации / В.Б. Шнейдер. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1993 - С. 25.
- ¹⁶² Там же. - С. 26.
- ¹⁶³ Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин. - М.: Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999 - С. 35
- ¹⁶⁴ Гаспаров, Б. Указ. соч. - С. 106.
- ¹⁶⁵ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров... - С. 26.
- ¹⁶⁶ Коган, В.З. Маршрут в страну информологию / В.З. Коган. - М.: Наука, 1985. - С. 78.
- ¹⁶⁷ Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. Т.2 / Ф. Ницше. - М.: Мысль, 1990. -С. 303.
- ¹⁶⁸ Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. -М.: Искусство, 1986. - С. 320.
- ¹⁶⁹ Шнейдер, В.Б. Нормативные основания достижения адекватного понимания в актах речевой коммуникации / В.Б. Шнейдер. -Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1993. - С. 9.
- ¹⁷⁰ Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. — М.; Жуковский: «Канон-пресс - Ц», «Кучково поле», 2003.-С.68-69.
- ¹⁷¹ Там же. - С. 45.
- ¹⁷² Там же. - С. 202.
- ¹⁷³ Дридзе, Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиопсихологии / Т.М. Дридзе // ОНС -1996 -№3-С. 149.
- ¹⁷⁴ Дридзе, Т.М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиопсихологии / Т.М. Дридзе // Социокультурное пространство диалога. М: Наука, 1999. - С. 61.
- ¹⁷⁵ Пятигорский, А.М. Избранные труды / А.М. Пятигорский - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - С. 18.
- ¹⁷⁶ Там же. - С. 19
- ¹⁷⁷ Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт // Семиотика. - М: Радуга, 1983.-С. 314-315.
- ¹⁷⁸ Коган, В.З. Теория информационного взаимодействия. Философско-социологические очерки / В.З. Коган - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991.-С. 164.